

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МОЛДОВЫ

На правах рукописи

C.Z.U: 821.161.1(478)-3.09"18/19"(043.3)

ИЖБОЛДИНА ИРИНА

**ПРОЗА ОЛЬГИ НАККО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ БЕССАРАБИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ**

622.02 – Всемирная литература и
сравнительное литературоведение

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологии

Научный
руководитель:

ПРУС Елена,
доктор хабилитат
филологии, профессор,
член корреспондент АНМ

Автор:

ИЖБОЛДИНА Ирина

КИШИНЭУ, 2025

UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

Cu titlu de manuscris

C.Z.U: C.Z.U: 821.161.1(478)-3.09"18/19"(043.3)

IJBOLDINA IRINA

**PROZA OLGĂI NACCO ÎN CONTEXTUL LITERATURII RUSE
DIN BASARABIA DE LA SFÂRȘITUL SECOLULUI
AL XIX-LEA – ÎNCEPUTUL SECOLULUI AL XX-LEA**

622.02 – literatura universală și comparată

Teză de doctor în filologie

Conducător științific:

PRUS Elena,

doctor habilitat în filologie,
profesor universitar, membru
corespondent al AȘM

Autorul

IJBOLDINA Irina

CHIȘINĂU, 2025

© Ижболдина Ирина, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ	6
ADNOTARE	7
ANNOTATION	8
ВВЕДЕНИЕ	9
1. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕССАРАБИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	20
1.1. Степень разработанности проблемы и материалы первой главы	20
1.2. Региональные особенности русской литературы Молдовы. Вопросы идентификации и периодизации.	23
1.3. Образы и сюжеты молдавского фольклора в литературе Бессарабии	30
1.4. Выводы и результаты первой главы	39
2. СПЕЦИФИКА БЕССАРАБСКОЙ ТЕМАТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОЛЬГИ НАККО И ДРУГИХ МЕСТНЫХ АВТОРОВ	42
2.1. Степень разработанности проблемы и материалы второй главы	42
2.2. Формирование особенностей художественной литературы Бессарабии в периодической печати	43
2.3. Газеты Бессарабии как литературная платформа. Общий обзор и сравнительный анализ произведений ее представителей.	55
2.4. Бессарабская тематика в произведениях О. Накко и других местных авторов	58
2.5. Выводы и результаты второй главы	73

3. ПРОЗА ОЛЬГИ НАККО, И ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ БЕССАРАБСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	76
3.1. Степень разработанности проблемы и материалы третьей главы	76
3.2. Автобиографический дискурс в творчестве О. Накко (рассказы «Из Одессы в Вознесенск», «В Ясной Поляне», «Бессарабские былины»).	78
3.3. Этнокультурные характеристики художественного мира О. Накко	91
3.4. Особенности стилистических ресурсов в произведениях О. Накко: молдавский колорит в рассказах «Фрикошены», «Дочь колдуньи», «Янко Лемо», «Папаруда», «Волк»	98
3.5. Система художественных персонажей в рассказах О. Накко «Виктор Белиш», «На базаре», «На мамалыге», «В тисках нужды», «Свидетель», «В бессарабской глуши»	112
3.6. Художественная картина бессарабского мира в повести «Баймачаны»	123
3.7. Выводы и результаты третьей главы	133
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	136
БИБЛИОГРАФИЯ	142
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	159
CURICULUM VITAE	160

АННОТАЦИЯ

ИЖБОЛДИНА Ирина

ПРОЗА ОЛЬГИ НАККО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕССАРАБИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологии. Кишинэу, 2025

Структура диссертации: введение, три главы, общие выводы и рекомендации, библиографический список из 242 наименований, 141 страниц базового текста. По материалам диссертационного исследования опубликована 1 монография и 21 печатная работа.

Ключевые слова: проза, литература Бессарабии, региональные компоненты, периодизация, бессарабская тематика, концептуальная модель, литература периодической печати, бессарабская действительность, художественное восприятие, конститутивные элементы.

Область исследования: Филология. История русской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX в.

Цель исследования: рассмотреть творчество Ольги Накко в расширенном контексте русской и румынской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX в. и определить его значение в культуре данного региона.

Задачи исследования: выявить характерные особенности литературного процесса в Бессарабии конца XIX – начала XX в. в аспекте идентификации и периодизации; определить роль и место творчества О. Накко в контексте данного процесса; проанализировать литературное наследие писательницы, его художественное своеобразие, особенности стиля; установить характеристики художественного видения О. Накко, этнокультурные элементы, а также специфику системы художественных персонажей, композиции и стилистических ресурсов.

Научная новизна и оригинальность исследования состоят в формировании, в результате проведенного исследования, новой концептуальной модели, выработанной на основе установленных литературных данных, наблюдений и выводов, существенно уточняющих художественную картину бессарабского мира; возвращении из безызвестности имени О. Накко и ряда других бессарабских литераторов благодаря релевантному характеру научного поиска, впервые обращенного к неисследованным страницам творческого наследия О. Накко и истории русской литературы Бессарабии; актуальности применения к данной теме компаративистских исследований.

Полученным результатом, который способствует решению важной научной проблемы, является разработка теоретических и методологических основ включения творческого наследия О. Накко в обширный процесс взаимодействия и взаимовлияния литератур. Обращение к художественному материалу бессарабской периодической печати позволяет определить роль писательницы как регионального литератора и проанализировать художественную, этнокультурную и документальную ценность ее литературного наследия в контексте русской литературы Бессарабии, а также в сопоставительном ракурсе с русской и румынской литературами.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании культурологического подхода к литературному процессу как основы понимания и изучения данной проблемы, что способствовало созданию новой концептуальной модели на основе дискурсивных особенностей региональной литературы Бессарабии, удовлетворяющей требованиям мультифункциональности, междисциплинарности и многомерности, что позволяет отнести ее к ряду ключевых общекультурных, трансверсальных и гуманитарных знаний.

Практическая значимость исследования состоит в возможности внедрения разработанной *концептуальной модели* в образовательные программы подготовки кадров в области филологии, культурологии, антропологии, этнографии, учитывая специфику преподаваемой дисциплины.

Внедрение результатов исследования осуществлялось в виде публичных лекций и культурных программ по теме «Русская литература Бессарабии конца XIX – начала XX в.», а также в рамках методической помощи работникам библиотек Кишинэу (Муниципальная библиотека им. Б. П. Хашдеу, Библиотека русской литературы и культуры им. М. В. Ломоносова).

ADNOTARE

IJBOLDINA Irina

PROZA OLGĂI NACCO ÎN CONTEXTUL LITERATURII RUSE DIN BASARABIA DE LA SFÂRȘITUL SECOLULUI AL XIX-LEA – ÎNCEPUTUL SECOLULUI AL XX-LEA.

Teză de doctor în filologie. Chișinău, 2025

Structura tezei: introducere, trei capitole, concluzii generale și recomandări, bibliografie din 242 de titluri, 141 pagini de text de bază. Rezultatele obținute sunt publicate în: 1 monografie și 21 lucrări științifice.

Cuvinte-cheie: proză, literatura Basarabiei, componente regionale, periodizare, tematică basarabeană, model conceptual, literatura presei periodice, realitate basarabeană, percepție artistică, elemente constitutive.

Domeniul de studiu: filologie, istoria literaturii ruse din Basarabia de la sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului XX.

Scopul cercetării: constă în cercetarea creației scriitoarei Olga Nacco, într-un cadru extins al literaturii ruse și române din Basarabia de la sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului XX și determinarea importanței sale în cultura acestui ținut.

Obiectivele cercetării: a elucida particularitățile caracteristice ale procesului literar din Basarabia de la sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului XX sub aspectul identificării și periodizării; a determina rolul și locul creației O. Nacco în contextul acestui proces; a efectua analiza moștenirii literare a scriitoarei și a dezvălui originalitatea ei artistică și particularitățile stilului; a stabili caracteristicile viziunii artistice a O. Nacco, elementele etnoculturale, precum și specificul sistemului personajelor artistice, compoziției și resurselor stilistice.

Noutatea științifică și originalitatea cercetării constă în: elaborarea, în urma cercetării întreprinse, a unui model conceptual nou, realizat în baza datelor literare stabilite, a observațiilor și concluziilor care au concretizat în mod substanțial tabloul artistic al universului basarabean; scoaterea din anonimat a numelui O. Nacco și ale altor oameni de litere basarabeni, datorită caracterului relevant al cercetării științifice, pentru prima dată direcționată spre paginile necercetate ale moștenirii literare a O. Nacco și ale istoriei literaturii ruse din Basarabia; actualitatea aplicării demersului comparatist față de această temă.

Rezultatul obținut, care contribuie la soluționarea unei probleme științifice importante, constă în elaborarea bazelor teoretice și metodologice de includere a moștenirii artistice a O. Nacco în procesul amplu de interacțiuni și interferențe reciproce între literaturi. Abordarea materialului artistic din presa periodică basarabeană permite determinarea locului scriitoarei ca om de litere regional și efectuarea unei analize a valorii artistice, etnoculturale și documentare a moștenirii sale literare în contextul literaturii ruse din Basarabia și într-un aspect comparativ cu literaturile rusă și română, în general.

Semnificația teoretică a cercetării constă în fundamentarea abordării culturologice a procesului literar ca bază pentru conceperea și cercetarea acestei probleme, fapt ce a contribuit la crearea unui model conceptual nou în baza particularităților discursive ale literaturii regionale din Basarabia, care satisface cerințele plurifuncționalității, interdisciplinarității și pluridimensionalității, și permite includerea sa în rândul cunoștințelor culturale generale, transversale și umanistice.

Valoarea aplicativă a cercetării rezidă în posibilitatea de a implementa *modelul conceptual* elaborat în programele de formare a cadrelor în domeniile filologiei, culturologiei, antropologiei, etnografiei, ținând cont de specificul disciplinei predate.

Implementarea rezultatelor cercetării a fost realizată sub forma unor prelegeri și programe culturale sub genericul „Literatura rusă a Basarabiei de la sfârșitul secolului al XIX-lea – începutul secolului XX”, precum și în cadrul consultării metodice acordate colaboratorilor bibliotecilor din Chișinău (Biblioteca Municipală „B. P. Hașdeu”, Biblioteca literaturii și culturii ruse „M. V. Lomonosov”).

ANNOTATION
IJBOLDINA Irina
OLGA NACCO' PROSE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE OF
BESSARABIA AT THE END OF 19TH – BEGINNING OF 20TH CENTURIES
Dissertation of Doctor of Philological Sciences, Chisinau 2024

Structure of the Dissertation: Introduction, three chapters, general conclusions and recommendations, a bibliography of 242 sources, and 141 pages of main text. Based on the dissertation research, one monograph and 21 printed works have been published.

Keywords: prose, Bessarabian literature, regional components, periodization, Bessarabian themes, conceptual model, literature of the periodical press, Bessarabian reality, artistic perception, constitutive elements.

Field of Study: Philology. History of Russian literature in Bessarabia at the end of the 19th and the beginning of the 20th century.

Research Objective: To examine the works of Olga Nakko within the broader context of Russian and Romanian literature of Bessarabia at the turn of the 19th–20th centuries, and to determine their significance in the culture of the region.

Research Tasks: To identify the characteristic features of the literary process in Bessarabia in the late 19th – early 20th centuries in terms of identification and periodization; To determine the role and place of O. Nakko's work in this context; To analyze the literary legacy of the writer, its artistic uniqueness, and stylistic features; To establish the characteristics of O. Nakko's artistic vision, ethnocultural elements, as well as the specifics of her system of artistic characters, composition, and stylistic resources.

Scientific Novelty and Originality: The research forms a new conceptual model, developed based on literary data, observations, and conclusions that significantly clarify the artistic representation of the Bessarabian world. The study revives the name of O. Nakko and several other Bessarabian authors from obscurity, thanks to the relevance of the scholarly inquiry, which, for the first time, addresses unexplored pages of O. Nakko's creative legacy and the history of Russian literature in Bessarabia. It also emphasizes the relevance of applying comparative research methods to this topic.

Result: A significant scientific contribution lies in the development of theoretical and methodological foundations for integrating O. Nakko's literary heritage into the broader process of literary interaction and mutual influence. The analysis of Bessarabian periodical literature helps to define her role as a regional writer and assess the artistic, ethnocultural, and documentary value of her literary legacy within the context of Russian literature in Bessarabia, as well as in comparative perspective with Russian and Romanian literatures.

Theoretical Significance: The research substantiates a cultural approach to the literary process as a foundation for understanding and studying the issue. This has led to the creation of a new conceptual model based on the discursive features of Bessarabia's regional literature, meeting the demands of multifunctionality, interdisciplinarity, and multidimensionality. This allows it to be classified among the core areas of general cultural, transversal, and humanitarian knowledge.

Practical Significance: The conceptual model developed can be integrated into educational programs for training specialists in philology, cultural studies, anthropology, and ethnography, taking into account the specifics of the discipline taught.

Implementation of Research Results: The results were implemented in the form of public lectures and cultural programs on the topic "*Russian Literature of Bessarabia at the Turn of the 19th–20th Centuries*", as well as through methodological assistance to librarians in Chisinau (the Municipal Library named after B. P. Hasdeu, the Library of Russian Literature and Culture named after M. V. Lomonosov).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В национальных литературах существует корпус произведений, считающихся образцовыми, эталонными для той или иной эпохи, а их авторы представляют определенные ориентиры в истории данных литератур. Справедливо и закономерно, что именно такие писатели более всего привлекают к себе внимание исследователей. Однако наука о литературе ставит перед нами не менее ответственную задачу и другого рода: изучения литературного процесса в контексте включения в его поток забытых ныне имен ее авторов. Установить значение творчества писателей «второго ряда» в истории литературы – одно из важных направлений современного литературоведения. А, собственно, наша задача – выявить участие определенной группы региональных писателей в литературе, определить их место и роль в литературном процессе, значимость вклада в литературное развитие Бессарабии.

В центре данного исследования – литературное наследие русской писательницы и публицистки Ольги Накко (1840–1919), посвятившей свое творчество представлению картины мира бессарабской действительности, во всем ее культурном многообразии. Авторская жанровая специфика которой, построенная на бытописательной и нравоописательной основе, предопределила ее стилевые закономерности. Художественная проза Ольги Накко, отличавшаяся малыми формами (рассказ, очерк), отражает малоизвестные и отличительные стороны жизни населения Бессарабии: повседневный быт, описания семейных обрядов и связанных с ними жанров устного народного творчества. Поэтому, в современных условиях, своеобразие построенного бессарабского художественного мира писательницы, включающее мотивы, тональность, черты характеров персонажей, а также этнографические и фольклорные материалы и зарисовки, представляет особую художественно-документальную ценность. И не только потому, что восполняет пробелы в художественной литературе и печати Бессарабии, а также служит убедительным напоминанием об историческом прошлом края и дополнением социальной истории. Этот вклад писательницы в бессарабскую культуру и предопределяет актуальность избранной темы исследования.

Научная актуальность нашего исследования определяется прежде всего тем фактом, что до сих пор творчество Ольги Накко не становилось предметом специального научного внимания и анализа. А также тем, что подобное исследование дает возможность конкретизировать картину взаимодействия румынской и русской культур в Бессарабии конца XIX – начала XX вв.

Наряду с традиционным диахронным подходом к изучению литературных явлений, исследование творчества Ольги Накко соотнесено с наследием ее предшественников (А.

Вельтман, Н. Гербановский, А. Хыждеу) – в аспекте историческом. В нашей работе применяется и синхронный подход: изучение литературных явлений на примере произведений современников (Б. П. Хашдеу, К. Стамати-Чуря, А. Яцимирский и др.), объединенных присутствием в них бессарабского фольклорно-этнографического материала и принадлежностью к одной и той же литературной эпохе. Для рассмотрения выбраны произведения с использованием молдавского этнокультурного регионального компонента. На примере сочинений ряда писателей исследуется не только то общее, что их объединяет, но выявляются также различия в использовании местного материала каждым из авторов.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Выявление научного фонда показывает, что проза Ольги Накко в контексте русской литературы Бессарабии ни в конце XIX – начала XX вв., ни позднее, в Республике Молдова, а также зарубежных странах, ранее не являлось предметом исследований.

Между тем, культурологический подход как основа изучения литературного процесса, посвященный различным формам литературного взаимодействия указанного периода, находит свое отражение в трудах современной исторической, литературоведческой и искусствоведческой науки. Культурологический подход современной литературоведческой и искусствоведческой науки свойственен, например, немецкому филологу, исследователю европейской литературы Эриху Ауэрбаху [Auerbach 2013], выдающемуся философу культуры Мирче Элиаде [Eliade 2003], американскому литературному критику Ричарду Бродхеду [Brodhead 1993]. Он характерен для работ таких русских ученых, как философ, культуролог, литературовед, теоретик европейской культуры и искусства Михаил Бахтин (1975, 1985, 2000); литературовед, культуролог и семиотик Юрий Лотман (1956, 1969, 1986); исследователь американской и английской литературы, русской литературы и наследия русского зарубежья Александр Николюкин (2003, 2023); литературовед, культуролог и историк культуры, философ Сергей Аверинцев (1985, 1994) и др.

В диссертации применялись фундаментальные разработки румынских ученых: Николае Йорги [Iorga 1983], Джордже Кэлинеску [Călinescu 1988, 1998], Николае Манолеску [Manolescu 1997], теоретические генерации литературного критика и философа культуры и цивилизации Теодора Кодряну [Codreanu 2015, 2017] и др.

В разработке теоретических положений работы использовались последние публикации в научных журналах, обосновывающие контекстуальные особенности развития региональной литературы как, например, современные исследования румынских филологов К. Чопраги и К. Агаке [Ciopraga 2005], молдавских литературоведов, С.

Павличенко [Pavlicenco 1998, 1999] А. Грати [Grati 2004, 2009], статьи российских литературоведов В. Н. Яранцева (2013), Н. В. Проданик и А. В. Подворной (2021) и др.

В процессе создания данной работы мы опирались на изыскания литературоведов Республики Молдовы, рассматривающих особенности развития русской литературы Бессарабии XIX в. Как, например, молдавских филологов, известных исследователей в области румынской, бессарабской литературы Василия Чокану [Ciocanu 1974, 1984, 1989, 2001], и Саввы Пынзару [Pînzaru 1992; Пынзару 1990, 1991], академика Константина Поповича [1958, 1979, 1998]; литературоведов, изучавших влияние фольклора на художественную литературу Молдовы: Г. Ф. Богача (1967), Е. М. Двойченко-Марковой (1979); академические сборники научных статей, созданные ведущими молдавскими литературоведами: *Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи* (1967), *Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины XIX века* (1979), а также сборник *Из литературного наследия бессарабских писателей XIX века* (1986), содержащий также первые републикации некоторых произведений бессарабских литераторов XIX века. Особую значимость в этом ряду имеет энциклопедическое издание, труд молдавских литературоведов-составителей С. Г. Пынзару, К. Б. Шишкана, С. П. Прокоп: *Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях (XIX – начало XXI вв.) Библиографический словарь-справочник* (2003). Это единственное масштабное не только по хронологии (три столетия), но и по охвату имен издание, посвященное молдавским писателям, писавшим на русском языке. Словарь состоит из предисловия и восьми разделов: *Писатели России в Бессарабии (XIX – начало XX вв.)*; *Русские писатели Бессарабии (XIX – начало XX вв.)*; *Писатели современной эпохи (XX – начало XXI вв.)* и др., систематизирует и классифицирует обстоятельный библиографический материал по данной тематике, который помог нам в ходе данной работы.

Мы также использовали инновации в области русской литературы Бессарабии, которые содержат диссертационные работы молдавских литературоведов Г. Топор и Н. Спорыш. В диссертационной работе литературоведа Н. Спорыш *Литературоведческие изыскания А. И. Яцимирского в контексте славяно-румынского культурного диалога* (2003) подробно рассматривается творчество А. И. Яцимирского как новатора в изучении славяно-румынских литературных и культурных взаимосвязей и взаимовлияния, которые объединяли культуры соседних народов в течение ряда веков. Молдавской народной тематике в творчестве А. Ф. Вельмана посвящена диссертация Г. Топор, где она тщательно анализирует «бессарабские материалы» и молдавские реалии в творческом восприятии писателя (1997).

Весомая часть данной работы построена на художественных и художественно-публицистических текстах русских и бессарабских писателей исследуемого периода, опубликованных в периодических изданиях Кишинева и Одессы (*Бессарабский Вестник*, 1889–1895; *Новороссийский Телеграф*, 1887–1897) и более не издававшихся. Для релевантной картины исследования нам необходимо было освоить полные комплекты уквзанных газет, которые в настоящее время находятся только в фондах газетного зала Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и доступны для изучения лишь небольшому числу исследователей.

В диссертации также использованы архивные материалы, собранные в Национальном архивном агентстве Республики Молдова (*Agenția Națională a Arhivelor*), Государственном архиве Одесской области (Державний архів Одеської області) и Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург).

Надо отметить, что, приступая к работе над изучением творчества Ольги Накко, мы столкнулись практически с полным отсутствием биографического, скудностью текстового и аналитического материала по данной теме. Краткая библиографическая справка о писательнице, которую затем дублировали современные литературные справочники, была опубликована еще при ее жизни в, 1911 году, в библиографическом указателе *Basarabiana*, составленном бессарабцем, энтузиастом изучения культуры края П. Д. Драгановым, но она не содержала даже основных биографических данных [Драганов 1993]. Единственный небольшой сборник рассказов, изданный после смерти писательницы в Кишиневе (1970), предваряло вступление молдавского библиографа А. С. Киделя, представляющее собой краткий очерк жизни и творчества писательницы, содержащий, к сожалению, некоторые неточности в датах и идеологические маркеры. В данном аспекте для нас стали существенным подспорьем некоторые наработки, сделанные советскими литературоведами С. Г. Пынзару и Д. В. Ковалем в области творчества О. Накко, а также исследовательские работы В. М. Чокану, способствовавшие воссозданию целостной картины творческого наследия Ольги Накко.

Объект исследования составляет творческое наследие бессарабской писательницы Ольги Накко в литературно-исторической связи с литературным процессом Бессарабии конца XIX – начала XX вв.

Предмет исследования: систематизированное описание самобытного литературно-очеркового творчества Ольги Накко. Литературное наследие которой, включающее этнографическую специфику ее художественных нарративов, рассматривается в контексте взаимодействия румынской и русской культур Бессарабии.

Цель исследования мотивирована стремлением восполнить картину русской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв. и представить творческое наследие Ольги Накко систематично и целостно, как в общем контексте русской региональной, так и румынской литературы, акцентируя ее самобытный вклад в русский и румынский литературный процесс. Привлечение к анализу целого ряда произведений бессарабских писателей, отражающих различные стороны национальных реалий, и возвращение их имен из безывестности, формирует общий литературный контекст и способствует художественному и культурному обогащению истории Бессарабии. Таким образом, цель нашего исследования – рассмотреть творчество Ольги Накко в расширенном контексте русской и румынской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв.

Цель исследования определила основные **задачи исследования**:

- выявить характерные особенности литературного процесса в Бессарабии конца XIX – начала XX в.;
- определить роль и место творчества О. Накко в контексте данного процесса;
- проанализировать литературное наследие О. Накко, его художественное своеобразие, особенности стиля;
- установить характеристики художественного сознания О. Накко, этнокультурные элементы, а также особенности системы художественных персонажей, композиции и стилистических ресурсов.

Обозначенные цели и задачи определяют **основные методы исследования**, примененные к литературному наследию О. Накко, большинство произведений которой впервые подвергались научному изучению.

Анализ литературного наследия писательницы направлен на следующие аспекты:

- выявление авторского видения и анализ произведений с точки зрения избранного стиля;
- анализ жанровой природы произведений писательницы.

В работе применялся также **описательный метод**, использовались приемы *внешней, культурно-исторической интерпретации* текстового материала: приемы логико-психологической интерпретации; социологической интерпретации ярких социальных акцентов; приемы *внутренней интерпретации* текстового материала: *статистические* приемы, с помощью которых выявляется частотность анализируемых явлений, что создает наглядную картину тематических, жанровых и стилевых предпочтений автора.

В диссертации широко применялся **сравнительный метод**, заключающий в себе *историко-сравнительный, литературно-компаративный и сравнительно-типологический* компоненты. **Сравнительный метод** исследования как общенаучный метод аналитического

характера был применен в работе разноаспектно. *Историко-сравнительный метод* использовался при изучении некоторых произведений с целью выявления их внешних и внутренних особенностей и закономерностей, включая культурно-историческую интерпретацию текста. *Литературно-компаративный метод* был использован для сравнительной интерпретации отдельных текстов писателей Бессарабии в контексте истории русской литературы. *Сравнительно-типологический метод* применялся для выявления типологических особенностей литературного наследия Ольги Накко.

Хронологические рамки исследования: конец XIX – начало XX вв. Нижняя и верхняя граница хронологического периода обусловлена годами творческой деятельностью О. Накко в литературе (1887–1913).

Научная новизна работы определяется:

- формированием, в результате проведенного исследования, новой концептуальной модели, выработанной на основе установленных литературных данных, наблюдений и выводов, существенно уточняющих художественную картину бессарабского мира в процессе взаимодействия румынской и русской культур конца XIX – начала XX в.;
- характером научного поиска, впервые обращенного к неисследованным страницам истории русской литературы Бессарабии и творческому наследию О. Накко;
- возвращением из безызвестности имени О. Накко и ряда имен других бессарабских литераторов;
- актуальностью применения к данной теме компаративистских исследований.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании культурологического подхода к литературному процессу, предлагаемого в качестве основы понимания и изучения данной проблемы и посвященного различным формам литературного взаимодействия указанного периода. Дискурсивные особенности эволюции региональной литературы, а также локально-темпоральный срез художественных произведений, характеризующийся своеобразием амальгамы бессарабских реалий и местного колорита, образуют специфическую концептуальную модель исследования, что позволяет отнести ее к ряду ключевых общекультурных гуманитарных знаний, в том числе трансверсальных, и подчеркивает ее особую актуальность.

Практическая значимость работы состоит в возможности внедрения разработанной концептуальной модели в научно-образовательные программы подготовки кадров в области филологии, культурологии, антропологии, этнографии, учитывая специфику преподаваемой дисциплины.

Апробация работы. Основные теоретические положения исследования и ряд частных его аспектов изложены в 18-ти научных статьях, опубликованных в коллективных научных сборниках и журналах, в том числе академических, 3-х справочных статей в энциклопедическом издании, а также публикацией научной монографии по данной теме: *Живая старина в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX– начала XX в. Исследования и материалы* [Ижболдина 2012]. Одной из форм апробации результатов исследования является участие автора в национальных и международных научно-теоретических, научно-методических и научно-практических конференциях и конгрессах, в том числе организованных в Бухаресте, Шанхае, Санкт-Петербурге, Кишиневе и др.

Объем и структура работы. 141 страниц базового текста исследования включают введение, три теоретико-практические главы, общие выводы и рекомендации, а также библиографию, включающую 242 источника.

Структура работы отражает логику научного поиска, осуществляемого в ней, наглядно и целостно демонстрируя особенности литературного процесса Бессарабии конца XIX – начала XX вв., роль и место творческого наследия Ольги Накко в этом процессе.

Во **Введении** обоснован выбор темы исследования «Проза Ольги Накко в контексте русской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв.»; раскрыта ее актуальность путем осмысления степени изученности в современных научно-исследовательских практиках; сформулированы предмет, объект исследования; обозначены предмет, цель исследования и задачи; охарактеризованы методы исследования; раскрыты научная, теоретическая и практическая значимость работы; приведены сведения по апробации и внедрению результатов.

Первая глава «Общие тенденции русской региональной литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв.» состоит из 4 параграфов и посвящена выявлению специфических характеристик в литературном процессе Бессарабии означенного периода. В данной главе обозначается вопрос принадлежности представленной литературы к региональной литературе, которая, в современных условиях, становится отраслью фундаментальной науки в русском, румынском и западном литературоведении в целом. Для того чтобы обозначить общие тенденции формирования русской региональной литературы Бессарабии, нами, в контексте означенной темы, были выделены основные этапы ее периодизации. Учитывая исторические и этнорегиональные особенности развития, соблюдая хронологический принцип периодизации, мы выделяем пять этапов идентификации русской региональной литературы Молдовы.

Первый параграф представляет *степень разработанности проблемы и материалы I-ой главы*, он основывается на описании теоретических работ в западном литературоведении, а также разработок румынских, молдавских и российских исследователей, содержащих анализ положений по данной теме.

Второй параграф *Региональные особенности русской литературы Молдовы. Вопросы идентификации и периодизации* очерчивает процесс формирования русской литературы в Бессарабии в ракурсе наличия бессарабского колорита, присутствия в текстах молдавского самобытного материала. С сопоставительной целью обрисовываются особенности литературного процесса в Румынии, где периодическая печать в означенный период также находилась в процессе активного развития и была достаточно обширной и разноплановой, дается характеристика литературного процесса. Обзорно представлена проза, как русских, так и румынских писателей, участвующих в этом процессе, отражение различных сторон бессарабской действительности в их творчестве.

Третий параграф *Образы и сюжеты молдавского фольклора в литературе Бессарабии* репрезентативно очерчивает определенный корпус произведений прозы русских и румынских писателей, участвующих в этом процессе, в аспекте использования фольклорного материала для воспроизведения различных сторон бессарабской действительности. Рассматривается литература Бессарабии, особенности тематики и стилистики, где предмет художественного изображения – история, традиции, обычаи и быт ее населения.

Четвертый параграф содержит *выводы и результаты первой главы*.

Вторая глава «Специфика бессарабской тематики в произведениях Ольги Накко и других местных авторов» состоит из 5 параграфов.

Первый параграф *Степень разработанности проблемы и материалы второй главы* содержит описание источников и нарративных текстов, примененных для работы над данной главой,

Второй параграф *Формирование особенностей художественной литературы Бессарабии в периодической печати* рассматривает в сопоставительном контексте развитие периодической печати в России и Румынии конца XIX – начала XX вв. В то время в России идеология «народничества» и «толстовство», в значительной степени обуславливали характер литературы, благодаря чему возрастала общественная функция литературы, возможности просветительской деятельности вывели периодические издания в авангард литературных движений. В Румынии периодическая печать означенного периода также находилась в процессе активного развития и влияла на формирование национальной литературы, была достаточно обширной и разноплановой не только в политической, но и в

общественной, культурной и литературной областях. В Бессарабии, где в целом проходили аналогичные процессы, периодические издания *Бессарабский Вестник* и *Новороссийский Телеграф* становятся в это время значительным полем литературной жизни и настоящей ареной для утверждения жанров малой прозы в местной литературе. На страницах этих газет состоялись литературные дебюты, а иногда полностью помещалось литературное творчество одаренных бессарабских авторов.

Третий параграф *Газеты Бессарабии как литературная платформа. Общий обзор и сравнительный анализ произведений ее представителей* рассматривает художественно-публицистический процесс формирования на страницах бессарабской прессы литературной платформы, содержащий важный литературный пласт художественной прозы бессарабской периодической печати конца XIX – начала XX вв. Данный процесс рассматривается в сопоставительном анализе с аналогичными процессами в Румынии и России как «социальный инструмент», оказавший определенное влияние на становление и развитие социокультурного дискурса своего времени, что определяется коммуникативным потенциалом художественной прозы бессарабской периодической печати как социально ориентированной художественной литературы, соотнесенно с проанализированными нами художественными средствами и функциональными особенностями.

Четвертый параграф *Бессарабская тематика в произведениях О. Накко и других местных авторов* рассматривает бессарабскую тематику в местной прозе в произведениях О. Накко и других местных авторов в сопоставительном контексте с процессами в румынской литературе, широко разрабатывающей тематику отображения этнокультурной и социальной специфики современной действительности. В процессе анализа характерных особенностей бессарабской тематики в произведениях местных авторов мы предпринимаем попытку отчасти решить проблему безызвестности ряда бессарабских писателей конца XIX – начала XX вв., которые имеют значимую ценность в данной литературе, для этого мы рассматриваем характеристики наиболее интересных ее представителей в контексте нашей темы. Этнокультурные аспекты мы выделяем через особенности жанровой системы, язык, стиль, поэтику произведений, демонстрирующих типизированные картины бессарабской жизни.

Пятый параграф содержит *выводы и результаты второй главы*.

Третья глава рассматривает «**Прозу Ольги Накко и проблему художественного восприятия бессарабской действительности**». Данная глава содержит 6 параграфов.

Первый параграф *Степень разработанности проблемы и материалы третьей главы* содержит описание научных работ румынских и западных исследователей в спектре положений данной главы, а также нарративных текстов, примененных в работе.

Второй параграф, рассматривающий *Автобиографический дискурс в творчестве О. Накко* (рассказы «Из Одессы в Вознесенск», «В Ясной Поляне», «Бессарабские былины»), написан с использованием рассказов, содержащих, благодаря документальной направленности авторского стиля, материал художественной биографии. Такие произведения в творчестве писательницы не только помогают воссозданию биографии как литературного портрета самого автора, но они также создают автобиографический дискурс. В произведениях О. Накко автобиографический дискурс, в рамках художественного поля, несет познавательную функцию, что позволяет нам использовать его как информативный источник, который рассматривается как персональный открытый монологический – письменный дискурс с особой пространственно-временной организацией, ярко выраженным авторским началом.

Третий параграф *Этнокультурные характеристики художественного мира О. Накко*. Здесь, характеризуя прозу автора в контексте проблемы художественного восприятия бессарабской действительности, мы определяем основные элементы и характеристики художественного мира писательницы, которые обуславливаются ее принадлежностью к «антропологизированной» литературе. Эстетической программой в такой литературе стало изображение повседневности, остросоциальных противоречий жизни, что и отражено в большинстве произведений О. Накко. Мы рассматриваем нравоописательную и бытописательную ориентированность ее жанровой проблематики, авторскую базу воззрений общественной и внутренней жизни как основу этнокультурной характеристики ее художественного мира.

Четвертый параграф *Особенности стилистических ресурсов в произведениях О. Накко: молдавский колорит в рассказах «Фрикошены», «Дочь колдуньи», «Янко Лемо», «Панаруда», «Волк»* опирается на текстологический анализ перечисленных рассказов. В текущем параграфе мы выделяем особенности стилистических ресурсов, определяем в авторской стилистике различные формы фольклорного характера, служащие устойчивыми обозначениями художественных образов народнопоэтической традиции. Основываясь на анализе важного ряда произведений автора, мы рассматриваем широкое использование в текстах бессарабских реалий, служащих распространенными стилевыми средствами и образующих паратекст, определяющих характеристики творческого стиля писательницы в воссоздании молдавского национального колорита.

Пятый параграф *Система художественных персонажей в рассказах О. Накко «Виктор Белиш», «На базаре», «На мамалыге», «В тисках нужды», «Свидетель», «В бессарабской глуши»* посвящен определению совокупных характеристик протагонистов указанных произведений: помещиков, крестьянства, «обиженных и угнетенных» –

бедноты, В показанном обзоре представлено схематичное рассмотрение основных положений характеров, описание взаимоотношений друг с другом и в аспекте социальной значимости и в установлении их ролей в образной системе автора, что определяет и выявляет главную задачу системы художественных персонажей О. Накко.

Шестой параграф *Художественная картина бессарабского мира в повести «Баймачаны»* содержит анализ самого крупного по объему текста произведения О. Накко. Представляя собой синкретическое единство беллетристики и публицистики, сюжет повести носит отражение острых философских и социальных вопросов, отображает текущие для автора события. На фоне главной авторской тенденции, знакомой по многочисленным рассказам О. Накко, проблеме «перевоспитания боера», ресоциализации помещика в бессарабской действительности, раскрывается художественная картина бессарабского мира, формирующаяся на основе философских, мировоззренческих взглядов автора, обусловленных законами общества, на основе восприятия бессарабской действительности.

Общие выводы и рекомендации включают в себя синтез полученных результатов, ряд рекомендаций и приоритетных направлений для дальнейшего исследования в рамках обозначенной темы.

Библиография работы включает полный список использованной литературы.

Ключевые слова: проза, литература Бессарабии, региональные компоненты, периодизация, бессарабская тематика, концептуальная модель, литература периодической печати, бессарабская действительность, художественное восприятие, конститутивные элементы.

1. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕССАРАБИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

1.1. Степень разработанности проблемы и материалы первой главы

Для изучения данного вопроса, в процессе выявления общих тенденций развития русской региональной литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв., мы использовали мировые направления, разработанные в научной литературе. Так, в аспекте анализа общих тенденций региональной литературы в западном литературоведении, мы опирались на: теоретические исследования американского критика Ричарда Бродхеда, обосновывающего литературный регионализм (*American literary regionalism*) в литературе США XIX в. [Brodhead 1993]; Хосе Эскобара, изучающего региональные компоненты в испанской литературе в рамках костюмбризма (*Costumbrismo/Regionalismo*) [Escobar 1998], немецких исследователей «литературы родной стороны» (*Heimatliteratur*) литературного критика Франца Локвая [Loquai 1996] и слависта Карла Эрнста Лааге описывающего региональные особенности в произведениях Теодора Шторма [Laage 2015].

Поскольку региональные особенности рассматривались нами на материале русской литературы, мы использовали разработки в данной области современных российских ученых, как, например, фундаментальные положения российского исследователя американской и английской литературы, русской литературы и наследия русского зарубежья Александра Николаевича Николюкина, рассматривающего регионализм в американской литературе, в монографиях *Американские писатели как критики: Из истории литературоведения США XVIII – XX веков* [Николюкин 2000], *Литературные связи России и США* [Николюкин 2023]; последние научные публикации российских литературоведов Н. В. Проданик, А. В. Подворной, обосновывающие региональный аспект в изучении русской классики [Проданик, Подворная 2021] и В. Н. Яранцева, рассматривающего современные региональные аспекты литературы в России [Яранцев 2013].

Значительным вкладом в теоретическую базу данного вопроса по нашей теме послужили исследования, опубликованные в последние годы в научных журналах и обосновывающие современные концептуальные интерпретации особенностей развития региональных литератур внутри национальных, как, например, статьи молдавских литературоведов: Серджиу Павличенко *Regionalismul în literatură și confluențe*, рассматривающего концепции региональной литературы и литературного регионализма [Pavlicenco 1998] и Алены Грати *Despre puterea literaturii străinilor de a genera personaje reprezentative ale patrimoniului național. Noile istorii ale literaturii(rilor) române. Trei cărți*

substanțiale la această temă, анализирующую включение молдавской региональной литературы в румынскую национальную литературу [Grati 2019].

В изучении данной темы мы также использовали труды советских литературоведов: И. К. Станшина, рассматривавшего типологически близкие к литературе Бессарабии процессы двуязычия и многоязычия в литературе южных славян [Станшин 1981]; Н. И. Конрада, описывающего региональные аспекты в контексте вопросов общего литературоведения и вопросов взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур [Конрад 1961].

Значительной группой источников в горизонте нашей темы служили работы молдавских литературоведов, изучавших влияние фольклора на художественную литературу Молдовы. В процессе изучения русской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв. мы опирались на определенный пласт научных источников, рассматривающих влияние молдавского фольклора на литературу, среди которых работы основоположников данного направления в литературоведении, например, *Пушкин и молдавский фольклор* Георгия Богача (1967), монография Ефросиньи Двойченко-Марковой, одной из первых показавшей значение молдавского фольклора в прозе русских писателей XIX века [Двойченко-Маркова 1963; 1979]. Важное место в этом ряду источников занимают академические сборники научных статей под редакцией академика Константина Поповича: *Молдавско-руско-украинские литературные и фольклорные связи* (1967), *Молдавско-руско-украинские литературные связи второй половины XIX века* (1979), а также сборник *Из литературного наследия бессарабских писателей XIX века* (1986) под редакцией Саввы Пынзару и Василия Чокану, содержащий также некоторые тексты произведений бессарабских литераторов. А также современные сборники, подготовленные учеными Республики Молдова, например, сборник Института филологии Академии наук Молдовы под редакцией Алены Грати, Тудора Колака *Поэтичная история народа. Спел про лист зеленый я... Фольклор и литературные памятники Молдовы* [Грати 2009].

При написании данной главы мы опирались на близкие по тематике диссертационные работы молдавских литературоведов: Габриэллы Топор *Молдавская народная тематика в творчестве А. Ф. Вельтмана* (1997) и Натальи Спорыш *Литературоведческие изыскания А. И. Яцимирского в контексте славяно-румынского культурного диалога* (2003).

Немаловажную помощь в создании настоящей главы, как и работы в целом, оказали работы литературоведов Республики Молдовы, рассматривающих особенности развития русской литературы Бессарабии XIX в. и послуживших отправной точкой наших исследований, например, исследования Константина Поповича: [Попович 1958], Василия

Чокану: *De la cronografie la literatura moderna* (1974); *Studii și materiale despre Alexandru și Boleslav Hîșdeu* (1984); *Contribuții istorico-literare* (2001).

В работе над данной главой широко использовались источники справочного, справочно-энциклопедического характера, например, *Литературная энциклопедия терминов* под редакцией А. Н. Николюкина (2001); биобиблиографический словарь-справочник *Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях (XIX – начало XXI вв.)*, которую составили молдавские ученые К. Б. Шишкан, С. Г. Пынзару, С. П. Прокоп (2003), а также, разработанный Институтом русской литературы под ред. Т. Г. Ивановой, библиографический словарь в пяти томах *Русские фольклористы* (2016–2019).

Главными нарративными материалами в первой главе были художественные и художественно-публицистические тексты русских и бессарабских писателей рассматриваемого периода: *Бессарабские воспоминания о Пушкине* и Урсул А. Вельтмана (1889, 1842); *Молдавские исторические предания* Н. Гербановского (1852, 1853); *Молдавские легенды* Б. Хыждеу (1838); художественно-этнографические очерки А. Яцимирского: *Два великана* (1905), *Древности по берегам Днестра* (1893), *Разбойники Бессарабии в рассказах о них* (1896), «*Черная шаль*» А. С. Пушкина и румынская песня (1906) и др.

Сопоставляя значения действий народных преданий и обрядов молдаван и болгар Бессарабии, которые стали основой ряда красивейших сюжетов О. Накко, с аналогичными процессами, описанными в румынской и европейской народной культуре, мы, в процессе работы над данной главой, опирались на такие труды европейских и американских исследователей в данной области, как: культурно-антропологическое эссе румынского, французского и американского философа культуры, религиоведа Мирчи Элиаде «Миф о воссоединении» (*Mitul Reintegrării*) [Eliade 2003]; обширный лексикографический труд по истории религий и мифологии «Общий мифологический словарь» (*Dicționar de mitologie generală*) Виктора Кернбаха – румынского исследователя мифологии, писателя и философа [Kernbach 1983], а также фундаментальное в истории антропологии произведение *Золотая ветвь* Джеймса Фрезера (James George Frazer) – британского социального антрополога, фольклориста, религиоведа, этнолога, историка религии, крупнейшего представителя культурной антропологии [Фрезер 1980] и др.

1.2. Региональные особенности русской литературы Молдовы. Вопросы идентификации и периодизации.

Термин *региональная литература* редко появляется в специализированных словарях и энциклопедиях. Его определение неоднозначно и от одной трактовки к другой, отличается сужением или расширением явлений, которые он определяет: провинция, регион, страна или группа стран. Как отмечает молдавский филолог, специалист по мировой литературе Серджиу Павличенко в исследовании *Receptare și Confluente* (Пересечение и Слияние), феномен региональной литературы особенно характерен для всемирной литературы XIX века. Он применяется к отдельным регионам или провинциям и характеризуется как центробежная тенденция по отношению к национальной литературе. Именно под таким аспектом, подчеркивает исследователь, и следует рассматривать румынскую и русскую литературы Бессарабии [Pavlicenco 1999, 88–90]. В такой литературе акцент выпадает на описание обычаев, традиций, формы повседневной жизни и специфические национальные типы, местный колорит и языковые особенности.

В широком спектре интересов литературоведческой науки региональная литература представляется как некая совокупность характеристик, определяющих произведения писателей, которые сосредоточены на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей ее населяющих [Литературная энциклопедия терминов 2001, с. 864–865]. Вопрос о региональных аспектах русской литературы был поставлен исследователями достаточно давно, и на современном этапе развития филологического знания он не потерял своей актуальности. Так, в российском научном сообществе сегодня изучение истории региональной словесности *выходит из рамок литературного краеведения и превращается в отрасль фундаментальной науки* [Проданик, Подворная 2021, 47]. Современное литературоведение находится в поиске иных оснований для осмысления геокультурных аспектов национальных литератур [Николюкин 2023, с. 23].

Американский литературный регионализм (*american literary regionalism*), часто используемый как синоним термина *местный колорит*, представляет собой стиль или жанр письма в Соединенных Штатах, который приобрел популярность в середине-конце XIX – начале XX вв. [Николюкин 2000, 116]. «В этом стиле письма, – по мнению американского ученого Ричарда Бродхеда, – включающем как поэзию, так и прозу, обстановка особенно важна, и писатели часто подчеркивают специфические особенности, такие как диалект, обычаи, история и ландшафт определенного региона, часто «сельского или провинциального» [Brodhead 1993, 134].

К региональной литературе, как полагает А. Н. Николюкин, можно отнести произведения английской эссеистки Марии Эджуорт (Maria Edgeworth, 1767–1849), серию Уэссекских романов и повестей Томаса Гарди (Thomas Hardy, 1840–1928), романы об индустриальных городах графства Стаффордшир в Англии Арнолда Беннетта (Arnold Bennett, 1867–1931), произведения американской региональной литературы – *литературы местного колорита*: Джеймса Лонгстрита (James Longstreet, 1790–1870), Дж. Хупера (Johnson J. Hooper, 1818–1853), Джорджа Гарриса (George Washington Harris, 1814–1869) и очеркистки Сарры Орн Джуэтт (Sarah Orne Jewett, 1849–1909) [Николюкин 2023, 216–234].

В немецкой и австрийской литературах компоненты региональной литературы активно проявлялись в произведениях Теодора Шторма (Theodor Storm, 1817–1888). Одной из лучших прозаических работ Шторма является повесть «Всадник на белом коне» (*Der Schimmelreiter*, 1888). В ней автор вырисовывает подлинно народного героя Хауке Хайена, для создания характера которого щедро использован фольклорный колорит. В немецкой литературе конца XIX – начала XX вв. получила распространение т. н. «литература родной стороны» (*Heimatliteratur*). Колоритные картины быта немецкой провинции, отдельных местностей и деревень отражены в творчестве немецких писателей Людвиг Гангхофера (Ludwig Ganghofer, 1855–1920), Адольфа Бартельса (Adolf Bartels, 1862–1945) и новеллиста Густава Френсена (Gustav Frenssen, 1863–1945) [Loquai 1996, 477–480].

Романы и повести о патриархальной жизни сардинских крестьян писала итальянская писательница, нобелевский лауреат Грация Деледда (Grazia Deledda, 1871–1936), о действительности французского Прованса – Жан Жионо (Jean Giono, 1895–1970). Сербский писатель Иво Андрич (Иво Андрић, 1892–1975) посвящал свою прозу описаниям боснийских реалий.

В испанской литературе региональная литература рассматривается в рамках такого направления, как *костумбризм* (*Costumbrismo/Regionalismo*), отличающегося особым интересом к народным персонажам, национальному колориту, а также достоверным, почти документальным описанием местности и быта простых людей, какими, например, являются романы о жизни в испанской Галисии писательницы Эмилии Пардо Басана (Emilia Pardo Basaña, 1852–1921). Как считает испанский исследователь Хосе Эскобар, среди костумбристов второй половины XIX века можно выделить Сесилию Бель де Фабер, собирательницу фольклора, писавшую под псевдонимом Фернан Кабальеро (Fernan Caballero, 1796–1877, сборник *Картины нравов* (1862) и Педро Антонио Алакорна (Pedro Antonio de Alarcon y Ariza, 1833–1891) (*Треуголка*, 1874), описывающего картины провинциального быта. Большое влияние оказал костумбризм и на творчество испанского писателя-регионалиста Хосе Мария де Переда (Jose María de Pereda, 1833–1906), который

писал о Бесайе – горном регионе на севере Испании (сборники рассказов *Горные эскизы* (1864), *Типы и пейзажи* (1871) [Escobar 1998, 17–31].

В румынской литературе мы также можем указать региональные компоненты, определяемые региональной спецификой исторических провинций Румынии. Так, молдавский литературовед Алена Грати обосновывает региональный аспект молдавской литературы, считает, что произведения Дмитрия Кантемира, Василе Александри, Михая Эминеску и Иона Крянгэ – самый крупный вклад молдавской традиции в формирование и развитие региональной литературы, начиная с ее фольклорных истоков. За три столетия формирования румынского языка (первые письменные памятники появляются в начале XVI в.) «между устными творениями гения народа и творчеством двух великих классиков румынской национальной литературы М. Эминеску и И. Крянгэ», на каждом историческом этапе этого процесса, – пишет А. Грати, – «окультуривания» народного языка «весомый вклад в него внесли целый ряд основателей «молдавской ветви»: митрополиты Варлаам и Дософтей, летописцы Григоре Уреке, Мирон Костин и Ион Некулче, создатели первых образцов исторической прозы, просветители Георге Асаки, бессарабцы Константин Стамати, Алеку Донич, «пашоптисты»¹ М. Когэлничяну, В. Александри, Ал. Руссо, К. Негруци и др., выступавшие за революционное преобразование феодального общества в свете идеалов буржуазно-демократической революции 1848 года, и, конечно, «жунимисты», основатели и члены литературного и культурного общества «Жунимя» (Юность), образованного в Яссах в 1864 году и оказавшего широкое влияние на формирование «нового направления» в литературе, философии, науке, политике всей страны. Среди членов этого общества и активных сотрудников его журнала *Convorbiri literare* (Литературные беседы) были представители других литератур». В 1859 году, после создания единого национального государства, процесс сближения всех литературных традиций в общее русло и унификации национального литературного языка ускорился. После 1918 года в этот процесс включились и румынские писатели Бессарабии. А. Грати резюмирует представленный анализ основных тенденций развития национальной литературы тем, что в итоге «современная литература Молдовы развивается на более широкой основе, чем только одна молдавская традиция» [Грати 2009, 3–21].

В обзорно-аналитической синтезированной работе *Literatura română în țările vecine (1945-2000)* (Румынская литература в сопредельных странах (1945–2000) румынская исследовательница Катинка Агаке анализирует особенности литературного процесса и творчества крупных румынских писателей из Бессарабии, Буковины, Баната и Венгрии на

---

¹ *Пашоптисты* – после революции 1848–1849 гг. – румынские эмигранты-интеллектуалы в странах Европы.

современном этапе в их центростремительном потоке как парадигмы в движении [Agache 2005, 5–6].

К русской региональной литературе исследователи причисляют, например, художественные произведения Владимира Даля (1801–1872). Очерковую прозу писателей-народников: Александра Левитова (1835–1977) – *Степные очерки* (1865–1867) и этнографический очерк из жизни бурлаков *Подлиповцы* (1864), автобиографическая повесть *Между людьми* (1865), роман *Свой хлеб* (1870) Федора Решетникова (1841–1871); [Топорков 2017, 3–14]. Это представители поколения молодых авторов, пришедших в литературу в середине XIX века и отразивших целый пласт незнакомой прежде жизни «простого народа». Особое место в этом ряду занимают сказки, очерки и рассказы прозаика, драматурга Дмитрия Мамина-Сибиряка (1852–1912) [Лотман 1986, 617–634].

В ракурсе русской региональной литературы мы предлагаем также рассматривать репрезентируемые произведения русских писателей Бессарабии (Молдовы конца XIX – начала XX вв.)². Здесь, для того чтобы обозначить общие тенденции формирования русской региональной литературы Бессарабии, необходимо оговорить основные аспекты ее идентификации и периодизации. Вопросы эти настолько актуальны, насколько и взаимосвязаны. В подходе к определению русской литературы Молдовы все чаще возникает вопрос об идентификации: «русская литература Молдовы» [Ciocanu 1989, 128–132]. И вопрос этот не просто дискурсивный, а понятийный, связанный с некоторой трансформацией семантического поля этих понятий, приводящей к искажению значимости самого предмета рассмотрения [Млечко 2013].

Для того чтобы окончательно понять статус русской литературы Молдовы, необходимо классифицировать ее на всем протяжении развития, иными словами, обратиться к периодизации. Общей классификации на сегодняшний день, к сожалению, нет, что приводит к возникновению определенных сложностей при ее рассмотрении. Любая научная периодизация литературного процесса является достаточно условной и схематичной: очевидна искусственность определения границ между периодами (это касается как творчества отдельных писателей, так и литературного процесса в целом). Учитывая этнорегиональные особенности развития Молдовы, историческую специфику, мы предлагаем хронологический принцип периодизации, выделяя пять этапов формирования русской региональной литературы:

---

² Здесь и далее в тексте: русских писателей Молдовы (конца XIX – начала XX вв.), состоявшей в означенный период в составе Российской империи в статусе Бессарабской губернии, мы будем именовать *русскими писателями Бессарабии* или *бессарабскими писателями*.

Этап I (20-е гг. XIX в. – примерно до 80-х гг. XIX в.) – начальный период становления русской литературы Бессарабии; этап II (конец XIX в. (80-е гг.) – 1917 г.) представляет собой период формирования русской литературы Молдовы, созданной на мультикультурной специфике края, с использованием молдавских народных традиций; Этап III (1918–1940 гг.) – «межвоенный период», когда (с 1918 по 1940 гг.) Бессарабия состояла в составе румынского государства; этап IV (1950–1991 гг.) – советский период; этап V (с 1991 г. – до настоящего времени) – современный период в истории русской литературы Республики Молдовы.

Далее рассмотрим основные персоналии русских и румынских авторов, литературно-художественный пласт произведений, которые содержат базовые основы региональных компонентов русской литературы Молдовы.

На первоначальном этапе русской литературы Бессарабии (20–80 гг. XIX столетия) развитие литературного процесса шло по двум направлениям. Одно – было связано с появлением местной литературы на русском языке, созданной молдавскими писателями: братьями Александром и Болеславом Хыждеу, сыном Александра – Богданом Петричейку Хашдеу и Константином Стамати-Чуря. Другое направление составляла русская литература на молдавскую тематику, сформированная русскими литераторами, побывавшими в разное время в Бессарабии. Это А. С. Пушкин, П. П. Свиньин, А. Ф. Вельтман, И. П. Липранди, В. И. Даль, Л. Н. Толстой и др. [Пынзару, Чокану 1990, 16–17].

Родоначальником русской литературы в крае полноправно можно считать А. Ф. Вельтмана (1800–1870), жившего и работавшего в Бессарабии в течение десяти лет (1818–1828). Вельтман создал ряд произведений, связанных с бессарабскими реалиями (*Костештские скалы*, *Радой*, *Янко-настух*, *Урсул* (1841) и др.), а также свой первый роман *Странник* (1831), написанный на местном материале и содержащий ценный историко-этнографический материал [Топор 1997].

Творческая деятельность А. С. Пушкина в Бессарабии в 1820–1823 гг., его художественное восприятие местной национальной действительности, интерес к истории и культуре края существенно повлияли на интересы и устремления культурной элиты Бессарабии. Здесь зародилось около ста его художественных произведений. Огромная заслуга Пушкина состоит в том, что он первым среди русских поэтов заинтересовался устным народным творчеством Молдавии, воплощая их в своих произведениях, вошедших в сокровищницу мировой литературы. Молдавскую народную песню *Arde-mă* («Жги меня») Пушкин включил в поэму *Цыганы* (1824) как песню Земфиры. В этой же поэме устами старого цыгана звучит молдавское народное предание об Овидии. Основываясь на

бессарабских воспоминаниях, будучи под влиянием гайдуцких песен, Пушкин написал повесть *Кирджали* (1834). В сохранившемся отрывке поэмы *Братья-разбойники* (1825) также использованы молдавские фольклорные мотивы. А. С. Пушкин заложил художественные традиции в литературе Бессарабии, ставшие в дальнейшем основой самобытной русской литературы Молдовы, отличительной особенностью которой, особенно на протяжении XIX века, становится обилие художественных произведений, созданных на основе сюжетов, мотивов и образов устного поэтического творчества. Образы и сюжеты молдавского фольклора активно использовали в своем творчестве как молдавские, так и русские писатели [Богач 1967, 102–117].

Вслед за А. С. Пушкиным и А. Ф. Вельтманом к образам и сюжетам молдавского фольклора обратился классик румынской литературы Александр Хыждеу (1811–1872), поэма которого *Свадьба голтея* – переделка народной песни, на основе народных легенд и преданий. Поэтом были написаны стихотворения *Войкица*, *Село Боурены*, *Стефан Великий*, *Монастырь Няму*, *Могила волошанки в Москве*, *След Молдавии в Каневе*, *Берлад* и др. Историческая повесть *Дука* (1830) – литературная обработка народного предания о событиях XVII века [Пынзару, Чокану 1990, 17–40]. Тот же сюжет использует и Болеслав Хыждеу (1812–1886) в произведениях *Дабижса* и *Гинкул* (1838). Александр и Болеслав Хыждеу применяли в своих творениях достаточно много одинаковых эпизодов и образов, взятых из устного народного творчества, активно употребляя фольклорные приемы [Молдавско-руско-украинские литературные и фольклорные связи 1967, с. 48–51].

Среди литературного наследия классика румынской литературы, филолога, фольклориста, историка Богдана Петричейку Хашдеу (сына Александра Хыждеу) (1838–1907) есть и произведения на русском языке, написанные на сюжеты устного народного творчества. По материалам народных преданий и летописных повествований Б. П. Хашдеу создал цикл сонетов под названием *Драгош*, поэму *Домница Войкица* (1854) [Пынзару, Чокану 1990, 74–75].

Широкий пласт в русской литературе XIX в. представляют легенды о молдавских народных мстителях, например, А. С. Пушкин писал о Кирджали, А. Ф. Вельтман и Ф. Ф. Вигель – об Урсуле, А. Афанасьев-Чужбинский – о Тобултоке. О большой популярности гайдуцкого фольклорного цикла писал А. И. Яцимирский [Двойченко-Маркова 1979, 30].

Значительным расширением тематического диапазона и более активным исследованием социальных явлений отличается творчество бессарабского писателя Константина Стамати-Чуря (1828–1898), писавшего на русском, румынском, французском и немецком языках. Проза К. Стамати-Чуря в жанровом отношении поражает своим разнообразием: это – рассказы, очерки, мемуары, эссе, роман. Большой интерес

представляют *Воспоминания о путешествии по Бессарабии* (1854), по словам самого автора, мысль описать охоту в Бессарабии была подсказана *Записками охотника* И. Тургенева и повестью Н. В. Гоголя *Тарас Бульба* [Пынзару, Чокану 1990, 92–119].

Цикл произведений, написанных по темам, сюжетам и мотивам молдавского фольклора, довольно весом и в творчестве Николая Гербановского (1815–1880). Он использовал их в разных литературных жанрах – в поэмах, в небольших рассказах (*Курган Мыцэшора* (1853) [Пынзару, Чокану 1990, с. 70].

Далее, на II-м этапе (конец 80 гг. XIX в.– начало XX вв. (условно до 1917 г.), русская литература Бессарабии представляет собой период активного формирования местной русской литературы Молдовы, региональной литературы, представляющей наш непосредственный интерес, которую мы рассмотрим подробнее в следующей главе.

Этап III-й (1918–1940 гг.) включает в себя «межвоенный период», когда Бессарабия входила в состав румынского государства. В это время, преимущественно в 1920-е гг, данный регион служил своего рода транзитной зоной для русских эмигрантов, задержавшихся здесь, перед тем как окончательно осесть где-нибудь в западных странах, и оставивших заметный отпечаток в культурной жизни как Бессарабии, так и Румынии в целом. Литература на русском языке печаталась в основном в местных газетах, которые издавались с сохранением дореволюционной орфографии. Однако в этот достаточно короткий период в Кишиневе и Бухаресте, с той или иной продолжительностью выходило более 40 наименований русских газет. Эти газеты, в большинстве своем еще до конца не исследованные, содержат богатый литературный материал. Одной из главных особенностей русской литературы этого времени была ее публицистическая направленность. В целом межвоенный период в силу влияния особой исторической специфики значительно отличается от общего литературного процесса в русской литературе Молдовы [Ijboldina 2013].

Вторая мировая война привела к тому, что русский литературный процесс в Молдове был прерван на десятилетие и продолжился в 1950-х гг. Этап IV-й (примерно с 1950 г. по 1991 г.): это – т. н. советский период. В середине XX столетия литературный процесс в Молдове находился в силу исторических потрясений (кардинальная смена политических парадигм и переход к строительству социализма в составе СССР) в общем потоке советской литературы. Восстановление литературного движения в послевоенное время в Молдове происходило за счет интенсивного притока литераторов, приехавших сюда из России. Русская литература развивается в рамках общесоюзной советской литературы, идеологическая цензура которой допускала развитие в системе единственно возможного метода соцреализма. В целом данный период в русской литературе Молдовы характеризует

главенство соцреализма, однако перестроечные годы значительно расширили его тематический ареал, обогатили видовой спектр новыми жанрами: исторический роман, детектив, фантастика [Шишкан 2001, 85].

Этап V-й (с 1991 г. до настоящего времени) – новый период в истории русской литературы Молдовы. На этом этапе ее развития (как и в межвоенное время) немаловажен тот факт, что развитие русской литературы в Молдове протекает в общем румынском культурном контексте. Поэтому активное освоение местных национальных реалий продолжает оставаться важной составляющей литературного процесса.

В заключение отметим, что в течение 200-летнего периода развития русской литературы на молдавской земле происходила неоднократная смена культурных и политических парадигм, в ходе периодических изменений национальных и политических формаций: Российская империя – Королевство Румыния – Советский Союз – Республика Молдова. Русская литература служила отражением пути развития народа Молдовы, прошла этот путь от истоков реализма, через выпадение огромных пластов культуры в годы катаклизмов Первой и Второй мировых войн, к соцреализму и далее – к постмодернизму.

1.3. Образы и сюжеты молдавского фольклора в литературе Бессарабии

В нашей работе мы рассматриваем региональный компонент как часть содержания в литературном процессе, отражающая национальное и региональное своеобразие. Отличительной особенностью литературного процесса Бессарабии XIX века является обилие художественных произведений, созданных на основе сюжетов, мотивов и образов устного поэтического творчества, которые активно использовали в своем творчестве как русские, так и румынские писатели. Традиция творческого использования молдавского фольклора в русской литературе исходит от проявленного интереса к нему А. С. Пушкина, со времени его пребывания в т. н. «бессарабской ссылке», он первым среди русских литераторов заинтересовался устным народным творчеством молдаван. Молдавскую народную песню *Arde-mă, frige mă* («Жги меня, жарь меня»), что пели лэутары в кишиневских боярских домах, где бывал А. С. Пушкин, он включил в поэму *Цыганы* (1824), где Земфира поет: «Старый муж, грозный муж, /Режь меня, жги меня: /Я тверда, не боюсь/ Ни ножа, ни огня». В этой же поэме устами старого цыгана, вещающего о былой старине, звучит и молдавское народное предание об Овидии: «Меж нами есть одно преданье: царем когда-то сослан был полудня житель к нам в изгнанье». Основываясь на бессарабских воспоминаниях, находясь под влиянием гайдуцких песен, А. С. Пушкин написал повесть *Кирджали*. В сохранившемся отрывке *Братьев-разбойников* также использованы

молдавские фольклорные мотивы. Такой интерес великого русского поэта к молдавской старине стал широкой темой как для последователей, так и для исследователей. Каковым, например, был А. И. Яцимирский уделявший этому вопросу большое внимание [Яцимирский 1906, 372–378]. Молдавский литературовед Н. Спорыш, представляя изучение Яцимирским бессарабского периода в жизни и творчестве А. С. Пушкина, указывала, в частности, на статью *Пушкин в Бессарабии*, цикл статей *Румынские параллели в произведениях А. С. Пушкина*, проводила «типологические параллели на сюжетном и образном уровнях между румынской волшебной сказкой (*По стеблю боба*) – сказкой о злой мачехе, ревнующей к красоте падчерицы, и литературными сказками А. С. Пушкина (*Сказка о золотой рыбке, Сказка о мертвой царевне и семи богатырях*)» [Спорыш 2003, 20].

Особое место в литературном процессе Бессарабии занимает творчество А. Ф. Вельтмана (1800–1870). Его, пожалуй, можно назвать первым русским литератором Бессарабии. Попав в этот край в 1818 году молодым офицером, он много времени проводил в поездках по области, что содействовало изучению края и близкому знакомству с его нравом, бытом и народным творчеством. Впоследствии А. Ф. Вельтман не раз избирал Бессарабию местом действия для своих произведений, а молдаван – их протагонистами. Молдавская народная тематика в творчестве Вельтмана, его «бессарабские материалы», включающие молдавские реалии и переработанные в творческом восприятии писателя составляют немаловажную и оригинальную часть его произведений. «Роман *Странник*, – указывает Г. Топор, – является первым крупным произведением русского писателя XIX века, написанным на молдавскую тему и содержащим богатый исторический, этнографический и бытовой материал» [Топор 1997, 16].

А. Ф. Вельтман пользовался славой «кишиневского поэта». Его *Джок*, хотя и уступает в остроте и меткости сатирам А. С. Пушкина, все же представляет интерес тем, что полнее отражает окружение, среди которого жили и творили оба поэта в Бессарабии [Двойченко-Маркова 1979, 30]. В *Джоке* Вельтман впервые вводит один из своих излюбленных приемов (которым затем будут активно пользоваться писатели Бессарабии) – разноязычность. Начав с употребления в *Джоке* молдавских слов и выражений в народном произношении, он будет также вводить их и в последующие свои произведения. Творчество А. Ф. Вельтмана – яркое свидетельство умелого использования русскими романтиками инонациональной тематики. «Экзотика южных пейзажей, колоритные детали бессарабского быта, яркие жанровые зарисовки, эффектные романтические образы героев – уроженцев этого края, – все это создает неповторимый, полный очарования творческий почерк Вельтмана» [Топор 1997, 138].

Исследователи отмечают, что в литературе многих народов наряду с произведениями на родном языке существует более или менее богатый пласт произведений, написанных на других языках. Этот литературно-художественный иноязычный пласт образуется на протяжении длительного исторического периода и отражает своеобразие культурного развития данного народа. Так, Н. И. Конрад указывал на существование в японской средневековой литературе значительного числа произведений, написанных на классическом китайском языке, в иранской средневековой прозе – на классическом арабском языке [Конрад 1961, 159–162].

Богат и разнообразен иноязычный пласт в литературах славянских народов. Например, сербы, лишенные в XVIII в. своей национальной государственности, создавали литературные произведения на нескольких языках: на славеносербском, славенорусском, русском. Интересная ситуация сложилась в Хорватии: в XIX в., в период т. н. славянского Возрождения – в эпоху иллиризма, хорватские поэты писали, как на родном, так и на немецком языках. В XX в. в Хорватии встречаются сборники или циклы стихов одних и тех же авторов, написанные на албанском и сербскохорватском, на сербскохорватском и болгарском, на венгерском и сербскохорватском, на сербскохорватском и румынском, на словенском и сербскохорватском и других языках [Станшин 1981, 154]. В Боснии, входившей с XV в. в состав Османской империи, литература создавалась на восточных языках (турецком, арабском и персидском), но параллельно с ней развивалась и поэзия на сербскохорватском языке, которая записывалась арабскими письменами. Литература Далмации также удивляет своим языковым разнообразием: одни и те же авторы писали по-латыни, по-итальянски и на сербскохорватском языке [Станшин 1981, 152].

Отметим также, что «местный колорит» в таких произведениях выступает как характерная категория региональной литературы, выполняя в художественных произведениях самые разнообразные функции (этнокультурную, психологическую, эстетическую), являясь наглядным воплощением единства содержания и формы.

Проблема местного колорита в творчестве бессарабских литераторов разрешалась по-разному: через детали и реалии национального быта, пейзажа, портрета. Это – не стилизующие мотивы, не условно-этнографические знаки, призванные служить выделению этнографического колорита, как в романтической эпохе (являющийся существенным фактором поэтической экзотики). Это – самостоятельный объект художественного интереса, как, например, в произведениях румынских писателей бессарабского происхождения, таких как: Александр Хыждеу, Болеслав Хыждеу, Константин Стамати-Чуря, Богдан Петричейку Хашдеу и др.

Вслед за А. С. Пушкиным и А. Ф. Вельтманом к образам и сюжетам молдавского фольклора обратился Александр Хыждеу (1811–1872). В переделке народной песни *Свадьба голтея* (холостяка – И. И.) рассказывается об одной из битв молдавского господаря Стефана Великого. Голтей – участник сражения – называет ее «свадебным пиром». В прозе А. Хыждеу также интересна в контексте нашей темы опубликованная им в 1830 г. в журнале *Вестник Европы*³ историческая повесть на русском языке *Дука* – литературная обработка народного предания о событиях XVII века. Состоящая из восьми частей повесть рассказывает о захвате власти тираном Дукой: «Уже пятый год Арнаут Дука играет по своей прихоти жизнью народа, как ураган на море утлою ладьею, и сердце отечества обливается каждый день кровью»⁴. Повесть очень близка к народным произведениям не только по сюжету и теме. Истинно народен образ старца – пророка Дионисия, предсказывающего по явлениям на небе и земле счастливую судьбу Молдавии, а также мотив жестокого возмездия человеку, проклятому народом: женщина дает закованному в колодки Дуке стакан молока со словами: «Да превратится сладкий напиток в отраву для него!»⁵, Дука выпивает и начинает исходить кровью. Описание могилы дано А. Хыждеу со свойственным народной поэзии лиризмом: «курган, поросший дикою травою и терновником. Одни змеи водятся в высокой траве, и изредка воеет уныло сова на ветхом обломке креста»⁶. Сказочным элементом является и эхо, повторяющее за стенами замка возгласы «Да здравствует Стефан!»⁷. В повести автор использует народные пословицы: «Повинную голову меч не сечет», «Не забываем добра, но помним и зло», последняя поставлена эпитафией.

Исходя из спектра художественных особенностей прозы, Александра Хыждеу можно по праву считать одним из родоначальников региональной русской литературы Бессарабии. А. Хыждеу также был активным популяризатором молдавского фольклора в российской периодической печати. Он переводил на русский язык некоторые молдавские и валашские песни, снабжая их подробными историко-литературными и этнографическими комментариями. Чаще всего автор публиковал эти переводы в журналах «Вестник Европы» и «Телескоп» [Ciocanu 1984, 174].

Его брат Болеслав Хыждеу (1812–1886) печатал в *Одесском вестнике* народные сказки, статьи о свадебных обрядах, очерки-размышления о молдавском фольклоре, но больше всего писателя занимали древние народные предания [Ciocanu 1984]. Известны,

---

³ *Вестник Европы* – периодический журнал, издававшийся в Москве в 1802–1830 годах «по две книжки в месяц».

⁴ *Вестник Европы*, 1830, № 21–24, с. 181.

⁵ Там же, с. 199.

⁶ Там же, с. 201.

⁷ Там же, с. 206.

например, его литературные обработки народных исторических легенд: «Клад господаря Петричейки» и «Суд в сердарии Оргеевской» (1835)⁸. Через три года в петербургском журнале *Сын отечества и Северный архив* (1838) он публикует исторические повести *Дабижса* и *Гинкул* (о тиране Дуке и восстании молдавских крестьян). Это были повести о тех самых Дуке и Дабиже, предания о которых впервые записал А. С. Пушкин⁹.

Болеслав Хыждеу в повествовательном контексте повестей *Дабижса* и *Гинкул* использует тот же народный сюжет, что и Александр Хыждеу. В *Дабиже* осуждается придворный служитель Василий Дука, преступно захвативший власть: он поджигает дворец, и, спасая во время пожара князя и красавицу Дафну, прокладывает себе путь к престолу. Народное предание осуждает Дуку, и сама характеристика, которую дает автор, носит критический характер. Дука «хитрым обращением умел облагородить свое низкое происхождение»¹⁰. Описание двора господаря Дабижы выразительностью средств близко к сказке, так же, как и изображение пастухов, которые «носят золотую парчу, в самагах полно червонцев набито»¹¹. Б. Хыждеу пользуется в своем повествовании и элементами этнографического характера. Так, песня, заключающая свадебный праздник, передает обряд прощания невесты с родными. В ее поэтическом обращении к родителям, родному дому и подругам звучат грустные мотивы:

«Прощай, мой ясный свет, в котором долго веселилась,
И вы, подружки юных лет, и дом, в котором я родилась!
Теперь чужая я для вас, пора мне с вами распрощаться,
И вас обнять в последний час, как тяжело с милыми расстаться»¹².

Описание внешности Дафны во многом напоминает героиню молдавских сказок Иляну Косынзяну, сказочно эпическими описаниями сопровождает автор образ Дуки: «пламенный как летнее небо его отечества, и предприимчивый, как страшное оружие арнаутское», и далее: «его большие косые глаза», «его густые мрачные брови», «дикий склад лица»¹³.

Александр и Болеслав Хыждеу использовали в своих произведениях много одинаковых эпизодов и образов, взятых из устного народного творчества, как, например, оплакивание злой судьбы Молдовы, эпитеты и характеристики Дуки и кудесника Дионисия.

---

⁸ *Молдавские легенды. Суд в сердарии Оргеевской*. В: *Молва*. 1835, № 9, с. 145–149, а вторая: «Клад господаря Петричейки», В: *Молва*. 1835, № 35, с. 137–140.

⁹ *Сын отечества и Северный архив*. Журнал литературы, политики и современной истории. Издавался в данном варианте объединенного названия с 1829–1844 гг. в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Хыждеу Б. *Молдавские легенды. Дабижса*. В: *Сын отечества*, 1838, т.1, с. 235.

¹¹ Там же, с. 239.

¹² Там же, с. 235.

¹³ Там же, с. 235.

В повести *Гинкул* Б. Хыждеу рассказывает о том, как Дука преступным путем захвативший власть в Молдавии, «не умел сочетаться любовью и благодеяниями со своим народом». Он решил взять в свой гарем красавицу армянку Ганку, которую любил обаятельный «хатман» Гинкул, единственный, кто не преклонялся перед Дукой. Когда солдаты Дуки пришли к Ованесу сообщить, что им приказано отнять его имение и дочь, Гинкул воскликнул: «Скажите Дуке, тому извергу аранавскому, что господарь хочет, а Гинкул не хочет»¹⁴. На этом внутреннем конфликте и построена легенда. Русскому читателю автор в качестве предпосылки предоставлял данные этнокультурного и исторического характера: о жизни армян в Молдавии, о том, что Дука первый стал притеснять их. Надо отметить, что в повествовании автор использует реальные топонимы: названия конкретных городов, местностей, рек – Одобешты, Кишинев, Дунай, Прут и др. Повесть представляет особый интерес в историко-этнографическом плане, она наполнена деталями, воспроизводящими отличительные черты эпохи, обстановку, интерьеры княжеских дворцов. Болеслав Хыждеу активно использовал фольклорные приемы, подлинную народную речь, изобилующую эмоционально окрашенными эпитетами и суффиксами – ласкательными, уменьшительными: «красенький месяц», «ясенький месяц», «звездочки-светелочки», встречаются часто простые и развернутые отрицательные сравнения: «Грудь ее воздымалась так легко и свободно как пух, носимый на крыльях тихого, весеннего воздуха», «не золотом и не серебром, не двором и не войнами!»¹⁵. Нередко текст насыщен повторами, характерными для ритмической народнопоэтической речи: «мягонько-мягонько», «как красенький месяц, как ясенький месяц; так светел, так блещет дворец; как одно солнышко белым днем, как один месяц черной ночью; как земля верные, как вода сильные, как огонь скорые»¹⁶. При описании событий писатель часто пользуется приемами контраста, особенно охотно прибегает к ярким сравнениям и символическим образам из мира природы [Двойченко-Маркова 1979].

Из опубликованных произведений Болеслава Хыждеу интерес представляет также предание *Бужор*, в котором описываются подвиги знаменитого молдавского гайдука, имя которого автор ставит рядом с именами «Гонты и Гаркуши на Украине, Яноша и Добыша на Покутье, Кармельюка в Подолии, Урсу и Тобултока в Бессарабии». Бужор в интерпретации Б. Хыждеу – помощник и защитник бедняков¹⁷.

---

¹⁴ Хыждеу Б. *Молдавские легенды. Гинкул*. В: *Сын отечества*, 1838, т. 2, с. 244.

¹⁵ Там же, с. 230.

¹⁶ Там же, с. 235.

¹⁷ Пынзару С. Г., Чокану В. М. *Из литературного наследия бессарабских писателей*. Кишинев: Штиинца, 1990, с. 8.

Среди литературного наследия классика молдавской и румынской литературы, филолога, фольклориста, историка Богдана Петричейку Хашдеу (1838–1907), сына Александра Хыждеу, есть также и произведения на русском языке, написанные на сюжеты устного народного творчества. Широкую известность получила, например, поэма *Домница Войкица*, которая по утверждению самого Б. П. Хашдеу, была написана на основании легенды, услышанной им от 80-летнего старика из села Кристинешты Хотинского уезда Бессарабской губернии [Хашдеу 1957, 51–69]. Е. М. Двойченко-Маркова анализируя «лучшее из русских поэтических произведений Б. П. Хашдеу», отмечает, что: «Она писана в стиле подражания русской романтической поэмы первой половины XIX века под очевидным воздействием Пушкина и Лермонтова. <...> В области композиции Хашдеу сохранил характерную отрывчатость повествования, описательные вступления, биографические реминисценции, диалогические сцены, вставную народную песню, написанную особым размером. В области тематики сохранен исторический колорит с обязательной темой любви на первом плане: пленение прекрасной героини влюбленным героем» [Двойченко-Маркова 1979, 134–156].

По материалам народных преданий и летописных повествований Б. П. Хашдеу во время учебы в Харьковском университете создал большой цикл сонетов под названием *Драгош*, при внимательном анализе исследователями выявлено, что в основу *Румынских мелодий* легли молдавские народные песни *Foaie verde de ovăz* («Зеленый лист овса») и *Frunzișoară iarbă lată* («Листочек широкой травы») [Ciocanu 1974, 190–191].

Значительным расширением тематического диапазона и активным свидетельствованием социальных явлений отличается творчество бессарабского писателя Константина Стамати-Чуря (1828–1898). Стамати-Чуря (широко известный в свое время также под псевдонимом Бессарабьянин) писал произведения на русском, румынском, французском и немецком языках, был популярен как драматург и прозаик. Проза К. Стамати-Чуря в жанровом отношении достаточно разнообразна: рассказы, очерки, мемуары, эссе, роман [Пынзару 1979, 174].

Большой интерес в контексте нашей темы представляют *Воспоминания о путешествии по Бессарабии*. По словам самого автора, мысль описать охоту в Бессарабии была подсказана *Записками охотника* И. С. Тургенева и повестью Н. В. Гоголя *Тарас Бульба*: «Не возьмется ли кто описать Бессарабские степи, а право, они стоят описания. Но для этого надо иметь талант незабвенного Гоголя, который так прекрасно обрисовал нам степи своей родины. <...> А степи бессарабские не менее имеют своих прелестей. Перелистая сперва летопись края, а потом мысленно перенесясь в давно прошедший век могущества татар, вы наверно найдете в истории этих степей интерес поэтический, вам

представится сюжет для описания в высшей степени драматический»¹⁸. Писатель, очарованный красотой бессарабской степи, рисует для нас ее увлекательные картины. Местами повествование прерывается веселым анекдотом, который оживляет рассказ. Путевые впечатления и охотничьи приключения переплетаются с описаниями занятий местного населения, что придает воспоминаниям дополнительную познавательную ценность [Пынзару 1979, 92].

Народные предания о гайдуках достаточно часто составляли темы русских литераторов Бессарабии. Легенды о молдавских народных мстителях интересовали также многих русских писателей. Так, А. С. Пушкин писал о Кирджали, А. Ф. Вельтман¹⁹ и Ф. Ф. Вигель²⁰ – об Урсуле, А. С. Афанасьев-Чужбинский²¹ – о Тобултоке. О широкой популярности гайдуцкого фольклорного цикла писал А. И. Яцимирский: «Если вы попросите молдаванина рассказать что-нибудь про старину (*дин бэтрынь или дин трекут*) или просто даже какой-нибудь рассказ (*повесте*) или сказку (*басм*), то он непременно предложит вам рассказать про разбойника»²².

А. Ф. Вельтман, восхищаясь стойкостью и высокими моральными качествами гайдука Урсула, пойманного властями, описывал его с состраданием: «На скованного Урсула съезжался смотреть весь город. Это был образец зверства и ожесточения; когда его наказали, он не давал лечить себя, лежал осыпанный червями, но не охал. Я уверен, что Урсул подал Пушкину мысль написать *Разбойники*»²³.

В художественной прозе А. Ф. Вельтмана в данном аспекте наш интерес представляет рассказ *Тундза*, который он опубликовал в *Одесском вестнике* под псевдонимом Радул Куралеско. Еще в начале рассказа автор дает некую историческую справку «Тундза – это известный в Молдавии и Валахии гайдук, имя которого наводило «панический страх на осмисотдесятитысячное народонаселение валахской столицы, проникло в диван, всколебало тем самым сильные головы и самые длинные бороды» [Двойченко-Маркова 1963, 154–155]. Рассказ *Тундза* написан по мотивам народных преданий. Устные и книжные элементы в нем, переплетаясь, разнообразят стиль

---

¹⁸ Стамати-Чуря К. *Воспоминания об охоте по Бессарабии*. В: *Из литературного наследия бессарабских писателей XIX века*. Кишинев, 1990, с. 94.

¹⁹ Вельтман А. Ф. *Урсул* В: *Сто русских литераторов*. СПб., 1841, с. 351–395.

²⁰ Вигель Ф. Ф. *Записки*. Ч. VI. М., 1865, с. 132–134.

²¹ Афанасьев-Чужбинский А. С. *Поездка в южную Россию*. Ч. II. *Очерки Днестра*. СПб., 1898, с. 378.

²² Яцимирский А. И. *Разбойники Бессарабии в рассказах о них*. В: *Этнографическое обозрение*, 1896, кн. XXVIII, №1, с. 5.

²³ Вельтман А. Ф. *Бессарабские воспоминания о Пушкине*. В: Майков Л. Н. *Историко-литературные очерки*. СПб., 1895, с. 127.

изложения. В произведении много молдавских слов: *фата фрумоасэ*, *каруца*, *пандуры*²⁴ и др. Автор приводит тексты песен на молдавском языке параллельно с русским подстрочником. Образ гайдука у Вельтмана, как и в народных преданиях, наделен положительными чертами и благородными качествами. Об этом неоднократно писал и А. И. Яцимирский, подчеркивая, что в народном сознании разбойники укрепились как герои и защитники угнетенных²⁵.

Сюжеты молдавских преданий также использовал в своем творчестве известный бессарабский поэт Николай Гербановский (ок. 1815–1880), который оставил представляющий для нас живой интерес цикл разно-жанровых произведений, написанных по темам, сюжетам и мотивам молдавского фольклора, которые он использовал как в поэмах²⁶, так и в небольших рассказах. Так, например, в рассказе *Курган Мыцэшора*²⁷ автор обратился к сюжету молдавского народного предания, повествующего о происхождении названия этого кургана. Перед читателем предстает неприглядная картина захудалого городка (бессарабского центра во время турецкого господства) Кишинева, с характерными чертами, присущими многим городам, входящим во владения Османской Порты. «В те старые дни, – пишет автор, – Кишинев был под турецким владычеством, погряз с мирными обитателями своими на болотном берегу реки Бык, и домохозяйки мало заботились об опрятности улиц»²⁸. «Курганов, – читаем дальше, – весьма много в окрестностях Кишинева, я хочу рассказать легенду, вследствие которой один из этих курганов, а именно, находящийся неподалеку от господского дома на Рышкановке, получил название кургана Мыцэшора»²⁹. Гербановский преподносит нам любовную коллизию красавицы Земфирицы, жены боярина, с прекрасным юношей. Влюбленные задумали бежать, но ревнивый муж помешал побегу, однако удержать свою *Мыцэшору* (Кошечку), как он любя называл жену, все же не смог. С ее побегом на безутешного боярина сваливается одно несчастье за другим, в конце концов он лишается ума. «Его часто замечали на том кургане, на котором он предупредил первую попытку Земфиры к побегу... он поворачивался во все стороны и умоляющим голосом твердил: Мыцэшора, Мыцэшора»³⁰. Для воссоздания колорита устного предания автор использует отдельные народные выражения и насыщает

---

²⁴ *фата фрумоасэ* (красивая девушка), *каруца* (конная повозка, телега), *пандуры* (казаки, гайдуки).

²⁵ Яцимирский А. И. *Разбойники Бессарабии в рассказах о них*. В: *Этнографическое обозрение*, 1896, кн. XXVIII, № 1, с. 5.

²⁶ Гербановский Н. *Голова Баязета. Молдавские исторические предания XV столетия. В четырех поэтических картинах (с видом Нямецкого монастыря)*. Одесса, 1852, с. 1–6.

²⁷ Там же, с. 3.

²⁸ Там же, с. 4.

²⁹ Гербановский Н. *Курган Мыцэшора*. В: *Одесский Вестник*, 1853, № 19, с. 2–3.

³⁰ Там же, с. 4.

свой рассказ, выдержанный в строгом литературном стиле, обилием молдавской лексики: *куконаше* (молодой барчук), *кынтэрец* (певец), *драгуца* (дорогая) и др., умело использует простонародные выражения³¹.

Ученый-славист и исследователь устного народного творчества, этнограф Александр Яцимирский публиковал и художественные произведения на темы молдавского фольклора. «Исторических мест, – писал он, – очень много на Днестре, но еще больше их во всей Бессарабии. Любой камень, любые развалины поведают нам чудные легенды о поэтической старине»³². Одна из этих легенд и легла в основу его произведения *Два великана*³³. В пересказе старика-пастуха Иона автор белым стихом излагает легенду о справедливой мести доброго Ретезату злому и жестокому великану Рыпе, погребенному им под скалой. Народная легенда, заклеившая человеческие пороки, в литературной обработке Яцимирского приобрела черты художественной стройности и музыкальную звучность, благодаря широкому включению в изложение элементов устной народной поэзии [Спорыш 2003, 116].

Традиции, заложенные Пушкиным в освоении местного фольклорного материала, продолжают в дальнейшем и другие русские писатели, побывавшие в Бессарабии. На местном материале напишет свой первый рассказ *Цыганка* (1830) известный собиратель «русских слов и речений» Владимир Даль. Он собирал образцы фольклора на территории Бессарабии – в Измаиле, Аккермане, Килии и Скулянах. Свои первые рассказы – также на бессарабском материале – напишут русские писатели Н. Гарин-Михайловский (*На практике*, 1876) и В. Гаршин (*Четыре дня*, 1877).

1.4. Выводы и результаты первой главы

В первой главе были рассмотрены «Общие тенденции русской региональной литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв.». Данное изучение позволило сделать ряд выводов.

1) В составленной картине актуальных теоретических положений по вопросам исследований в области проблематики региональной литературы мы можем заключить, что вопрос о региональных аспектах в национальных литературах был поставлен исследователями достаточно давно и на современном этапе развития филологического

---

³¹ Там же, с. 5.

³² Яцимирский А. И. *Древности по берегам Днестра*. В: *Одесский вестник*, 1893, № 958, т. V.

³³ Яцимирский А. И. *Два великана*. В: *Родник*, 1-е полугодие 1905, с. 48–51.

знания не потерял своей актуальности. Так, в современных условиях изучение истории региональной литературы становится отраслью фундаментальной науки в русском, румынском и западном литературоведении в целом (*American literary regionalism; Heimatliteratur, Costumbrismo/Regionalismo* и др.). В ракурсе региональной литературы мы предлагаем также рассматривать представленные здесь произведения русских писателей Бессарабии (Молдовы) конца XIX – начала XX вв.

2) Для того чтобы обозначить общие тенденции формирования русской региональной литературы Бессарабии, нами, в контексте означенной темы, были выделены основные этапы ее периодизации. Учитывая исторические и этнокультурные особенности развития Молдовы, соблюдая хронологический принцип периодизации, мы выделяем пять этапов идентификации русской региональной литературы. Первый этап (20–80 гг. XIX в.) – период становления русской литературы в Бессарабии. Развитие литературного процесса здесь шло по двум направлениям: одно характеризуется формированием местной литературы на русском языке, созданной румынскими писателями: братьями А. и Б. Хыждеу, Б. П. Хашдеу и К. Стамати-Чуря; другое составляют произведения русских писателей, проживавших в разное время в Бессарабии и писавших на молдавскую тематику: А. Пушкин, А. Вельтман, В. Даль и др. На втором этапе (литература конца 80 гг. XIX в. – начало XX вв. (условно до 1917 г.)) идет процесс активного формирования местной русской литературы Молдовы (Бессарабии), которая в большинстве своем являлась региональной литературой. Этап третий (с 1918–1940 гг.) представляет исторический «межвоенный период», когда литература на русском языке была представлена в периодической печати (в основном в местных газетах). Этап четвертый (примерно с 1950 по 1991 гг.) – советский период, который в русской литературе Молдовы характеризует главенство метода соцреализма. Этап пятый (с 1991 г. до настоящего времени) – новый период в истории русской литературы Молдовы, сложный в своем идейно-жанровом процессе, со значительным влиянием постмодернизма, однако активное освоение местных национальных реалий также остается важной составляющей литературного процесса.

Итак, рассматривая путь развития русской литературы в Молдове на протяжении XIX – XX вв., мы выделяем наличие молдавского этнокультурного регионального компонента, как важную ее особенность – часть содержания в литературном процессе, отражающую национальное и региональное своеобразие.

3) Спецификой литературного процесса Бессарабии XIX века (в рамках русской литературы) является наличие художественных произведений, созданных на основе сюжетов, мотивов и образов молдавского устного народного творчества, что, по нашему мнению, не является уникальным явлением, поскольку в литературе многих народов,

наряду с произведениями на родном языке существует определенный литературно-художественный пласт произведений, написанных на других языках, который отражает своеобразие культурного развития данного народа. «Местный колорит» в таких произведениях выступает как категория региональной литературы, выполняя в художественном произведении самые разнообразные функции (этнокультурную, психологическую, эстетическую), являясь тем самым наглядным воплощением единства содержания и формы. Традиции, заложенные А. С. Пушкиным в освоении местного фольклорного материала, продолжают в своем творчестве и другие русские писатели, проживавшие в Бессарабии: В. Даль, А. Вельтман, А. Яцимирский и др.

Проанализировав определенный ряд художественных текстов, мы пришли к выводу, что проблема местного колорита в творчестве бессарабских литераторов разрешалась по-разному: через детали и реалии национального быта, посредством топонимической привязки пейзажа, социальной характеристики портрета, представляющие собой в данной литературе самостоятельный объект художественного интереса. В повествовательном контексте таких произведений активно используются фольклорные приемы, народная молдавская речь.

4) В русской литературе Бессарабии образы и сюжеты молдавского фольклора активно использовали в своем творчестве как русские, так и румынские писатели. Характерной особенностью тематики такой литературы становятся исторические предания и легенды (*Дука А. Хыждеу, Дабижа и Гинкул Б. Хыждеу*). Народные предания о гайдуках достаточно часто составляли темы румынских литераторов Бессарабии (*Бужор Б. Хыждеу*). Легенды о молдавских народных мстителях интересовали также многих русских писателей. Так, А. С. Пушкин писал о Кирджали, А. Ф. Вельтман и Ф. Ф. Вигель – об Урсуле, А. С. Афанасьев-Чужбинский – о Тобултоке. О широкой популярности гайдуцкого фольклорного цикла много писал А. И. Яцимирский.

Таким образом, главной обобщающей характеристикой местной литературы выделяется тематическая общность воссоздания бессарабской картины мира, где благодаря взаимодействию с молдавской культурой, русская литература получила мощный фундамент в качестве самобытной основы, в котором предметом художественного изображения стали история, традиции, обычаи и быт населения Бессарабии.

2. СПЕЦИФИКА БЕССАРАБСКОЙ ТЕМАТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОЛЬГИ НАККО И ДРУГИХ МЕСТНЫХ АВТОРОВ

2.1. Степень разработанности проблемы и материалы второй главы

Изучая творчество О. Накко в контексте русской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв., мы столкнулись с проблемой поиска художественных текстов (материалов исследования), которые не были переизданы и остались только в первоначальных публикациях данного периода (преимущественно в периодической печати). В процессе разработки темы и многолетних исследовательских поисков в архивах и библиотеках Кишинева, Одессы, Измаила, Бухареста и Санкт-Петербурга, мы собрали основной корпус нарративных материалов (художественных и публицистических текстов О. Накко и ряда местных авторов) и документов.

В качестве основной базы источников, помимо источниковедческой базы, уже рассмотренной в предыдущей главе, мы использовали газеты Кишинева и Одессы (*Бессарабский Вестник*, *Новороссийский Телеграф*) указанного периода и некоторые архивные материалы.

Нами был обработан значительный текстовый материал (художественная проза, публицистические тексты: редакторские колонки, репортажи, публицистические очерки и пр.), собранный, в первую очередь, на страницах данных периодических изданий, также опубликованный в книжных сборниках и альманахах, издававшихся в данный период, как, например *Бессарабия Географический, исторический, статистический, экономический, литературный и справочный сборник с 224 иллюстрациями, портретами и картой Бессарабской губернии* [Бессарабия 1903].

Один из наших главных источников настоящей главы газета *Бессарабский Вестник*, которая выступает как первое частное периодическое издание в Бессарабии, она выходила с 1889 по 1897 гг. в Кишиневе, редактор-издатель – Е. С. Соколова, с 1891 г. – И. Чекан, с 1896 г. – Ф. П. Коптевский. Первый номер датирован 1 сентября 1889 г., последний – 2 сентября 1897. Хотя *Бессарабский Вестник* был первой в XIX веке кишиневской ежедневной большеформатной частной газетой и находился почти девять лет в центре культурной и идеологической жизни губернии, до сих пор это издание практически не изучено, не охарактеризованы его роль и место в развитии журналистики, литературы и культуры, общественно-политической мысли и истории в целом. В монографических исследованиях в данной области, как, например, в единственной научной монографии по данной теме Б. А. Трубецкого *Из истории периодической печати Бессарабии. 1854–1916 гг.* содержание газеты, творчество ее сотрудников рассматриваются лишь суммарно, в

обзорном порядке [Трубецкой 1968]. Здесь надо отметить, что существует еще методическое пособие – курс лекций Д. В. Ковалья «*Бессарабский Вестник*» – первая частная газета края. Лекции по курсу «История молдавской демократической журналистики», которое является до сих пор единственным релевантным источником для общего ознакомления с характером материалов газеты [Коваль 1985].

Также необходимо в этом корпусе источников отметить значимость обзорно-аналитической работы *Presă basarabeană. Contextul imperial și specificul local (sec. XIX – începutul sec. XX)* современного исследователя Республики Молдова Марии Данилов, включающей периодическую печать Бессарабии данного периода в единый процесс и позволяющей воссоздать местную специфику в общем историческом («имперском») контексте своего времени [Danilov 2005].

Наряду с *Бессарабским Вестником*, мы в таком же значительном объеме использовали художественные и публицистические тексты газеты *Новороссийский Телеграф*. Газета была заявлена редакцией как «политическая, коммерческая и литературная». Выходила она с 1875 по 1894 гг. в Одессе ежедневно, издатель – М. П. Озмидов, редактор – В. И. Корастелев. Отметим, что, несмотря на значительный хронологический период существования газеты и важную роль, которую она играла в общественно-политической и культурной жизни региона, цельных научных исследований по данной газете пока не представлено.

Полные комплекты газет *Бессарабский Вестник* и *Новороссийский Телеграф*, которые мы изучали в контексте интересов нашей темы, в настоящее время остаются только в фондах газетного зала Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

2.2. Формирование особенностей художественной литературы Бессарабии в периодической печати

Несмотря на то, что культурная жизнь Бессарабии конца XIX – начала XX вв. составила предмет определенных исследований, многие аспекты данной темы остаются еще недостаточно изучены. Бессарабская губерния оставалась составной частью Российской империи, где, согласно объективным условиям, социально-экономическая и культурная деятельность была эшелонирована по нисходящим ступеням, от метрополии до окраин. Анализ культурных явлений, осуществленных в рамках этих крайних пределов, на протяжении XIX в. (начиная с 1812 г.) все еще составляет задачу современных культурологических исследований.

Литературный процесс как весомый компонент культуры и искусства напрямую зависит от читательской аудитории. Цели и задачи литературного процесса подвержены модификациям, но в целом он направлен на развитие и распространение литературного творчества, а также на формирование и воспитание читательской аудитории. Бессарабская губерния Российской империи к концу XIX в. по-прежнему представляющая собой далекую окраину, оставалась далекой также и от культурной жизни имперских высокоразвитых столиц. Здесь практически не появляются художественные произведения в отдельных изданиях. Не существовало фактически литературных журналов, которые являются определенным признаком высокого уровня институционализации культурного процесса. Именно в этом контексте роль газет в культурном комплексе городской жизни Бессарабии в этот период трудно недооценить. Фактически только на страницах периодических изданий регулярно появляются проявления местной художественной прозы, позволяющей создавать непрерывное развитие литературы, составляющей литературный процесс.

Вот как описывает эту ситуацию в 1866 году известный писатель, крупный ученый-филолог второй половины XIX века Богдан Петричейку Хашдеу: «Оригинальные произведения до того малочисленны, а их оригинальность до того сомнительна, что для серьезного читателя они являются скорей мечтой, чем действительностью, в нашей так называемой национальной литературе. <...> Но самой распространенной категорией в нашей литературе являются газеты. Газета – это и не оригинальное произведение и не перевод; это особый реестр, в который некий гражданин, именуемый публицистом, записывает последовательно во времени, но в хаотическом беспорядке все, что он случайно слышит или видит, все, что, как ему показалось, он услышал или увидел, и, наконец, все, что ему взбредет в голову» [Хашдеу 1978, 252–243].

Неопределенность, противоречивость результатов первого пореформенного десятилетия в Российской империи, быстрое развитие буржуазных отношений, постоянные колебания высшей власти в сторону политической, социальной реакции, продолжающаяся ломка привычного течения жизни, общественной и внутренней психологии человека определили нестабильность 1870–1890-х годов. В этот период почти вся литературная жизнь сосредоточивалась в журналах. Цензурное положение журналов определялось «Временными правилами» о печати 1865 г., по которым столичные журналы объемом более 10 печатных листов освобождались от предварительной цензуры с сохранением цензуры наблюдательной [История русской литературной критики 2002, 42]. На деле положение о предварительной цензуре часто не выполнялось. Главное цензурное управление то запрещало обсуждение в печати важных политических событий, то усиливало власть местных администраторов в делах печати.

Отметим некоторые особенности политической и социальной жизни 1880-х – 1890-х гг., которые четко обозначились событиями, наложившими печать на все последующие годы на всем пространстве Российской империи, в том числе и Бессарабии. Это, в первую очередь, убийство в 1881 г. императора Александра II, ответные репрессивные меры правительства Александра III, которые значительно изменили ход общественного развития. Идеология народничества, имевшая большое влияние на умы, особенно в культурной среде, пошла на убыль. Значительным явлением в духовной жизни русского общества последних двух десятилетий XIX века стало «толстовство», обновленное христианство, основанное на идее самоусовершенствования человека и общества, объединившее значительную часть творческой интеллигенции. На фоне возрастающей реакционной волны, усиления цензуры возросла общественная функция литературы.

В историю книжного дела в Российской империи 1870-е – 1890-е гг. вошли как период быстро развивающейся издательской деятельности. Росло количество газет и журналов, расширялся круг читателей, увеличивалась тяга к самообразованию. Книгоиздание становилось материально выгодным предприятием. Не только извлечение прибыли было для большинства крупных российских издателей главной целью. Их больше привлекали возможности просветительской деятельности, участия в формировании общественного мнения, желание деятельно послужить отчизне. Не литературные салоны или иные узкие групповые собрания, а редакция журнала становится местом первых публичных литературных чтений и обсуждений [Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века 1981, 11].

Периодическая печать Румынского королевства в означенный период также была довольно обширной и разноплановой не только в политической, но и общественной, культурной и литературной областях. Отметим, что румынская пресса (особенно в последней трети XIX в.) активно участвовала в создании национальной румынской литературы и развитии литературного языка и соответственно влияла на формирование литературного процесса. Значительную роль в этом «литературоформирующем» механизме сыграл журнал «Литературные беседы» (*Convorbiri literare*, 1844–1870) под редакцией Якоба Негруци (Jacob Negruzzi), который затем передает управление редакции, состоящей из бывших учеников Титу Майореску (Titu Maiorescu): Михаила Драгомиреску, Симиона Мехединци, П. П. Негулеску, Рэдулеску-Мотру (Mihail Dragomirescu, Simion Mehedinți, P. P. Negulescu, Rădulescu-Motru). В данном издании публиковались художественные произведения Василе Александри, Михая Эминеску, Иона Крянгэ и др. выдающихся румынских писателей и публицистов [Dicționarul literaturii române 1979, 211–

214]. В 70–80-е годы XIX века литературное творчество Михая Эминеску развивается на страницах периодической печати [Iorga 1929, 6].

В 1880-х гг. важнейшей либеральной газетой Румынии была «Ромынул» (*Românul*), которой руководил К. А. Розетти. Другими либеральными газетами были: *Telegraful de Bucuresti*, которая превратилась в *Telegraful*, а в 1888 году в *Telegraful Roman*, ими руководил К. Фундеску, который, по словам Николае Йорги, был «автором стихов и усердным собирателем народных литературных текстов». [Băiculescu, Răduică, Onofrei 1969, 68-69; 141, 144; 608-609, 723-724] Либеральные газеты: «Румыния» (*România*), «Нация» (*Națiunea*) Думитру Брэтяну. В 1880-х г. появилась еще одна либеральная газета, изданная Барбу Стефамеску под названием «Воинца Националэ» (*Vointa nationala*), также: «Драпелул», «Дрептатя», «Газета попорулуй», «Секолул 20», «Вииторул», «Независимость Румынии» (*Drapelul, Dreptatea, Gazeta poporului, Secolul 20, Viitorul, L independance romane*). Консервативные газеты: «Тимпул» (*Timpul*), которая находится в открытом конфликте с газетой К. А. Розетти «Романул» (*Românul*). В 1880-х годах в редакции *Timpul* простыми редакторами будут работать Ион Славич и Михай Эминеску, а также Ион Лука Караджиале, пришедший в 1878 году [Iorga 1929]. Михай Эминеску будет главным редактором *Timpul* с февраля 1880 года по декабрь 1881 года. За 5-6 лет работы в *Timpul* Эминеску опубликовал более 1200 статей. После 1881 года Эминеску продолжит работать в *Timpul*, в том числе и как убедительный полемист и грозный памфлетист, не входя в руководство газетой, он публиковал по 3 статьи в неделю [Iorga 1929, 4–6].

Важными изданиями были консервативные газеты: «Эпока» (*Eroca*) с 1885 года, возглавляемая Григоре Пеуческу, «Консерваторул» (*Conservatorul*) и «Румани» (*La Roumanie*). Значительной периодической группой выступали демократические газеты «Контемпоранул» (*Contemporanul*) и «Бессарабия» (*Basarabia*), издаваемые братьями Ионом и Георге Надежде, также газеты: «Эмансипареа», «Стиндардул», «Дрептури омулуй», «Социал-демократия» и «Лумеа ноуа» (*Emanciparea, Stindardul, Drepturile omului, Democratia sociala, Lumea noua*) [Călinescu 1988, 360].

Здесь очень важно отметить, что весь этот огромный потенциал румынской прессы, который мы подробно продемонстрировали в данном обзоре, был в основной своей массе недоступен читателю на территории Бессарабии. Как отмечает Мария Данилов в своем исследовании этой темы, поступление румынской прессы в Российскую империю было строго запрещено, особенно сурово это правило соблюдалось в данный период (конца XIX – начала XX вв.). Отдельные экземпляры румынских газет доставлялись в Бессарабию нелегальными путями [Danilov 2015]. Также необходимо указать на тот факт, что в означенный период периодическая печать Бессарабии существовала только на русском

языке. Первая газета на румынском (молдавском) языке *Basarabia* («Басарабия») начала свою жизнь в 1907 г. и просуществовала недолго. Вышло лишь 79 номеров. Культурно-литературный контекст «Басарабии» формировали бессарабские интеллектуалы, ставшие впоследствии выдающимися литературными и общественными деятелями Бессарабии: П. Халиппа, М. Вынтул, А. Матеевич и др. [Ciobanu 1933].

В самой Бессарабии периодические издания, которые в это же время выходили в Кишиневе (или в Одессе и предназначались для бессарабского читателя) были в крайней степени немногочисленны. Иными словами, их было немного. Такие газеты как *Бессарабский Вестник* и *Бессарабские Губернские Ведомости* (Кишинев), *Новороссийский Телеграф*, *Одесский Листок* (Одесса) становятся в этот период значительным полем литературной жизни и настоящей ареной для утверждения жанров малой прозы в местной литературе.

На страницах этих газет состоялись литературные дебюты, а иногда полностью помещалось литературное творчество одаренных бессарабских авторов. Здесь же было опубликовано большинство произведений Ольги Накко, писательницы, творческому наследию которой мы посвятили нашу работу.

Газета *Бессарабский Вестник* была основана в конце сентября 1889 г. управляющим акцизными сборами Бессарабской губернии С. И. Соколовым, руководившемся «идейными соображениями». Однако официальным редактором-издателем издания была его жена – Елизавета Сергеевна Соколова, а фактическим редактором – В. Я. Лучинский.

Бессарабский Вестник (далее – *БВ*) являлся первой частной газетой в Бессарабии и продержался в этом качестве до 1898 г. Елизавета Сергеевна Соколова предпринимала значительные усилия для выпуска газеты, больше полугода преодолевая многочисленные технические и организационные трудности: бумага доставлялась из Петербурга, а наборщиков рекрутировали в Одессе, также крайне затрудняли работу интриги главного конкурента – издателя одесского *Новороссийского Телеграфа* (далее – *НТ*).

Созданию газеты предшествовала длительная переписка Соколовой с губернатором Бессарабии. Приведем пример одного из этих писем: «Редакция *Бессарабского Вестника* доводит до сведения Вашего Превосходительства, что первый номер газеты предполагает выпустить в свет первого сентября 1889 года и имеет честь позволительнейше просить Ваше Превосходительство о назначении чиновника для просмотра и дозволения к печати представляемого материала, имеющего составлять текущие номера газеты. Весь подлежащий просмотру материал будет доставляем к назначенному чиновнику по соглашению с ним, ни в коем случае не позже 11 часов вечера, в газетных полосах, т.е. в том виде, в каком материал является в первоначальном наборе» [Коваль 1985, 8–9].

Миссия цензора газеты была временно поручена Бессарабскому вице-губернатору статскому советнику Д. А. Зарицкому. В назначенный редакцией срок первый номер *БВ* был выпущен в свет. В качестве программного обращения к читателям на первой полосе публиковалась статья редактора «Наши задачи и желания»:

«С некоторой робостью и смущением, – писалось в статье, приступаем мы к осуществлению нашей мечты – к основанию в Бессарабии ежедневного органа гласности, задачи которого – служить интересам нашей окраины. Смущаемся мы потому, что нам приходится быть пионером воссоздания газеты в крае, около ста лет тому назад присоединенном к Российской Империи и тем не менее до сих пор обходившемся без своей собственной газеты». При таких условиях нельзя заранее быть уверенным, что инициатива наша будет встречена с достаточным сочувствием, которое, если не теперь, то в близком будущем обеспечило бы успех издания. Впрочем, надежда на такое сочувствие нас не покидает. Ведь край наш велик и обилен. Живет он совершенно обособленною, самобытной жизнью. <...> в нем еще и до сих пор есть немало уголков, куда не проникал еще свет гласности, – таких уголков, интересы которых игнорировались повременною печатью»³⁴. Редактор выражала надежду, что в недалеком будущем газета станет «защитницей интересов населения из самых отдаленных уголков Бессарабии», будет знакомить читателей с бытом и жизнью, радостями и горестями людей, населяющих губернию; она обращалась о призывом к интеллигенции края, приглашая ее активно сотрудничать в газете, делиться с ее читателями произведениями историческими и литературными. Редактор-издатель решительно заявляла о своем твердом намерении быть объективной и беспристрастной в отношении всех проблем общественно-политической жизни края. Газета обещала не примыкать «к той или иной партии, которые ведут между собой нескончаемую борьбу и в земстве, и в думах, и на других поприщах общественного служения»³⁵. Борьба эта, по мнению *БВ*, была по своей сути бессмысленной, потому что велась не из-за общественных интересов, а в основном из-за «гегемонии широкой». Отметим, что Е. С. Соколова предприняла издание своей газеты по программе, свойственной многим частным газетам России конца XIX столетия.

БВ имел в самом начале выпуска подзаголовки «Политико-общественная и литературная газета». Редакция стремилась к широкому освещению экономики и культуры края. Опираясь на небольшую группу профессиональных журналистов и местной творческой интеллигенции, газета систематически публиковала много интересных аналитических статей, отражающих положение, сложившееся в сельском хозяйстве,

---

³⁴ *Бессарабский Вестник*, 1889, № 1, с.1.

³⁵ Там же.

широко освещала жизнь городов и уездов Бессарабии, печатала материалы о развитии народного просвещения, библиотечного дела, уделяла большое внимание театру, литературе, часто публиковала обзоры печати. В связи с открытием при городской общественной библиотеке «Сводного абонементов для чтения книг на дому», газета опубликовала 27 мая 1890 г. большой материал, озаглавленный «Кишиневская общественная библиотека». Это, по существу, популярный исторический очерк развития библиотечного дела в столице Бессарабии с момента открытия общественной библиотеки (1832 г.) до начала 1890-х годов. Перечисляются многие лица, пожертвования которых составили основной фонд библиотеки, описываются другие события и факты, раскрывающие рост и укрепление материальной базы этого важнейшего учреждения культуры края. Так, автор очерка, подписавшийся *Захар-в*, с гордостью отмечал, что к моменту открытия «сводного абонементов» фонды кишиневской библиотеки насчитывали около двенадцати с половиной тысяч русских и иностранных книг и более 300 годовых комплектов газет; библиотека ежегодно выписывала 18 журналов и столько же газет, издававшихся в Москве, Петербурге, Одессе, в городах Поволжья и др. Возвращаясь через три года к деятельности Кишиневской общественной библиотеки, в одной из своих публикаций редактор газеты констатировал возросший читательский интерес еврейского населения: «за текущий 1892 год здесь было около 20 тысяч посещений». Рассматривая официальный отчет библиотеки, *БВ* приводил некоторые любопытные данные, свидетельствовавшие об интересах кишиневских читателей. Среди научной литературы наибольшим спросом пользовались произведения историка Генриха Гретца, а также «труды Бокля, Шлоссера, Бреша». Из беллетристов любимцами публики были «русские классики Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский». Отмечалось особое пристрастие читателей к журнальной беллетристике: об этом убедительно свидетельствовали и требования посетителей читального зала библиотеки, и «запросы гражданских лиц»³⁶.

Материалы газеты содержали значительное число публикаций, затрагивающих проблемы в сфере культуры и образования. Так, проблемы деятельности церковно-приходских школ были в поле зрения активного автора газеты Дмитрия Суручана, стремившегося вникнуть во многие аспекты работы органов народного просвещения в сельской местности. В аналитической статье «Основной недостаток сельской школы в Бессарабии», опубликованной 15 мая 1890 г., он писал, что чем большее будет в крае «разного рода храмов грамотности, распространителей среди массы населения

---

³⁶ *Бессарабский Вестник*, 1892, № 98, с. 2.

элементарных общеобразовательных сведений, тем лучше, тем скорей можно надеяться на быстрое повышение наличного уровня умственного развития народных масс». Д. Суручан ставил в этой статье вопрос о необходимости введения в программу обучения, наряду с русской речью и письменностью, параллельного преподавания «элементарных сведений по молдавскому языку». К этой проблеме автор возвращался не раз, как, например, в корреспонденции от 19 апреля 1892 г. «Народные чтения и бессарабские селяне»³⁷.

В газете не раз поднимался один из острых культурно социальных вопросов, занимавших умы молдавского общества: изучение молдавского языка в школах Бессарабии. Критикуя губернские инстанции просвещения за отсутствие элементарной культурно-просветительской работы на селе, Д. Суручан констатирует, что на полтора миллиона населения Бессарабии приходится всего 18 тысяч обучающихся в начальных школах как в сельских, так и в городоких, это печальное явление следствие малых стараний местных деятелей, в руках которых находятся судьбы народной школы края. «Ни в печати, ни в жизни, – пишет Д. Суручан, – никто из этих деятелей не задается целью разьяснить самый главный вопрос программы народного образования в Бессарабии, а именно вопрос о способах введения в бессарабскую сельскую школу элементарных знаний по молдавскому языку»³⁸.

Безусловно, кишиневская газета вносила огромный вклад в культурно-просветительскую сферу бессарабской жизни. Газета имела огромную поддержку среди образованного класса населения губернии. Тем не менее, встреченная благожелательно большинством своих подписчиков, первая частная газета края не получила, однако, должной поддержки в кишиневской городской думе, в земстве, в ряде губернских исполнительских органов, тщательно скрывавших от корреспондентов *БВ* самые различные аспекты своей повседневной деятельности, требующие гласности. На это неоднократно указывалось в различных публикациях газеты.

Обращаясь к читателям в номере от I сентября 1890 г. по случаю первой годовщины со дня выпуска газеты, Е. С. Соколова констатировала: «Мы с прискорбием должны заметить, что первый серьезный опыт издания периодического органа печати в Бессарабии не встретил сочувствия в таких, к счастью, немногочисленных слоях общества, которые по роду своей деятельности – общественному служению – должны, казалось бы, быть сторонниками самой широкой гласности. Мы говорим о некоторых общественных

---

³⁷ *Бессарабский Вестник*, 1890, № 23 с. 2.

³⁸ *Бессарабский Вестник*, 1891, № 97 с.2.

деятелях, которые почему-то увидели в *Бессарабском Вестнике* не союзника своего, как бы следовало, а чуть ли не врага, вторгающегося в будто бы чуждую ему область»³⁹.

Первая частная и демократическая газета появляется в Бессарабии лишь в 1889 году, гораздо позже, чем в соседних губерниях России, что объясняется отсутствием в крае журналистских традиций, слабой полиграфической базой и реакционной политикой местных органов царской администрации [Коваль 1985, 5]. Как отмечали современные журналисты, несмотря на все технические проблемы, благодаря выигрышному подбору сотрудников и особенно авторов, разнообразию печатающегося в ней материала газета приобрела большую популярность у бессарабской публики⁴⁰

На протяжении всего периода существования газеты на ее страницах, в литературной разделе, называвшемся *Фельетон Бессарабского Вестника*, регулярно публиковались репортажи и заметки, повести и новеллы, очерки истории края.

В этом периодическом издании сотрудничали многие одаренные писатели и публицисты: О. Накко, В. Малиновский (псевдонимы: Маленький Стэнли, Тартарен из Тараскона), Д. Д. Суручан, П. Бакалейник, А. Матюшенский, Алексей Накко, публиковавшем из номера в номер различные страницы бессарабской истории. Все перечисленные выше авторы разрабатывали т. н. бессарабскую тематику, внося значительный вклад в местную литературу, являясь формирующим началом местного литературного процесса.

В свою очередь *Новороссийский Телеграф (НТ)* изначально был задуман как политическое, коммерческое и литературное издание. *НТ* появляется в Одессе значительно раньше, в 1869 г. и выходит первоначально 3 раза в неделю, а с 1875 г. – становится ежедневником. Газета выходила на 6 страницах до 1900 г., просуществовав таким образом треть века. На протяжении 22-х лет (1875–1897) главным редактором, издателем и, согласно пиететному выражению сотрудников, «вдохновителем газеты» был М. П. Озмидов, крупный предприниматель, архитектор по образованию – «знаменитый одесский коммерсант и публицист», который, тем не менее, смог преобразовать газету во влиятельный литературный орган. Он принимал видное участие в одесских городских делах и добился большого влияния.

Газета *Новороссийский Телеграф*, одно время обратившая на себя внимание обличениями нарушений и всяческих местных не порядков, в 1880-х годах, в силу объективных причин, подобно всей остальной прессе в Российской империи, приобрела

---

³⁹ *Бессарабский Вестник*, 1890, № 68, с. 1.

⁴⁰ Яковлев Н. *Бессарабские отклики*. В: *Одесский Листок*, 1912. № 111, с 6.

довольно реакционный характер. «Отвлечшись от действительных нужд края, газета Озмидова стала хиреть, а после его смерти продержалась лишь около года», пишет петербургский *Исторический Вестник* в 1907 г. Надо отметить, что большое участие в производстве газеты принимала Зинаида Константиновна Озмидова (1843–1899), писательница, дочь К. А. Неволлина⁴¹. Она была литературным редактором издававшегося ее мужем *Новороссийского Телеграфа*, где помещала романы, повести, рассказы и рецензии под псевдонимом *Зео*. Так называемая «изнанка жизни» – главная тема ее произведений⁴².

НТ был самой крупной и распространенной газетой на юге Российской империи. Официальный раздел включал хронику событий Новороссии и Бессарабии, новости о внутренних делах, законодательные, административные, финансовые и пр. проблемы. В частности, юридическая хроника представляла на деле право редакции анализировать и дискутировать судебные решения. Особенностью газеты было наличие множества иллюстраций и портретов известных людей.

В перспективе нашего исследования, особое значение представляет неофициальная часть газеты, раздел *Фельетон Новороссийского Телеграфа*, в котором публиковались художественные литературные произведения. Здесь можно найти как собственно фельетоны «на злобу дня», так и рецензии, исторические очерки и литературные произведения как русских и зарубежных писателей, так и бессарабских авторов.

В *НТ* состоялся литературный дебют Ольги Накко. Рассказ «Бессарабские былины», напечатанный в 1887 году в одесской газете стал, по нашим сведениям, ее первой газетной публикацией⁴³. Очерк «Бессарабские былины», который она публикует еще под псевдонимом Ол. Оккан (Это единственный известный нам случай, когда писательница использует псевдоним, что, кстати, было широко распространено не только среди журналистов, но и литераторов той эпохи в целом. Далее, подписывая свои тексты, О. Накко пользуется автонимом). Данный очерк стал не только началом сотрудничества с периодическими изданиями, но и началом основного творческого этапа в жизни Ольги Накко. Затем это название станет рубрикой, которую впоследствии писательница будет вести на страницах *НТ* почти на протяжении 18 лет⁴⁴.

---

⁴¹ Неволлин Константин Алексеевич (1806–1855), русский историк права, основатель историко-правовой науки в Российской империи.

⁴² Отдельными изданиями в Одессе вышли ее книги: «Первая жена» (1888), «Три соперницы» (1889), «Рассказы» (1889), «Для досуга» (1890), «Из жизни» (1891), «Сказки» (1892), «Новые рассказы» (1893). В: *Одесский Листок*, 1895, 31-го марта (по поводу 25-летнего юбилея К. А. Неволлиной).

⁴³ Ijboldina I. Considerații inedite privind debutul literar al Olgăi Nacco. În: *Cugetul. Revistă de istorie și cultură*, 1999, nr. 4, p. 27.

⁴⁴ В *НТ*, где писательницей было впервые опубликовано около 40 очерков и рассказов, большинство из которых, включая и повесть *Баймачаны*, затем вошли в отдельные сборники, мы обнаружили еще

С 1889 года, с публикации рассказа *Волк. Из бессарабской старины* начинается творческое сотрудничество Ольги Накко с первой частной газетой Кишинева *БВ* продолжавшее вплоть до закрытия газеты в 1897 году⁴⁵ [Коваль 1985, 5].

В представленной характеристике газетных изданий: *Бессарабский Вестник*, *Новороссийский Телеграф* немаловажным оценочным критерием значимости в аспекте нашего исследования явилось создание прочной литературной площадки, которая позволила развиваться художественной литературе как важному явлению в культурной жизни своего времени, заявляющей о себе на страницах этих газет. Надо отметить, что для Бессарабии это являлось традиционным явлением. Еще Б. П. Хашдеу в памфлете «Газеты и газетчики» (1866) так характеризовал особенности литературного процесса Бессарабии: «Самой распространенной категорией в нашей литературе являются газеты. Газета – это и не оригинальное произведение, и не перевод; это особый реестр, в который некий гражданин, именуемый публицистом, записывает последовательно во времени, но в хаотическом беспорядке все, что, как ему показалось он услышал или увидел и, наконец, все, что ему взбредет в голову [Хашдеу 1958, 67].

Местный литературный процесс формировался на страницах *БВ* и *НТ* определенной группой бессарабских литераторов: поэтов, прозаиков и публицистов, среди которых выделялись авторы создававшие оригинальные сюжеты на основе местной бессарабской действительности, оставившие яркий след в истории русской литературы Бессарабии, литературы Молдовы в целом. Это в первую очередь – Ольга Накко, которая, можно сказать, была неформальным лидером литературного отдела этих газет, это Виктор Малиновский, Дмитрий Суручан (активный сотрудник *БВ*, публиковавший статьи по историческим и социальным вопросам, автор талантливых рассказов и очерков на остросоциальные темы), Петр Бакалейник (прозаик и поэт), Александр Матюшенский, неизвестный автор, скрывавшийся под псевдонимом Бессарабец и другие многочисленные анонимные литераторы, выступавшие под различными псевдонимами, а также несколько

---

23 рассказа О. Накко более нигде не публиковавшихся: Бессарабские былины, 1887, № 3684; Лишняя. Рождественский рассказ, 1887, № 3939; История одного клада, 1888, № 4227; С елки. Рождественский рассказ, 1889, № 4293; Роксанда и Фехчибей, 1889, № 4306; В Кодрах, 1889, № 4334; Лектриса, 1889, № 4393; Янко Лено, 1889, № 4398; Дудука Аглая, 1889, № 4421, 4422, 4435, 4436; Кишинев, его физиономия и особенности, 1889, № 4531; Братья-разбойники, 1889, № 4541, 4543; Генеральша, 1889, № 4583, 4585, 4614, 4620; Слово отца Порфирия, № 4723; Детский доктор, № 4822; Коммуналы, 1890, № 4912, 4929, 4940, 4947, 4948, Судьба Грикины, 1891, № 5040; Семья Кетреско, 1892, № 5331; Флорика, 1892, № 5494, 5508, 5514, 5521; Две матери, 1892, № 5529, 5531, 5536; Переселенка, 1893, № 5862, 5870; Магдалина, 1893, № 5906, 5919; На бульваре, 1894, № 6174; Бессарабские былины. Очерк, 1895, № 6306, 6318, 6328.

⁴⁵ Коваль Д. В. «Бессарабский Вестник» – первая частная газета края. Лекции по курсу «История молдавской демократической журналистики», Кишинев, 1985, с. 5.

авторов, систематически присылавших в редакцию материалы о литературной и театральной жизни Петербурга, Москвы, Киева, Одессы [Коваль 1985, с. 22]. В литературном отделе *БВ* в 1896 г. опубликовал рассказ *Индюки* один из одаренных литераторов Бессарабии П. Крушеван [Крушеван 1896]. Мы подробно остановимся на творческом наследии этих писателей далее в следующем параграфе работы.

Здесь, в обосновании значения и роли периодической печати, ее влияния на формирование литературного процесса в Бессарабии, отметим развитие поэтических жанров на страницах бессарабских газет как важный фактор литературной жизни края последнего десятилетия XIX века.

В означенный период, особенно в 90-е годы XIX столетия, в русской литературе происходило бурное и всепоглощающее наступление поэзии Серебряного века, и это не могло не отразиться на местной литературной жизни. Именно поэзия явилась ведущим жанром, как в русской, так и в мировой литературе этого периода. Поэзия газеты *БВ* – главной литературной арены края – это важный культурообразующий фактор литературной жизни Бессарабии последнего десятилетия века. Ее основными представителями были: В. Гофштеттер, М. Полиновский, М. Коханский, К. Плугарь, П. Васильева, М. Ребуг, Е. Юрчевский, Я. Ровенский (Тень Банко) и ряд других авторов оставшихся неизвестными.

Кратко характеризуя поэзию, которая выступала на литературной площадке местных газет, мы можем отметить мотивы душевной подавленности, тоски, уныния – основополагающие факторы в поэзии этого времени. Как следствие неудовлетворенности авторов окружающей действительностью, резкое отчуждение ее (как, например, «В темную ночь» Полиновского, «В стране изгнания» Гофштеттера, «В непогоду», «Большое горе» Ровенского). Мрачные краски в сочетании со скрытым социальным протестом, тотальным осуждением существующего общественного строя, разделяющего людей на богатых («верх») и бедных («низ») («В темную ночь», «Звон цепей», «В непогоду» Ровенского), «давление оков», образ «мертвой страны» («В стране изгнания» Гофштеттера) – важные атрибуты социальной лирики *Бессарабского вестника*. [Пынзару 2003, 114].

Некоторые либеральные «просветы», появившиеся в общественно-политической жизни Российской империи к середине 1890-х годов, послужили поэтам данного периода источником определенного социального оптимизма: предчувствие приближающейся «новой зари», медленное, но, безусловно, неуклонное «просветление мира» и, связанное с этим «осветление» стилистики стихотворений. Появляется пейзажная лирика под знаком «восстановления гармонии» между состоянием внутреннего мира лирического героя и природой. Жизнеутверждающий настрой любовной лирики («Сонет» Ровенского. «Ты далеко», «Отрывок» неизвестного автора). Сатирическая поэзия *БВ* также занимает

определенную нишу в творчестве Я. Ровенского: фельетоны в стихах («Сон Татьяны»), пародии («Кому в Кишиневе жить хорошо»), сатирические подражания («Идеал. Подражание Лессингу», «Ессе homo!») и неизвестных литераторов, публиковавших сатирические сценки «Из жизни Кишинева»⁴⁶.

Помимо публикаций в бессарабских газетах мы не нашли произведений этих поэтов в отдельных изданиях, с определенной вероятностью, мы можем полагать, что они не сохранились. Пожалуй, больше всех повезло Евгению Юрчевскому, выпустившему несколько сборников своих стихов в Кишиневе в 1888–1892 гг. Современник известного кишиневского поэта Василия Лашкова (1861–1932) Евгений Юрчевский проявил себя в творчестве как безусловный романтик. Романтизм – основное направление его поэзии. Творческое развитие лирики Юрчевского в 1890-е годы выражалось «в его постепенном самоочищении, прояснении внутреннего мира, заметном избавлении от пессимистических настроений, постепенным поворотам автора к светлым, радостным сторонам жизни» от книги к книге происходило усиление социального начала [Пынзару 2003, 136].

Рассматривая особенности развития региональной периодической прессы данного периода, мы можем констатировать довольно значимую роль периодических изданий в культурно-просветительской сфере бессарабской жизни и, в не меньшей степени, в развитии литературного процесса и формировании определенной литературной среды, отличительными характеристиками которой (за исключением определенной части местной поэзии) является повышенный интерес к описанию местных национальных особенностей, реалистическое отражение реалий бессарабской жизни рассматриваемого периода.

2.3. Газеты Бессарабии как литературная платформа. Общий обзор и сравнительный анализ произведений ее представителей

В нашей работе мы демонстрируем литературное творчество группы бессарабских писателей, которое, в разной степени соответствия, естественным образом отвечает традиционным принципам функциональности литературных произведений: эстетическому, познавательному и воспитательному. Тем не менее, исходя из специфики данной литературы, мы считаем необходимым указать на важность бессарабской тематики в местной литературе как ценностной характеристики, интенционально включающей ее в культурный оборот как русской литературы в частности, так и мировой литературы в целом.

---

⁴⁶ *Бессарабский Вестник*, 1896, № 97, с. 3

В представленном обзоре художественной прозы бессарабской периодической печати конца XIX – начала XX вв. мы обращаем особое внимание на этнокультурную ценность представленной литературы. Согласно определению британских исследователей, значение чего-либо – это то, что оно выражает или представляет, а значение чего-либо – это его важность: *the significance – its importance*⁴⁷: «Литературное произведение всегда будет что-то сообщать, но его истинная ценность заключается в том, насколько оно значимо».

Русская литература конца XIX – начала XX вв. – период довольно короткий, но важный и самостоятельный по значению. Реалистическая литература, созданная писателями нового поколения в этот период, – большой и неоднородный пласт русской словесности. Общее стремление – проникнуть в глубинный смысл быстротекущей жизни – привело к разнонаправленному поиску. В литературном процессе этого времени каждый из участников сыграл свою определенную роль, но в развитие искусства слова они внесли отнюдь неравнозначный вклад. Наряду с классиками русской литературы (А. Куприн, И. Бунин, М. Горький, Л. Андреев, А. Ремизов), в это время существовало множество писателей, включенных в современную классификацию как «писатели второго ряда».

Румынская литература на протяжении всей второй половины XIX в. находилась в процессе активного развития, создание национальной румынской литературы шло параллельно с процессом формирования норм румынского литературного языка. Вместе с Михаилом Когэлничану, который впервые издал молдавские летописи, появляется Алеку Руссо как один из знаменитых теоретиков национальной литературы, собиратель и толкователь народного творчества. Василе Александри, который разработал почти все литературные жанры и виды, считается одним из основателей новой литературы. Особый акцент в аспекте темы нашего исследования несет творчество Богдана Петричейку Хашдеу, прозаика и поэта, драматурга и публициста, фольклориста и лингвиста с европейским именем. [Călinescu 1988, 440].

В 70–80-е годы XIX века развивается литературное творчество Михая Эминеску, одного из великих представителей европейской лирики на данном этапе. Его произведения имели громадное влияние на последующую эволюцию молдавской и румынской литературы. Автор многих шедевров, таких как поэмы «Лучафэрул» и «Кэлин», сатир и других лирических стихотворений о любви и природе, он считал, что настоящая литература

---

⁴⁷ *A piece of literature will always communicate something, but its true value is in how significant it is* (Cambridge Dictionary).

может быть основана на живом языке народа, на традициях, обычаях и его истории [Călinescu 1988, 162–163].

В сказки, рассказы и знаменитые «Воспоминания детства» (*Amintiri din copilărie*) Ион Крянгэ вводит фигуру крестьянина, как главную реалистическую тему села с его повседневной жизнью, интерпретированную через призму интересов и надежд народных низов [Călinescu 1998, 230].

Надо отметить весомую роль в созидании румынской литературы и развитии литературного языка, которую играли периодические издания Румынии, как, например, журнал «Литературные беседы» (*Convorbiri literare* (1844–1870), предоставлявшем литературную площадку для таких значительных румынских литераторов, как Василе Александри, Михай Эминеску, Ион Крянгэ и др. [Dicționarul literaturii române 1979, p. 211–214]. Газеты и журналы «Молдовянул» (*Moldoveanul*), «Кувынт молдовенеск» (*Cuvânt moldovenesc*), «Вяца Басарабией» (*Viața Basarabiei*) и др. сыграли позитивную роль в процессе формирования национальной литературы, в продвижении оригинального творчества молдавских авторов. Как, например, живые и оптимистичные, черпающие свое вдохновение из фольклора стихи Алексея Матеевича «Я пою» (*Eu cânt*), «Песня зорь» (*Cântecul zorilor*), «Крестьяне» (*Țăranii*), «Страна» (*Țara*), «Наш язык» (*Limba noastră*), выражают протест поэта против социальной детерминации народа, содержат пламенный призыв к борьбе за «свободу, волю и землю», выражают любовь к родному языку. Социальный пафос, патриотизм, широкое использование фольклора – все эти составляющие лежали в основе лучших образцов румынской литературы, широко разрабатывающей тематику отображения этнонациональной и социальной специфики современной действительности.

Рассматривая русскую литературу Бессарабии, мы выделяем тех авторов, в произведениях которых тематика бессарабской действительности является ведущей. Мозаичные картины бессарабской жизни, которые рисуют местные литераторы, рождены особым социально-историческим контекстом, сложившимся на протяжении XIX столетия в регионе. Яркий мультикультурный колорит Бессарабии составлял весомую основу бессарабской действительности. Уже в первые десятилетия XIX века, после вхождения в состав Российской империи, Бессарабская область стала принимать значительные потоки нового разнонационального населения. Здесь оседали колонисты из разных стран: было много немцев, французов, но куда больше балканских выходцев (греки, вlahи, албанцы, болгары, сербы). Все это национальное многообразие взаимодействовало с местным населением – молдаванами и с большой долей евреев и цыган [Зеленчук 1979].

В художественных очерках бессарабским писателям удавалось репрезентировать культурное пространство Бессарабии так, что русская литература получила не просто тексты, осложненные наличием этнокультурных элементов, а своего рода особый литературный факт культурного явления. В процессе взаимодействия культур, а именно в процессе контакта с национальной пестротой бессарабской действительности, у русского читателя складывается определенное отношение к ней, обусловленное национально-специфическими различиями, существующими между родной и чужой культурами. Эта встреча и взаимодействие в текстах производят интересные эффекты адаптации, переосмысления, домысливания – воссоздания культурного фона Бессарабии. Галерея созданных художественных образов – дань эпохе, но в основе каждого – национальный характер. Все они в своей совокупности составляют особенности национальной культуры Бессарабии конца XIX – начала XX столетия.

Спецификой газетных публикаций обусловлено жанровое своеобразие русской художественной литературы в этом регионе. Это в первую очередь жанры малой прозы, во всем многообразии форм: повести, рассказы, сцены, картины, отрывки, заметки. Ведущее место в этом ряду, конечно, по праву принадлежит художественному очерку. У этих жанровых образований единая идейно-художественная природа, единая познавательная, дидактическая задача.

Литературное наследие бессарабских авторов до сих пор практически не исследовано, не систематизировано, местонахождение самих текстов малодоступно, что вызывает ряд упреков с эдиционной точки зрения. Надо отметить, что русская литература Бессарабии настоящего периода в целом изучена еще недостаточно системно. Современные исследователи литературы, в большинстве своем, не отрывают взгляда от вершин мировой классики, а «неклассические» имена местных литераторов и их книги остаются далеко за пределами литературоведческих концептуальных построений.

2.4. Бессарабская тематика в произведениях О. Накко и других местных авторов

В данной главе мы определили задачу отчасти решить проблему безызвестности целого ряда бессарабских писателей конца XIX – начала XX вв., которые имеют определенную ценность в представленной литературе. В целях отражения совокупной картины литературного процесса на страницах периодической печати Бессарабии, мы представляем общий обзор и анализ произведений наиболее ярких ее представителей.

Помимо Ольги Накко, которая занимает ведущую позицию, как в нашем исследовании, так и в списке авторов бессарабской печати, мы обращаем внимание на ее коллег по литературному цеху, первым из которых идет Виктор Малиновский.

Виктор Малиновский печатался под псевдонимами Маленький Стэнли, Ноготок, а чаще всего, Тартарен из Тараскона (Тартарен, Т из Т) и был активным участником литературного отдела *БВ*. Бессарабская тематика является ведущей в таких рассказах писателя как: *Баба Чана*⁴⁸, *Небуна Аника*⁴⁹, *Маловатская русалка*⁵⁰, *Ночной визит*⁵¹, *В мещанском омуте*⁵², *Василий Иванович Пушкиа*⁵³, *Облава на кабанов*⁵⁴ и др. Профессионализм журналиста заметным образом отразился на характере его прозы: документальная основа сюжетов выводит их за границы частного жизненного случая, социализирует их.

Рассказ *Баба Чана* носит подзаголовок *Из кишиневских нравов* и являет собой эпизод из жизни бессарабских болгар – «болгарской магалы». Повествование предваряет эпиграф: „Ното homini lupus est”, который, как это и предусмотрено литературными законами, является сюжетным ключом. Главный повествовательный мотив рассказа – неписанный кодекс этических норм, выработанных простым народом в течение столетий, и неизбежное возмездие за нарушение этого кодекса. Михалуца, сын *градинара байя* Стефана полюбил, но не «черномазую, усатую и приземистую Марицу, которую отец прочил ему в жены, а высокую, стройную и разбитную Софийку, бесприданницу»⁵⁵. Его мать, баба Чана, со всей добротой приняла молодую невестку. Однако *кукона-невестка* оказалась «сущей ведьмой. Она приготавлила для нее (бабы Чаны – И. И.) голубцы из табачных листьев» (Здесь автор дает пояснение, что подобный факт имел место в летописях болгарской магалы – И. И.)⁵⁶. «Бабу Чану выгнали из собственного дома» и «на склоне лет ей пришлось сделаться нищей»⁵⁷.

Жалкую смерть приняла баба Чана, но и после смерти «имела неотразимое влияние» на судьбу Михалуцы и его семейства. Общественное мнение «магалы» встало против Михалуцы, дела его сильно пошатнулись. Старуха стала являться его захворавшему ребенку грозным видением, «особенно памятен ее визит в ночь, когда умерла девочка,

---

⁴⁸ Малиновский В. *Баба Чана. Из кишиневских нравов*. В: *БВ*, 1889, № 57, с.2.

⁴⁹ Малиновский В. *Небуна Аника*. В: *БВ*, 1889, № 70, с.3.

⁵⁰ *БВ*, 1890, № 148, с.2.

⁵¹ *БВ*, 1891, № 382, с.1.

⁵² *БВ*, 1891, № 413, с.2.

⁵³ *БВ*, 1891, № 500, с.2.

⁵⁴ *БВ*, 1889, № 60, с.2.

⁵⁵ Малиновский В. *Баба Чана. Из кишиневских нравов*. В: *БВ*, 1889, № 57, с.3.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

Софийка все более и более предавалась чувству страха», и не прошло и года, как «Михалуца остался один, мучимый угрызениями совести и привидениями матери»⁵⁸, стал он сильно пить, опустился, и, в конце концов, и вовсе исчез. «На магале давно предсказывали, что Михалуца плохо кончит, что голубцы из табачных листьев, которыми его жена кормила его мать, зачтутся ему еще на этом свете, что такое неслыханное попрание всех заветов старины, такой бесчеловечный поступок с родною матерью не пройдет ему даром»⁵⁹.

Достоверность повествования в рассказе *Небуна Аника* В. Малиновский подчеркивает подзаголовком «Из уголовной хроники с. Драгичены». Это – грустная и вечная история о жестокости и несправедливости в человеческом обществе, история о деревенской дурочке, которую забила насмерть озверевшая толпа односельчан, ведь «...Тьма – невменяема. Небуна недаром была такою страстною заступницей света»⁶⁰.

В основе рассказа *Маловатская русалка* лежит древнее молдавское поверье о русалках, которые были при жизни «старыми, злыми женщинами, имевшими сношения с нечистым духом»⁶¹. Рассказывая «Историю одного супружества» (именно таков подзаголовок рассказа) автор описывает одно из самых чарующих народных преданий, и для большей достоверности приводит даже этнографическую справку, ссылаясь на «Статистическое описание Бессарабии» А. И. Защук⁶².

Рассказы *Тартарена* разностильны, многообразны с точки зрения содержания и формы. В некоторых на первый план выступают мрачные и жестокие стороны бессарабской действительности (например, в рассказах *Баба Чана*, *Небуна Аника*), другие, описывающие народные поверья и суеверия, сочетают реалистические детали в романтическом повествовании (*Маловатская русалка*).

Совсем к иной группе рассказов относится художественный очерк *На бульваре*. *Заметки фланера*, посвященный кишиневскому бульвару как собирательному образу кишиневской жизни, – плод наблюдений и анализа общественных нравов 80-х годов XIX столетия: «Если вы дадите себе труд пробыть на бульваре целый день, или – что гораздо удобнее – являться сюда в течение недели в различные часы дня, то не без труда узнаете весь Кишинев, всю подноготную. Услышите любопытные истории образования некоторых крупных состояний, проследите пути, по которым самые ничтожные людишки вышли в

---

⁵⁸ Там же, № 73, с.3.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *БВ*, 1889, № 70, с.2.

⁶¹ *БВ*, 1890, № 148, с.3.

⁶² Защук А. И. (1828–1905), действительный член Одесского общества истории и древностей, сотрудник Российского географического общества. Здесь имеется в виду его работа «Статистическое описание Бессарабии» (1899), где приводятся статистические сведения по профессиональному и этническому составу населения и т. д.

люди».⁶³ Кишиневский бульвар – удачный образ, который нашел автор для того, чтобы передать суть своего времени.

Рассказ Малиновского *Облава на кабанов*⁶⁴ относится к классическому типу охотничьих рассказов, так хорошо знакомых со времен тургеневских *Записок охотника*, это один из эпизодов «охотничьей хроники Бессарабии». Бессарабский литератор, вслед за К. Стамати-Чуря взявшийся описать *Воспоминания об охоте по Бессарабии*, раскрывает для нас первозданную красоту богатств родной природы.

Произведения В. Малиновского, при всем их многообразии и разностильности, объединены единой бессарабской тематикой. Чтобы подчеркнуть местный колорит, автор использует фольклорные выразительные средства (пословицы, поговорки): «Капра кыт ый де рыйоасэ, куада ын сус о цыне» – «Как бы ни была коростлива коза, а все хвост держит кверху»⁶⁵, а также активно включает в текст молдавские слова. Показательной особенностью авторского стиля является отсутствие в его текстах русского подстрочника ко многим молдавским словам: «бай Стефан – один из богатейших *градинаров* Кишинева»⁶⁶ (*gradinar* – огородник – И. И.), «*кукона* Софийка»⁶⁷ (*cusoana* – барыня, госпожа), «бадя» (*bade* – дядя, уважительное обращение к старшему), «Тодор призывает всех дракулю» (*drac* – черт), «она – *небуна* – этим все сказано» (*nebuna* – сумасшедшая)⁶⁸, «*домнуле судьи*» (*domn* – господин), «была на джоке» (*joc* – танец)⁶⁹ и т.д.

На страницах *БВ* сохранилось довольно обширное литературное наследие активного его сотрудника – корреспондента и обозревателя Дмитрия Суручана. За исключением статей по историческим и социальным вопросам («Наброски бессарабской жизни», «Земельные нужды хлебопашцев Бессарабии», «Сельское ростовщичество в Бессарабии», «Продовольственные нужды и население Бессарабии» и др.), в газете опубликовано значительное количество его художественных очерков и рассказов, иллюстрирующих те или иные остросоциальные проблемы, которые он поднимал в публицистических статьях. Безземелье, беспросветная нищета бессарабских крестьян, трагическая судьба кочующих цыган и другие актуальные темы бессарабской действительности составляли основную линию сюжетов Дмитрия Суручана. Необходимо отметить, что бессарабский дворянский род Суручанов, проживавший поколениями в одноименном поместье, собрал там богатую

---

⁶³ *БВ*, 1889, № 67, с.2.

⁶⁴ *БВ*, 1889, № 60, с.3.

⁶⁵ Малиновский В. *Маловатская русалка*. В: *БВ*, 1890, №148, с.3.

⁶⁶ Малиновский В. *Баба Чана*. В: *БВ*, 1889, № 57, с. 2.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Малиновский В. *Небуна Аника*. В: *БВ*, 1889, № 70, с. 2.

⁶⁹ Малиновский В. *В волостном суде*. В: *БВ*, 1890, № 140, с. 3.

библиотеку, где большую часть занимали уникальные этнографические труды и другие работы Дмитрия Суручана, в том числе по цыганам Бессарабии. Однако и усадьба, и библиотека, в буквальном смысле, сгорели в революционном огне. На данный момент публикации в газете *БВ* – единственные источники, представляющие творческое наследие этого бессарабского ученого и литератора.

В рассказе Д. Суручана *Сумасшедший Ройбу*⁷⁰ центральный персонаж Санду Ройбу теряет рассудок и погибает как личность, становясь попрошайкой и посмешищем односельчан, после того как суровой зимой лишается скота вследствие нехватки кормов. Ройбу – попрошайка, нищий, «нищий не в своем уме, с придурью», селяне потешались над ним, но жалели, он же думал о них с презрением: «У этих мужиков нет цилиндра, зонтика и такого пиджака. Я барин, я *боер*, а они простые люди...»⁷¹.

В первые праздничные дни нового года замерзает на улице старик Пахомка в рассказе *Пахомка-нищий*⁷². Автор с суровой реалистичностью передает историю «окончательной гибели Пахомкиного деревенского хозяйства и его превращения из Пахома-хлебопашца в бесприютного оборванного Пахомку-нищего».

Из-за бедности вынужден служить сторожем сельской церкви старик Харитон (*Сельский сторож*)⁷³.

В рассказе *Несчастные*⁷⁴ несут свою долю в нищете и скитаниях всеми гонимые цыгане: «Несчастных согнали с места их временной стоянки. Да еще как безжалостно согнали! И велик и мал швырял в них все, что ни попадалось на пути, посылая по их адресу проклятья и самую отборную ругань разнообразного лексикона молдавских ругательных слов... Идите к черту, проклятые *шорои* (вороны –И. И.), душегубцы и воры!!»⁷⁵. Но главная человеческая трагедия – в оскудении души: погубил своего сына цыган Муонаш, сделал одинокой и несчастной старуху Кицу: «Муонаш со своим табором продолжает влачить свое жалкое бесприютное существование. Самоубийство Думитракия не опечалило ни его, ни других членов табора...»⁷⁶.

Отметим, что наряду с остросоциальной тематикой, в творчестве писателя нашлось место также и произведениям в жанре этнографических зарисовок. В художественном очерке *Наброски бессарабской жизни. Сельские мотивы*⁷⁷ лирично и выразительно

---

⁷⁰ *БВ*, 1892, № 790–793.

⁷¹ Суручан Д. *Сумасшедший Ройбу*. В: *БВ*, 1892, №791, с. 2–3.

⁷² Суручан Д. *Пахомка-нищий*. В: *НТ*, 1888, № 4290, с. 1.

⁷³ Суручан Д. *Сельский сторож*. В: *БВ*, 1892, №798, с. 2.

⁷⁴ Суручан Д. Д. *Несчастные*. В: *БВ*, 1892, №756, с. 2–3.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Суручан Д. *Наброски бессарабской жизни*. В: *БВ*, 1890, №212, с. 2.

описывается народный праздник русалок – «сербаторя русалилор». «Среди бессарабских селян», – пишет Д. Суручан, – «и по сие время сохранилось поверье в существование злых духов, имеющих женский образ и носящих наименование *русалии*. Суеверные лица убеждены в том, что русалки очень мстительны. Кто не будет в дни их праздника в честь их пить и веселиться, а будет работать в своем и чужом хозяйстве, на того русалии могут сильно рассердиться и, в отмщение за ослушание, отнять у непокорного разум, говоря проще, с ума свести»⁷⁸.

В литературном наследии Д. Суручана также есть уникальные для нас очерки-исследования этнографической направленности. Он собирал и тщательно анализировал основные характеристики календарных народных обычаев, как, например, в тематических номерах газеты *БВ*, связанные с празднованием Нового года, Пасхи и т. д. Вместе с тем, автор сопровождает их комментариями социального характера, в которых заостряет внимание читателей на жизненных невзгодах, вековой имущественной зависимости крестьян: «Много, очень много трудится изо дня в день, не разгибая спины, сельский молдаванин, вот почему наступление одного из больших годовых праздников является для него особенно важным событием»⁷⁹.

Художественная проза Д. Д. Суручана написана в строго объективной, реалистичной манере, в некоторых моментах тяготеющей к натурализму. Его рассказ, сохраняющий во многом верность жизненным фактам, близок к очерку, в котором писатель стремился к объективному, точному и беспристрастному изображению реальности, быта и человеческого характера.

К сожалению, традиция подписывать свои сочинения псевдонимами, распространенная в XIX веке в периодической печати, лишила нас возможности узнать подлинные имена многих одаренных литераторов, публиковавшихся на страницах бессарабских газет. Различным сторонам бессарабской действительности посвящены рассказы неизвестного автора, скрывающегося под псевдонимом Бессарабец. В рассказе *В припрутских камышах. Из недалекого прошлого*⁸⁰ автор пересказал для нас одну из настоящих историй «беспаспортной голытьбы», которой «кишела в то время придунайская Бессарабия». Атаман рыбацкой артели Иван Антонович – «бадя Иван» приютил сбежавших от «боера» влюбленных Петро и Наталицу, но парень оказался грабителем и убийцей, а старый атаман поплатился за свою доброту жизнью: «Обоих их повесили в один и тот же день на косе; трупы их были зарыты там же, а виселицы долго оставались не снятыми в

---

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Суручан Д. *Встреча Нового года у молдаван Бессарабии*. В: *БВ*, 1891, №389, с. 4.

⁸⁰ Бессарабец. *В припрутских камышах. Из недалекого прошлого*. В: *БВ*, 1889, № 82, с 2–3.

назидание бродягам и перекатной голи, работавшим на пристанях, рыбачившим по Дунаю и плававшим на судах и суденышках по великой исторической реке, на берегах которой и в водах пролито, как говорят столько человеческой крови, что можно было до краев напитать ее ложе»⁸¹.

Ироничная и поучительная история, похожая на притчу, представлена в другом рассказе Бессарабца – *Две семьи*⁸², история, случившаяся в «довольно мерзкой деревушке, беспорядочно разбросанной по обрывистому берегу Днестра». Жили по соседству две молодые семьи – люди и аисты. Афтений Рошко без памяти любил свою Докицу и «был ревнив, как венецианский мавр», и «по несколько раз в день наведывался с поля, в надежде уличить свою неверную, как казалось ему, супругу». Аист же напротив «доверчиво смотрел вслед своей длинноносой половине, когда она улетала на другой берег Днестра, в зеленые камыши, и нимало не тревожился, если она долго была в отсутствии». Попавшее в аистиное гнездо, по глупой шалости мальчишки, гусиное яйцо могло послужить поводом для трагедии, но проявленная в этой ситуации мудрость птицы послужила уроком человеку: «Птицы рассуждали, пришли к заключению, что повод вздорный, и распорядились с ним как следует, а человек, не имея под руками факта, сочинил его в своем воображении, и чуть было не выбросил за борт собственного счастья»⁸³.

Богатый поэтической образностью стиль отличает прозаические сочинения местного литератора – Петра Бакалейника. Даже его короткие рассказы-зарисовки точно передают атмосферу и колорит эпохи (например, рассказ *Страшная месть*⁸⁴). В *БВ* опубликован роман П. Бакалейника *Обыкновенная история*⁸⁵, повествующий о нравах бессарабских помещиков.

Мимолетная и пронзительно грустная история любви открывается нам в рассказе анонимного автора *Под плакучими ивами*⁸⁶. Сюжет создан на базе реального исторического события – восстания Тудора Владимиреску 1821 года, но написан он преимущественно в романтической манере, отсюда – стремление как можно точнее передать национальный колорит эпохи, в рассказе много молдавской лексики, этнографических описаний и реальных топонимических привязок. Чтобы подчеркнуть историзм повествования автор дает два подзаголовка: «Исторический рассказ, дойна», и «Из молдавского быта». Романтический герой – *пандур*⁸⁷ Стефан Донаро, лейтенант в повстанческой армии

---

⁸¹ Там же.

⁸² Бессарабец. *Две семьи*. В: *БВ*, 1890, № 266, с. 3.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Бакалейник П. *Страшная месть*. В: *БВ*, 1892, с. 2–3.

⁸⁵ Бакалейник П. *Обыкновенная история*. В: *БВ*, 1892, № 800, 804, 810, 846, 851, 852, 854.

⁸⁶ *Под плакучими ивами*. (без подписи). В: *БВ*, 1893, № 963, 969, 970.

⁸⁷ *Пандур* (здесь) – солдат-повстанец из войск Тудора Владимиреску; разбойник, гайдук.

Владимиреску взбунтовался против жестокого начальника и был сурово казнен им, а его храбрая возлюбленная Жанна, которая «пожертвовала всем» и пошла за ним в армию, переодевшись юношей, умерла от горя. Повествование ведется от лица старого *моше* Джианта, колоритное описание которого необычайно украшает рассказ: «его *фустанелла*⁸⁸ сделана из белого холста и лучше вышита, чем у других чабанов. Но что за находка для художественной кисти это типичное лицо старика! Эти длинные, мягкие седые усы *пандура*; брови, нависшие над прекрасными глазами, сверкающими и глубокими; седые волосы, обрамляющие дышащее здоровьем старческое лицо и падающие из-под широкополой шляпы черного фетра, его *кожжок*⁸⁹ из овечьей шкуры, украшенный цветами, сделанными из раскрашенной кожи; его опрятные *опинчи*⁹⁰, доходящие до колен и стягивающие возле икры белые холщовые панталоны, – все это, взятое вместе, придает что-то чрезвычайно живописное фигуре старика»⁹¹. Примечательно, что и этот неизвестный нам автор обильно использует молдавские слова в тексте без перевода, безусловно служит как лексический прием дополнительной национальной аутентичности, а также характеризует читательскую аудиторию *БВ* как подготовленную к восприятию данного типа художественной коммуникации.

Вслед за А. С. Пушкиным, рассказом *Кирджали*⁹² обращается к той же исторической легенде о молдавском разбойнике Кирджали литератор, подписавшийся инициалами О. В. «Кирджали в народе молдавском слывет за одного из самых отважных и романических разбойников... Командуя *пандурами*, самыми отчаянными удалцами он пресыщался долго в крови своих заклятых врагов, сражавшихся против него целыми армиями»⁹³. С небольшими разночтениями, сюжетная основа этих произведений одинакова, принципиально разные методы воплощения. Рассказ неизвестного автора воплощает историческую легенду не в реалистическом каноне (как использовал ее Пушкин), а сквозь романтическую призму и, как положено, с некоторыми историческими неточностями.

Грустная и веселая одновременно история происходит в бессарабском местечке Теленешты с молодыми влюбленными Гаврилой и Палашкой в рассказе *Свадьба по заказу*⁹⁴, подписанном Поли Былина. Против свадьбы этой сама жизнь: Гаврилу забирают в солдаты на долгие четыре года, и родители с обеих сторон против этой свадьбы. Второпях, невзирая на сопротивление дочери, отец засватал Палашку за Иона – «богатого, и вдобавок

---

⁸⁸ *Фустэ* (рум. fustă) – юбка.

⁸⁹ *Кожжок* (рум. cojoc) – кожух, овчинный тулуп.

⁹⁰ *Опинчи* (рум. opinci) – лапти.

⁹¹ *БВ*, № 963, с. 3.

⁹² *БВ*, 1890, № 343, 346.

⁹³ Там же, № 343, с. 2.

⁹⁴ Поли Былина. *Свадьба по заказу*. В: *БВ*, 1892, № 907, 908, 909, 910, 915.

сироту». Но вернувшийся неожиданно Гаврила расстроил свадьбу, «забрав из-под венца свою Палашку». А чтобы не пропала заготовленное на свадебный пир Гаврилой добро ему срочно подыскали другую невесту: «На другой день отпраздновали две свадьбы: Гаврилы с Палашкой и Иона с Параскивой. Первая свадьба была тихая при очень малом количестве гостей и без цыган, музыкантов, которых заранее договорил Ион. Вторая же отличалась всем этим; все гости получили очень хорошие калачи с шерстяными, шелковыми и ситцевыми платками, смотря по достоинству и почетности гостей»⁹⁵. Интересно, что развязка этой романтической коллизии дана автором реалистично и по-будничному сурово: скоропалительный брак, слепленный односельчанами, «чтобы не пропало добро, оказался прочным и счастливым – экстренная, буквально по заказу, свадьба принесла счастливое сожителство. Жизнь же главных героев, Гаврилы и Палашки, не была хороша, хотя они и любили друг друга». Многочисленная родня Гаврилы буквально сживала Палашку со света, «через два года после свадьбы ее нельзя было узнать: от красивой здоровой девушки осталась одна тень»⁹⁶.

В основе рассказов Н. П. Жигарина-Милецкого также лежат местные бессарабские предания. В рассказе *Обманный – «Обманным»* зовется курган, который велел насыпать отец, старый Ион, как надгробие на месте гибели дочери. В послушание отцу юная дочь, чтобы соединить свою судьбу с возлюбленным молодым греком, ночью убежала из дому в лодке по реке. За ними устремляется погоня. И вот на глазах у старика отца «грек встал, взял в руки *панну*⁹⁷ и вместе с нею в воду ринулся». Всю ночь искали утопленников, но не нашли, «и велел курган на том месте насыпать, руками велел землю носить»⁹⁸. Однако оказалось, что дочь осталась жива, через некоторое время она прислала о себе весточку. С той поры и называют этот курган «Обманным».

С установкой на определенную историческую достоверность написано другое произведение Жигарина-Милецкого *Простил ли он?*, рассказывающее печальную историю местного разбойника Ионаша Слепого. Сын богатого и уважаемого хуторянина Ион, «краше и работающей которого не было не то, что в выселке, а и в самих Кицканах» любил красавицу Анику, дочь бедного *резеша*⁹⁹, и собирался играть свадьбу. Однако на пути их счастья встал похотливый боярин, совращавший девушку. Ион не стерпел, повздорил с

---

⁹⁵ Там же, № 908, с.3.

⁹⁶ Там же, № 915, с. 2.

⁹⁷ *Панна* (пол. *panna*) – используется в тексте в отношении незамужней женщины.

⁹⁸ Жигарин-Милецкий Н. П. *Обманный*. В: *БВ*, 1890, № 781, с. 2–3.

⁹⁹ *Резеш* – на территории Молдовы – мелкий землевладелец, который владел сообща землей, зная лишь свою долю в неразделенной собственности (долевое землевладение).

боярином, а тот отомстил, записал его в *скутельники*¹⁰⁰: «Собрался парень в Кишинев на боярина жаловаться, месяц целый промаялся, да не нашел суда он на него. Волен де боярин *бирников*¹⁰¹ в *скутельники* записывать»¹⁰². Не смирился Ион с унижением, «тлела в парне тоска да злоба, искры лишь дожидаячись, да и дождалась»¹⁰³: убил он управляющего, сжег боярскую усадьбу, а затем сколотил шайку разбойников и стал грабить боярские дворы. Лишь на похороны родителей вернулся Ионаш в родные места, а там вскоре был схвачен, «нашелся видно охотник, что на 200 левов польстился и дал знать в Бендеры». Попытка лишить себя жизни, но умер не сразу. В больнице, куда доставили умирающего разбойника произошла последняя встреча влюбленных. Аника, ставшая женой боярина не сделалась от этого счастливой, отчаянно просила она прощения за измену, но умер у нее на руках Ионаш, оставив ее с вопросом – «Простил ли он?»¹⁰⁴.

На страницах *БВ* дебютировал в качестве публициста Александр Иванович Яцимирский (1873–1925) – уроженец бессарабского села Байрамча Аккерманского уезда. Сын сельского учителя, А. Яцимирский получил образование в кишиневской гимназии, а затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Девятнадцатилетним гимназистом он опубликовал в *Фельетоне БВ* цикл историко-этнографических очерков «Древности по берегам Днестра». С небольшими интервалами эта познавательная серия в девять статей публиковалась в газете полтора года¹⁰⁵. «Эти публикации – не только дебют одаренного юноши на страницах местной периодической печати: они ознаменовали начало его интенсивной научной деятельности, связанной с изучением родного края» [Коваль 1985, 97]. Яцимирский в своих описаниях приднестровских исторических памятников, содержащих исторические, экономические и географические сведения, опирался на исторические работы А. Афанасьева-Чужбинского, Алексея Накко и Константина Стамати-Чуря.

Во время учебы в Московском университете Яцимирский продолжает свое сотрудничество с *БВ* и публикует два фольклорно-этнографических очерка под названием «Живая старина бессарабских молдаван». Молодой исследователь включил в очерки также

---

¹⁰⁰ *Скутельники* – на территории Молдовы – крестьяне, освобожденные от централизованной ренты в пользу частной.

¹⁰¹ *Бирники* – на территории Молдовы – крестьяне платящие централизованную ренту.

¹⁰² Там же, с. 3.

¹⁰³ Жигарин-Милецкий Н. П. *Простил ли он?* В: *БВ*, 1891, № 267, с. 2–3.

¹⁰⁴ Там же, с. 3.

¹⁰⁵ Яцимирский А. И.: 1. *Генуэзская цитадель в г. Сороках*. В: *БВ*, 1892, № 934; 2. *Дворец Потоцких в г. Могилеве*. 3. *Памятник гетману Жолкевскому*, 1892, № 936; 4. *Остатки лагеря Карла XII в селе Варница*, 1893, № 949; 5. *Бакирева пещера в г. Сороках*, 1893, № 958; 6. *Лядовская скальная церковь*, 1893, № 968; 7. *Остатки скального монастыря в с. Роги*, 1893, № 1017; 9. *Нагорянские пещеры*, 1894, № 1123, 1124.

народные поверья и суеверия, а также стихотворный календарь работ, «которые исполняются молдаванином в известный месяц». Первый очерк он заканчивает своего рода воззванием: «Настоящий небольшой очерк должен служить введением к тем работам по этнографии бессарабских молдаван, которые будут помещаться на страницах нашей газеты. Было бы весьма желательно, чтобы работы наши были оживляемы записями других лиц, интересующимися народными произведениями и имеющих возможность записывать такие произведения из уст бессарабских молдаван-поселян возможно фонетически т. е. с соблюдением всех особенностей и оттенков народного произношения»¹⁰⁶. В «собраниях народных произведений» Яцимирский пересказывает народные песни, записанные «со слов простого певца, молдаванина», рассказы про разбойников, замечая, что существует целый цикл рассказов «самых интересных, самых красивых, пропитанных теплотой, сочувствием рассказчика». Он также приводит (в авторской фонетической транскрипции с последующим переводом) пожелания-тосты, произносимые за стаканом с вином: «С полным стаканом встает старик-хозяин и говорит:

Норок ши букурие,
Чине бя войник с фие!
Чине н-бя, ши н-а мынка,
Келя пе ел с-а уска!:

«Счастья и веселья! Кто пьет – да будет молодцом! А кто не пьет, тот пусть и не ест, и пусть на нем высохнет кожа!».¹⁰⁷ В качестве национальных характеристик он приводит традиционные народные пожелания молдаван (в авторской транскрипции), характеризующие саму сущность народного национального характера, т. к. фольклор каждого народа уникален своей самобытностью и много говорит о менталитете его выразителей. С этой точки зрения любопытно, «весело, задорно и красиво» следующее пожелание:

«Норок ши бань
Ши моарте ын жидань!
Болнавире ын чёкой,
Щи сънътате ын ной!
Щи сэ ынмулцим ка челе фурничь!
Амин ши ун пъхар де вин,
Фие ши де апэ, нумай сэ фие ын грабэ!» т. е., – переводит Яцимирский:

---

¹⁰⁶ Яцимирский А. Я. *Живая старина бессарабских молдаван*. В: *БВ*, 1896, № 65, с.2–3.

¹⁰⁷ Там же, с. 3.

«Счастья и денег и смерть евреям! Богачам – болезнь, а нам – здоровье! А мы будем жить здесь и размножаться как муравьи! Аминь и стакан вина! Пусть – хоть из воды, да только бы поскорей!»¹⁰⁸.

Художественная проза Павла Крушевана (1860–1909), образец который также должен быть рассмотрен в представленном ряду местных литераторов, рисующих яркие картины бессарабской действительности, оказалась за рамками восприятия современных исследователей.

П. Крушеван довольно рано начал заниматься литературной деятельностью. Вначале он писал стихи. Подписывался несколькими псевдонимами: Администрация цирка Щелкунчик, Бука, Буч, Генерал Щелкунчиков Бука, Дон-Букио, Немирович-Вральченко, Русский Чириков, автор пьесы «Русские», Слобе Тротен, Нота-Бене. Был бойким журналистом и литератором различных газет. С 1896 г. Крушеван сотрудничает с газетой *Бессарабский Вестник*, где публикует рассказы и художественные очерки.

В литературном наследии Павла Крушевана есть значительная часть произведений, написанных на бессарабскую тематику, сочетающих в себе пронзительную символическую поэтику с этнографически достоверными описаниями местной реальности. Такие рассказы и повести – настоящие украшения его малой прозы, в остальной своей части перенасыщенной публицистической патетикой. Крушеван пронес через всю свою творческую жизнь патриотический пафос преданности родному краю, он был верным служителем своих идеалов, считая себя интеллигентом «настоящего закала», а не «сюртучным бессарабским интеллигентом, культурная шлифовка которого началась в австрийском шинке, а закончилась в венском ландо, полученном в обмен на бессарабскую банатку и гирку» [Крушеван 1901].

Необходимо отметить, что Крушеван-беллетрист – достаточно заметный автор в литературе своего времени. К моменту сотрудничества с местной прессой он уже был признанным писателем [Ижболдина 2010, 62–65]. Помимо многочисленных рассказов и очерков, он автор нескольких романов, довольно хорошо известных в свою эпоху. Его роман «Миллионы», например, спровоцировал большой скандал в бессарабском обществе, т. к. некоторые персонажи были идентифицированы современниками, а многие описанные в романе факты совпадали с реальными случаями. Это произведение сильно повлияло на Константина Стере при написании им романа «Накануне революции» [Colesnic 2000, 34].

Творческое наследие писателя довольно разнообразно в тематическом диапазоне. У Крушевана реалистические в «формах жизни» произведения, в которых он полный хозяин

---

¹⁰⁸ Там же, с. 3.

и детерминист, носят печать натурализма и символизма. Черты натурализма проявляются в подходе к отбору и обобщению жизненного материала, символизм – в художественной образности. Тяготение Крушевана к изображению экстремальных состояний, которое является отличительной характеристикой абсолютного большинства представленных авторов – не только дань времени, а, в первую очередь, активная гражданская позиция литератора, работающего в газетном формате. Яркими примерами могут служить его рассказы *Волки* и *Охота на волков* (1897) [Ижболдина 2007, 161–165].

Творчество Крушевана в целом подразумевает остросоциальный аспект в выборе тем и способах подачи материала, ведь он принадлежал к числу литераторов, тесно связанных с газетным делом и газетами, – характерной чертой которых, как указывал Г. М. Фридлиндер, было то, что они работали с сознательным учетом «злобы дня» и интересов широкой публики, – пишущих свои статьи в хлесткой, остроумной манере [Фридлиндер 2002, 23].

Малая проза П. Крушевана в той или иной степени эссеистична и отражает целостно воспринимаемую художественную картину бытия, в которой начала собственно эстетические легко соединяются с публицистическими и философскими. В таком жанре легче реализуется задача автора – обозначить волнующие вопросы, обрисовать социальные проблемы: взяточничество (*Бакишии*), сутяжничество (*Буклук*), пьянство (*Traje, mei*), и т. п. Это – миниатюры, в которых писатель рисует натуралистичные остросоциальные картины из жизни обездоленных. Например, краткое повествование, где случай стремительно оборвал эфемерную жизнь маленькой Катьки (*Катькина доля*), превратившуюся в «маленький гнилой трупик» [Ижболдина 2012, 91–103].

В *БВ* опубликован рассказ П. Крушевана *Индюки*¹⁰⁹, один из лучших рассказов данной тематики, представляющий собой красочную сатиру на бессарабских помещиков. В центре повествования нелепая в своей напыщенности фигура *кукону* Танасаки¹¹⁰, который баллотируется в члены управы. Гротесковой фигуре помещика Танасаки, лично откармливающего индюков в своем поместье, противопоставляется помещик новой формации Константин Иванович: «В красной феске, с длинным носом, отвислыми щеками и морщинистым кадыком он сам (Танасаки) в эту минуту очень напоминал индейского петуха» – «Бритый, с золотым *pinse-nez* на орлином носу, с гладко причесанными седыми волосами, в темном костюме с иголки, он (Константин Иванович) не имел ничего общего с бессарабским степняком – помещиком доброго старого времени»¹¹¹. Уродлив в своей

¹⁰⁹ Крушеван П. *Индюки*. В: *БВ*, 1896, № 150, 152, 153, с. 2–3.

¹¹⁰ *Кукону* (рум. вежливое обращение: *cusonul*) – господин.

¹¹¹ Там же, № 150, с. 3.

глупой комичности сам *кукону Танасаки*, его жена *кукона Иринуца*, «такая же маленькая как и *кукону Танасаки*, пухленькая, с темной наколкой на светлых волосах, с деловитым озабоченным выражением на строгом лице»¹¹², три его дочери – *бессарабские дудуки*¹¹³, которым бойкая гувернантка придавала французскую шлифовку. Чтобы потрафить *кукону Костаки*, перед которым *Танасаки* пребывал в раболепном восхищении он две недели терзал несколько индюков, пичкая их грецкими орехами. Здесь необходимо отметить, что автор для усиления образности не только активно использует иноязычную лексику в русской фонетической транскрипции (молдавскую, французскую), но и в прямой речи некоторых вовсе переходит на макаронический язык:

«– Июнь, *мадама*? Эй, *спуне*!

– *Oui? Monsieur, une.*

– *Кескеву?*

– *J'ai di-une, monsieur!* – Вскрикивала француженка, заливаясь смехом.

– *А, вуй, вуй!.. Держи крепче, старая ворона, чего клюв разинул!* – Напускался *кукону Танасаки* на *Григораша*.

– *А теперь? Камр? Кескеву?*

– *Oui, monsieur, quatre*»¹¹⁴.

Однако, индюки, посланные с надеждой и почтением *кукону Костаки*, по дороге протухли и вызвали совершенно обратную реакцию, что сослужило плохую службу дарителю. Вместо того, чтобы с почетом, на посрамление кровному врагу *кукону Йордаки*, выиграть выборы в члены управы, *Танасаки* был прилюдно посрамлен так страстно обожаемым им *Константином Ивановичем* «Ах, проклятые индюки!», – иронично резюмирует автор.

Несколькими годами ранее, но примерно в это же время (1891), в *БВ* публикуется рассказ *Ольги Накко Кир Христо и Кир Янаки*¹¹⁵, продолжающий галерею созданных местными литераторами художественных образов, отражающих национальный характер. Это – типичное литературное произведение «из бессарабской жизни» в местной периодической печати. «Эскиз из бессарабской старины» (таково подзаглавие произведения) очерчивает круг социальных проблем. Гипертрофия жадности и скупердяйства, беспощадно разрушающие их человеческую личность, показана здесь особенно наглядно и занимает центральное место в рассказе.

---

¹¹² Там же.

¹¹³ *Дудука* (рум. обращение: *duducă*) – барышня из высшего общества.

¹¹⁴ Крушеван П. *Индюки*. В: *БВ*, 1896, № 153, с. 2–3.

¹¹⁵ *Кир* (рум. *chir* из греч. *kyrios*) – господин.

О дальнейшем развитии событий можно догадаться с самого начала повествования. «Кир Янаки и Кир Христо, – пишет О. Накко, – были большие приятели, даже друзья, и вместе с тем соперники. <...> Жили приятели всегда где-нибудь по соседству один от другого, сперва в качестве батраков у богатых патронов-соотечественников (т. е. у бессарабских греков), потом – кабатчиков, затем – *посессоров*¹¹⁶ и, наконец, – помещиков»¹¹⁷. И, странно, «по мере того как они богатели, дружба их искренне переходила иногда в лицемерную, каждая лишняя сотня рублей у одного была источником зависти и досады у другого». Соперничали они в наживе, соперничали и в экономии, вернее, в скупости и жадности. Каждую копейку, затраченную «непроизводительно», Кир Христо считал «преступлением». Чувство прекрасного глубоко запрятано и затерто в нем сначала бедностью, затем заботами о наживе. Однако это чувство пробуждается каждый раз, когда Христо бывает у соседа – помещика Негрели. Богатство для обоих «приятелей» – самоцель; денег они не тратят, богатством не пользуются, считая это мотовством, а наслаждаются одною мыслью, что они богаты, ни в ком никогда не нуждаются, не боятся, что их имущества сегодня или завтра могут отобрать за долги.

После смерти единственного друга-соперника Христо, Кир Янаки делает основной «целью своей жизни разорить семейство Негрели, он стремится к заветной цели с завидным упорством, замечательной энергией и искусством»¹¹⁸. И все это совершает просто так, от скуки и одиночества, для него это просто «развлечение». Беспощадность «умного грека» Кира Янаки доведена автором до предела, он стремительно движется к намеченной цели, во всем следуя закону джунглей: люди глупые, неспособные, гордящиеся своей роскошью и вдобавок чванные (а таковым в глазах Янаки является как раз Негрели), чем скорее «выбрасываются из общества», тем лучше. Благодаря его интригам и козням помещик Негрели разорен, «хитрый грек» становится обладателем нарядных комнат его жилища. Заветная цель достигнута, но Янаки, вместо удовлетворения, сладострастия и торжества победителя, вдруг начинает чувствовать себя полностью опустошенным, полное одиночество опять становится для него страшной реальностью. «Ум его, в продолжение многих лет направленный в одну сторону, устремленный и одну-единственную цель – наживание денег, теперь, по достижении этой цели, как будто потерял способность мыслить, очутившись в совершенной пустоте. Приступы разочарования овладели душой старика, особенно при воспоминании о Христо»¹¹⁹. Смерть друга так наглядно выяснила ему

---

¹¹⁶ *Посессор* (лат. Possessor – владелец) – здесь: арендатор земельного участка.

¹¹⁷ Накко О. *Кир Христо и кир Янаки*. В: *БВ*, № 620, 1894, с. 3.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

ничтожество человека и суету сует его стремления к наживе. Слово «старик», выражающее отношение автора к Янаки просто как к человеку и показывающее изменившуюся нравственную оценку данного персонажа, особенно выделяется на общем негативном фоне изображения внешнего облика Янаки (Христо – тоже), в основном – шаржированного.

В рассказе *Кир Христо и Кир Янаки* писательница создает образ бессарабского Гобсека, Скупого Рыцаря и т. д., каким является по своей сущности Янаки: она заставляет его признаться в очевидном крахе своего идеала, в своем поражении как личности. Такой финал пребывания «героя» на земле вполне правдоподобен как с точки зрения художественной, так и жизненной. Однако финал рассказа типично схематизирован: от скуки и одиночества Кир Янаки заинтересовался своими четырьмя детьми, которых он прижил со своей сожительницей-служанкой Аникой, но о которых в самом тексте до сих пор ничего не говорилось. С этого момента весь смысл существования Янаки уходит в заботу о них. Но это еще не все – иначе О. Накко перестала бы быть верной самой себе, своему излюбленному способу решать сложные жизненные проблемы. «Мальчики, – говорит она о сыновьях Кира Янаки, – получили порядочное по тому времени образование, отличные хозяева, богатые помещики, всеми уважаемые»¹²⁰. Прохирица сделала прекрасную партию, от нее осталось многочисленное потомство, образованных, богатых людей. Таким образом, не пропали даром кропотливые в своем роде самоотверженные труды двух греков, положивших свою жизнь на сооружение капитала, сделавшегося источником благосостояния многих семейств высшего бессарабского общества.

2.5. Выводы и результаты второй главы

Во второй главе, рассматривая «Специфику бессарабской тематики в произведениях О. Накко и других местных авторов», мы пришли к следующим выводам и результатам.

1) В результате периферийности культурной и литературной жизни Бессарабии роль периодической печати в культурном комплексе бессарабской жизни была достаточно значимой, поскольку на страницах газет (исключительно на русском языке) регулярно появляются публикации местной художественной прозы, позволяющей поддерживать непрерывное развитие литературы – литературный процесс.

2) Рассматривая специфику бессарабской тематики в произведениях местных литераторов в сопоставительном контексте, мы очертили особенности литературного процесса данного периода в России, который охарактеризован как время бурного развития

---

¹²⁰ Накко О. *Кир Христо и кир Янаки*. В: *БВ*, № 620, 1894, с. 3.

издательской деятельности, связанный с особенностями политической и социальной жизни. Было отмечено, что идеология народничества, хотя и пошла на убыль, все же имела большое влияние в культурной среде. Значительным явлением в духовной жизни русского общества стало «толстовство», что обуславливало характер литературы, которая благодаря выдвижению общественной функции получила возможности просветительской деятельности, что выводило периодические издания в авангард литературных движений. В России таковыми были литературные журналы.

Рассматривая специфику бессарабской тематики в произведениях местных литераторов в сопоставительном контексте, мы очертили особенности литературного процесса также в Румынии, где периодическая печать в означенный период находилась в процессе активного развития и была достаточно обширной и разноплановой не только в политической, но и в общественной, культурной и литературной областях, активно участвовала в создании национальной румынской литературы и развитии литературного языка. Значительную роль в этом «литературоформирующем» механизме сыграли газеты. Однако в работе мы оговариваем тот факт, что весь масштабный потенциал румынской прессы был в основной своей массе недоступен читателю Бессарабии в связи с запретом его распространения на территории Бессарабии.

3) Периодические издания в Бессарабии появились позже, чем в соседних губерниях России, позже, чем в Румынии. Первая частная газета Бессарабии – *Бессарабский Вестник* – была демократическим изданием и стремилась к широкому освещению экономики и культуры края, вносила значительный вклад в культурно-просветительскую сферу бессарабской жизни. Такие газеты, как *Бессарабский Вестник*, *Новороссийский Телеграф* становятся в этот период в Бессарабии единственным полем литературной жизни и настоящей ареной для утверждения жанров малой прозы в местной литературе. На страницах этих газет состоялись литературные дебюты, а иногда полностью помещалось литературное творчество одаренных бессарабских авторов. Здесь же было опубликовано большинство произведений Ольги Накко. На протяжении всего периода существования газеты *Бессарабский Вестник* на ее страницах, в литературной разделе, называвшемся *Фельетон Бессарабского Вестника*, регулярно публиковались репортажи и заметки, повести и новеллы, очерки истории края. Большинство авторов также публиковались в одесской газете *Новороссийский Телеграф* – самой крупной и распространенной газете на юге Российской империи. Здесь рассказом «Бессарабские былины» (1887) состоялся литературный дебют Ольги Накко.

4) В представленной характеристике газетных изданий в аспекте нашего исследования значимым оценочным критерием явилось создание прочной литературной

платформы, которая позволила развиваться художественной литературе, преимущественно в жанрах малой прозы, как важному явлению в культурной жизни своего времени. Местный литературный процесс формировался на страницах *БВ* и *НТ* определенной группой бессарабских литераторов: поэтов, прозаиков и публицистов, среди которых выделялись авторы, создававшие оригинальные сюжеты на основе местной бессарабской действительности, оставившие яркий след в истории русской литературы Бессарабии, литературы Молдовы в целом. В прозе это – О. Накко, В. Малиновский, Д. Суручан, П. Крушеван, П. Бакалейник и др.

Изучение бессарабской тематики в произведениях О. Накко и других местных авторов мы провели в сопоставительном контексте с процессами в румынской национальной литературе, где социальный пафос, патриотизм, широкое использование фольклора – все эти составляющие состояли в основе лучших образцов румынской литературы, широко разрабатывающей тематику отображения этнонациональной и социальной специфики современной действительности

Рассматривая русскую литературу Бессарабии мы, помимо О. Накко, включаем в контекст исследования также других авторов, в произведениях которых тематика бессарабской действительности является ведущей. Специфика жанровой системы, язык, стиль, поэтика которых представляет яркие картины бессарабской жизни. Конфликты в произведениях местных литераторов, отражающие реалистическое картину бессарабского мира, рождены особым социально-историческим контекстом, сложившимся на протяжении XIX столетия в регионе.

Анализируя специфику бессарабской тематики в произведениях местных авторов мы старались отчасти решить также проблему безызвестности ряда бессарабских писателей данного периода. В настоящей главе даны краткие характеристики образной системы произведений наиболее значимых в контексте нашей темы представителей этой литературы. В представленном обзоре художественной прозы бессарабской периодической печати конца XIX – начала XX вв. мы обращаем особое внимание на этнокультурную ценность рассмотренной литературы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема художественного восприятия бессарабской тематики в произведениях О. Накко и других местных авторов проявляется через особенности жанровой системы, язык, стиль, поэтику произведений, представляющих яркие образы бессарабской жизни. Конфликты в произведениях местных литераторов воссоздают реалистически достоверную своей эпохи – картину бессарабского мира. В художественных очерках бессарабским писателям удавалось репрезентировать культурное пространство Бессарабии так, что русская литература получила не просто

тексты, осложненные наличием этнокультурных элементов, а своего рода особый литературный факт культурного явления. Галерея созданных художественных образов – дань эпохе, но в основе каждого – национальный характер. Все они в своей совокупности составляют особенности национальной культуры Бессарабии конца XIX столетия. Данная литературная формация художественной прозы бессарабской периодической печати конца XIX – начала XX вв. служила социальным инструментом, оказавшим определенное влияние на становление и развитие социокультурного дискурса своего времени как в Бессарабии, так и в России в целом. Следовательно, мы можем заключить, что этнокультурная функция бессарабской тематики определяется коммуникативным потенциалом художественной прозы бессарабской периодической печати как социально ориентированной художественной литературы соотнесенно с проанализированными здесь функциональными особенностями и художественными средствами: спецификой жанровой системы, особенностями языка, стиля и поэтики.

3. ПРОЗА ОЛЬГИ НАККО, И ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ БЕССАРАБСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

3.1. Степень разработанности проблемы и материалы третьей главы

В процессе работы над данной темой, занимаясь изучением прозы Ольги Накко, при полном отсутствии биографического и текстового материала, нам пришлось исследовать фонды библиотек и архивов Кишинева, Бухареста и Ясс (Румыния), Одессы и Измаила (Украина), Москвы и Санкт-Петербурга (Россия). Поиски в румынских архивах и библиотеках (Biblioteca Academiei Române, Arhivele Nationale ale Romaniei (București), Arhivele Nationale, Iasi) показали, что каких-либо материалов (документальных или текстовых) об Ольги Накко там не содержится. Измаильский архив (Ізмаїльський Архів, Комунальна Установа) также не хранил никаких документов, относящихся напрямую к нашей теме, тем не менее, мы нашли некоторые документы в Государственном архиве Одесской области (Державний архів Одеської області, Одеса). Значительный корпус документальных и текстовых источников нам удалось найти только в Санкт-Петербурге (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга и Русский журнальный фонд Российской национальной библиотеки). В результате многолетних поисков мы получили определенную базу источников, которая и послужила основой для написания настоящей главы. В качестве основной базы источников мы применили текстовые материалы произведений О. Накко и документальные материалы, собранные в государственных архивах Санкт-Петербурга (Россия) и Одессы (Украина).

Поскольку Ольга Егоровна Накко – писатель малых жанров, все известное нам на сегодняшний день ее творческое наследие представлено в основном рассказами и художественными очерками в разных видах. Писательница начинала свою литературную жизнь как очеркистка в периодической печати Кишинева и Одессы. Она активно сотрудничала в литературных отделах газет с единой бессарабской читательской аудиторией: *Новороссийский Телеграф*, *Бессарабский Вестник*, также публиковалась иногда в газетах *Одесский Вестник*, *Одесский Листок* (чаще всего это были перепубликации из *БВ*).

Часть произведений, опубликованных в газетах, О. Накко затем собрала в сборники, которые издавала в Одессе в 1900–1913 гг. Другая часть, довольно значительная по объему (которую нам удалось найти), так и осталась до сих пор на страницах этих газет.

В процессе нашего исследования мы разрабатывали следующие текстовые материалы О. Накко.

1. Очерки и рассказы, размещенные в газете *Бессарабский Вестник* (1889–1895):

1. *Почему нет?* № 89. 2. *Приключение баде Штефана*. № 94. 3. *История одной шубы*. № 134. 4. *Семья Панчу*. № 244, 245, 248, 249, 252, 255. 5. *Приключение двух ревнивец*. № 389. 6. *Рассказчик*. № 505. 7. *В поезде*. № 532, 541. 8. *Кир Христо и кир Янаки*. № 620. 9. *Дорогой подарок*. № 1221, 1227.

2. Произведения, размещенные в газете *Новороссийский Телеграф* (1887–1897):

1. Бессарабские былины. № 3684. 2. Лишняя (*Рождественский рассказ*). № 3939. 3. *История одного клада*. № 4227. 4. *С елки*. (*Рождественский рассказ*). № 4293. 5. *Роксанда и Фехчибей*. № 4306. 6. *В Кодрах*. № 4334. 7. *Лектриса*. № 4393. 8. *Янко Лемо*. № 4398. 9. *Дудука Аглая*. № 4421, 4422, 4435, 4436. 10. *Кишинев, его физиономия и особенности*. № 4531. 11. *Братья-разбойники*. № 4541, 4543. 12. *Генеральша*. № 4583, 4585, 4614, 4620. 13. *Слово отца Порфирия*. № 4723. 14. *Детский доктор*. № 4822. 15. *Коммуналы*. № 4912, 4929, 4940, 4947, 4948. 16. *Судьба Грикины*. № 5040. 17. *Семья Кетреско*. № 5331. 18. *Флорика*. № 5494, 5508, 5514, 5521. 19. *Две матери*. № 5529, 5531, 5536. 20. *Переселенка*. № 5862, 5870. 21. *Магдалина*. № 5906, 5919. 22. *На бульваре*. № 6174. 23. *Бессарабские былины*. *Очерк*. № 6306, 6318, 6328.

3. Основную часть «бессарабских очерков и рассказов», опубликованных на страницах региональной прессы, Ольга Накко собрала в 4 отдельных сборника, которые затем были изданы в Одессе в 1900–1913 гг. В качестве основных источников мы использовали тексты, которые содержатся в следующих изданиях: 1. *Бессарабские очерки и рассказы Ольги Накко* [Накко 1900]; 2. *Рассказы* [Накко 1912]; *Рассказы*. [Накко 1911] 3. Отдельные рассказы из сборника *Бессарабские очерки и рассказы. Сцены из жизни голодавших*

поселян. (*Голубой келим; Месть примаря; Поминки дедушки Архипа*) [Накко 1913]. Данный сборник, кроме очерков и рассказов содержит повесть *Баймачаны* (текст которой был использован нами для комплексного анализа). 4. *Бессарабские очерки и рассказы*. [Накко 1913]. 5. Также мы использовали некоторые рассказы, опубликованные в сборнике очерков и рассказов О. Накко *Из бессарабской старины*, который составил А. С. Кидель [Накко 1970].

В работе над автобиографическим дискурсом О. Накко мы опирались на работы крупного литературоведа, культуролога и семиотика Ю. М. Лотмана *Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора)* [Лотман 1986].

Сопоставляя значения действий народных преданий и обрядов молдаван и болгар Бессарабии, которые стали основой ряда красивейших сюжетов О. Накко, с аналогичными процессами, описанными в румынской и европейской народной культуре, мы, в процессе работы над данной главой, также использовали труды европейских и американских исследователей в данной области. Такие, как: культурно-антропологическое эссе румынского, французского и американского философа, философа культуры, религиоведа Мирчи Элиаде «Миф о воссоединении» (*Mitul Reintegrării*) [Eliade 2003]; обширный лексикографический труд по истории религий и мифологии «Общий мифологический словарь» (*Dicționar de mitologie generală*) Виктора Кернбаха, румынского исследователя мифологии, писателя и философа [Kernbach 1983], а также фундаментальное в истории антропологии произведение «Золотая ветвь» британского социального антрополога, фольклориста, религиоведа, этнолога, историка религии, крупнейшего представителя культурной антропологии Джеймса Фрезера (James George Frazer) [Фрезер 1980] и др.

3.2. Автобиографический дискурс в творчестве О. Накко (рассказы «Из Одессы в Вознесенск», «В Ясной Поляне», «Бессарабские былины»).

В научном литературоведении, начиная с М. Сент-Бева, биографический метод истолкования литературы не раз подвергался критике за некоторую тенденциозность. Однако в нашем случае отражение в биографии особенностей личности писательницы и духовно-исторической атмосферы, традиций и влияний, безусловно, требует определенного внимания для общей концептуализации темы. Уделяя пристальное внимание всем мельчайшим деталям, составляющим предоставленное жизнеописание, нам важно понимать, что биография автора является постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений. Именно потому, что биография

писателя воспринимается не как нечто, столь же автоматически данное, а как его биологическое существование [Лотман 1992, 365–376.].

Биографические данные длинной и насыщенной жизни Ольги Накко крайне скудны и неполны, местонахождение ее личного архива до сих пор неизвестно, потому нам приходилось постепенно воссоздавать историю жизни благодаря некоторым материалам предшественников, архивным сведениям и, конечно, внимательному анализу текстов писательницы, которая с документальной точностью описывает в своих произведениях реальные события, указывает точные географические названия.

Ольга Егоровна Накко (1840–1919), в девичестве – Гурцова, родилась в Одессе в 1840 г. Отец – Георгий Александрович Гурцов был основателем одесской школы глухонемых. Всю жизнь он самозабвенно трудился на поприще народного образования, отдавая всего себя любимому делу. За заслуги на этом поприще он был возведен в чин надворного советника¹²¹.

Благодаря почетному месту, занимавшему ее отцом в обществе, Ольга была принята в Одесский институт благородных девиц «на казенный счет», который закончила с отличием в 1857 году, за что была премирована «книгой с надписью»¹²². Одесский институт благородных девиц, учрежденный в 1829 г., относился к «1-му разряду женских учебных заведений» и состоял «под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством»¹²³. Правила зачисления в институт, согласно «Общему уставу для женских учебных заведений ведомства Императрицы Марии от 30-го августа 1855 года» были следующими: «Девыцы принимаются в институт: на казенное содержание с 9-ти до 12 1/2 лет (§ 49 и 51), а *своекоштными*¹²⁴ одним годом старше и не моложе 8 лет (§ 55). Все девыцы, поступающие в институт, начиная с 10 лет, должны уметь читать и писать на русском и одном из иностранных языков (§ 56). Девыцы, имеющие физические или умственные недостатки, препятствующие успешному учению, равно одержимые хроническими болезнями не должны быть принимаемы (§ 58)»¹²⁵.

---

¹²¹ *Метрическая запись о смерти основателя Одесской школы глухонемых Георгия Александровича Гурцова*. Государственный архив Одесской области (ГАОО), фонд № 37, оп. 3-а, ед. хр. 181, л. 452 об.

¹²² *Список воспитанниц, окончивших курс в Одесском институте, со времени преобразования по уставу 1829 года, с обозначением полученных при выпуске наград: 1 Июля 1857 года*. 11. Гурцова, Ольга – Книга с надписью. В: *Краткий исторический очерк пятидесятилетия Одесского Института Благородных Девиц*. 12-й выпуск. Одесса, 1879, с. 12.

¹²³ *Краткий исторический очерк пятидесятилетия Одесского Института Благородных Девиц*. Одесса, 1879, с. 12.

¹²⁴ *Своекоштный* (находящийся на своем содержании, *коште*) – название студентов российских учебных заведений в XVIII–XIX вв., содержащих себя за свой счёт в период обучения.

¹²⁵ Там же, с. 12.

Надо отметить, что воспитательный процесс в системе образования Российской империи играл такую же важную роль, как и процесс обучения¹²⁶. Институты (пансионы) благородных девиц – закрытые женские учебные заведения, в которых «воспитывались за казенный счет» девушки привилегированных сословий. Программа преподаваемых предметов была почти сходной с программами женских гимназий, существенное отличие институтов составляло усиленное преподавание иностранных языков, и Одесский институт был в этой системе на хорошем счету. Ольга Гурцова получила одно из лучших образований, какое можно было получить женщине в Российской империи середины XIX века. Такая образовательная система уделяла значительное внимание воспитанию, которое ставилось впереди образования: «Нравственное воспитание должно основано быть на религии. Утверждая в сердцах девиц веру в Бога, упование на Его промысл, покорность Святой Его воле и христианскую любовь к ближнему, им должно, в тоже время, внушать непоколебимую преданность к Престолу, благоговейную признательность к Августейшим их покровителям и пламенную любовь к отечеству, и всеми мерами поддерживать в сердцах их привязанность и повиновение к родителям и воспитателям (§ 101). Удаляя от девиц всякий ложный блеск, могущий дать им неправильное понятие о будущем их назначении, воспитание сие, кроме общих нравственных целей, следует направлять к утверждению и укреплению в воспитанницах любви к порядку и труду, соответственно назначению их в семействе и обществе (§ 102). Воспитанницы должны знакомиться с приготовлением одежды и пищи, равно со всеми предметами домашнего хозяйства; для чего они обучаются кройке и шитью белья и платьев, занимаются на образцовых кухнях и посещают кладовые (§ 103). Общие меры и правила нравственного воспитания девиц, составляют, вместе с физическим, главнейший предмет попечения начальницы (§ 104). Образование ума и вкуса воспитанниц совершается преподаванием им наук, языков и искусств, равно обучением их рукоделиям. Сообщаемые девицам сведения по всем предметам учения дополняются собственными их упражнениями и чтением назидательных книг. (§ 105). Рукоделия изящные, и еще более хозяйственные, составляют необходимое дополнение учебного курса; но для обучения сего назначается свободное от занятий науками и искусствами время (§ 110)» [Краткий исторический очерк пятидесятилетия Одесского Института Благородных Девиц 1879, с. 11–12].

В 1854 году, в связи с военными действиями вблизи Одессы – т. е. событиями, связанными с Крымской кампанией, – институт был переведен в г. Вознесенск: «10 апреля, в 9 часов утра, в достопамятную для одесситов великую субботу (накануне праздника

---

¹²⁶ Сапрыкин Д. Л. *Образовательный потенциал Российской Империи*. М.: ИИЕТ РАН, 2009. с. 19.

Пасхи), когда англо-французский флот бомбардировал город, воспитанницы института среди грома выстрелов были вывезены из Одессы»¹²⁷. Это событие, оставившее волнующие впечатления на всю жизнь, Ольга Накко отобразила в автобиографическом рассказе «Из Одессы в Вознесенск», из которого благодаря документальной достоверности писателя, ее скрупулезному воссозданию деталей мы можем узнать много интересных подробностей о правилах и обычаях, а также о нравах и событиях, происходивших в институте.

Здесь необходимо отметить, что все биографические рассказы О. Накко написаны в жанре художественной или «беллетризованной» биографии (*biografie romances*), который отличается от собственно «исторического» или даже «историко-биографического» повествования, где особенно подчеркивается значение исторической эпохи с ее закономерностями развития. В основе «беллетризованной биографии» заложена частная жизнь отдельного человека. В «историческом» и «историко-биографическом» повествовании (романе) при наличии документальной основы допускался вымысел, принципиально исключавшийся в жанре художественной биографии. Произведения обоих жанров несут документальный характер, но портрет чаще строится на личных воспоминаниях, а художественное жизнеописание, которое обращается к уже завершившейся жизни, – на основе надежных свидетельств других лиц [Яркова 1999].

Рассматривая произведения Ольги Накко в целостной картине, мы приходим к выводу, что писательница стремилась строить свои рассказы по канонам обоих жанров, руководствуясь главным критерием – достоверностью. Это было вполне сообразно с требованиями эпохи. Исследователи отмечают, что уже со второй половины XIX столетия стремление к фактографии становится «определяющей чертой русской прозы» [Яковлева 2012, 13].

Рассказ *Из Одессы в Вознесенск* – характерный образец рассказа-жизнеописания в творчестве Ольги Накко [Накко 1912, 104]. Здесь в нравоописательной манере представлен последовательный, композиционно выстроенный процесс становления личности писательницы в условиях строгого воспитания Одесского института благородных девиц.

Жизнь в институте на полном пансионе была замкнутой, отделенной от остального мира, полной учебной рутинной и строгой дисциплиной. Девушки жили как затворницы, даже посещение родными и родственниками было строго ограничено: «Навещать нас допускались родные только всего два раза в неделю: в воскресенье целый день (и в праздники тоже) и в четверг после обеда с 5 до 8 часов. Приемный зал переделен был на две половины низенькой решеткой, по ту сторону сидели посетители, а по эту – девицы»¹²⁸.

---

¹²⁷ *Из Одессы в Вознесенск*. В: Накко. О. *Рассказы*. Одесса, 1912, с. 24.

¹²⁸ Там же, с. 104.

Организация обучения была такой: «Воспитанницы резко разделялись на две группы – на старших и младших, сообразно тому курсу наук, который проходил в двух классах, по три года в каждом: оттого и выпуск, и прием поступающих производились через три года»¹²⁹. Режим пансионата в этот период был довольно строгим, тогда еще не отпускали девиц домой, ни на праздники, ни на каникулы. Летом, во время каникул девушек возили купаться на море «на неуклюжих линейках»,¹³⁰ но не так часто. «Вывозили нас кататься в экипажах один раз в год», и этот «один раз» был для воспитанниц не слишком радостным мероприятием, поскольку происходил на Пасху, «под качели», т. е. вокруг площади, на которой происходило народное гулянье «с качелями, балаганами, толкотней массы простого народа». И проблема была даже не в толкотне и давке, а в том, что весь этот праздничный выезд проходил «в облаках пыли» от многочисленных экипажей, кружащих по этой же единственной площади, поскольку «по тогдашней моде все люди состоятельные, имевшие свои или нанятые экипажи, выезжали на третий день Пасхи кататься вокруг площади. <...> Экипажи ехали шаг за шагом, один за другим в строгом порядке, окружая обширную площадь иногда в два-три ряда. <...> Тут же гарцевали верхом жандармы и военные»¹³¹.

И лишь «выпуски» воспитанниц по случаю окончания старших классов, проходили в торжественной, бальной обстановке «с торжественным актом, с концертным отделением, балетом, а затем и со всеобщими танцами до 11 часов, с раздачей лакомств и холодным ужином из хлеба с маслом и куском телятины»¹³².

«В те времена выпуски были только раз в три года» и предварялись долгими репетициями: «хоры из разных опер с учителем пения итальянцем Руффо», замысловатого балета, «придуманного для этого торжества учителем танцев французом m-sieur Буше», длинными чтениями из пухлых тетрадок «со стихотворениями русскими, французскими и немецкими, которые учились декламировать в известные дни недели в зале в присутствии учителей и тапан, т. е. начальницы (генеральши Фитингоф)». Особую торжественность придавал выпускному празднику бал воспитанниц: «Балет на акте обыкновенно танцевали уже не в институтской форме, а в белых кисейных платьях с голубыми кушаками и с цветами на корсаже и в волосах, а солистки даже в более нарядных балетных костюмах». Накко отмечает, что в 1854 г. в связи с военными действиями вместо радостных

---

¹²⁹ Там же, с. 105.

¹³⁰ *Линейка* – карета, или иного рода большая повозка, для общей, попутной езды в городе.

¹³¹ Там же, с. 106.

¹³² Там же, с. 105.

приготовлений к выпускному балу «у старших начались экзамены, очень спешные, и 13-го марта, вместо 1-го июля, выпустили 70 девиц»¹³³.

Литературный портрет и художественная биография занимают в творчестве писательницы значимое место, помогая исследователю в воссоздании биографии самого автора. Как, например, в рассказах: *Из Одессы в Вознесенск; Рассказ дедушки Максима о Крымской обороне во время Севастопольской войны; Фрикошены. Бессарабские былины; Руководство для изучения гелиоминиатюры, самое полное и подробное; Мальвина. Из варшавской жизни; В Ясной Поляне* и др.

Из автобиографического рассказа *Из Одессы в Вознесенск* мы узнаем много документальных деталей, например, что «выпуск бывал раз в три года», т. к. «курс наук проходили в два класса, по три года в каждом», и воспитанницы соответственно разделялись «на две группы – на старших и младших». «Младших» обидно дразнили «мартышками» и др. Размеренная институтская жизнь, девчоночьи фантазии и мечты поскорее перейти из «мартышек» во «взрослые» были прерваны военной канонадой. «В Страстную субботу утром началось бомбардирование Одессы англичанами и французами. Выстрелы ясно слышны были в институте, и я до сих пор помню эти звуки, так они запечатлелись в моей памяти», – вспоминает Ольга Егоровна. Мы не знаем наверняка, где и когда скончалась Ольга Накко, по некоторым данным, это было в 1919 году в Одессе. Может быть, по злой воле судьбы, умирая в охваченной безумием Гражданской войны Одессе 1919 года, она снова слышала в шуме выстрелов за окном отголоски той давней канонады.

Институт эвакуировали в глубь страны, в военный городок Вознесенск, где его сначала едва не закрыли, но благодаря мужеству начальницы и самоотверженности преподавателей, согласившихся провести несколько лет вдали от дома, в глухом местечке, учебный процесс постепенно наладился. Прожив в Вознесенске три безмятежных года, воспитанницы вернулись в Одессу, в новое здание института, построенное вместо разрушенного войной старого: «В Одессе, после войны», – пишет Ольга Накко «успели выстроить некрасивое казарменное здание нового института. Помню, какое неприятное впечатление произвел на меня этот дом – казарма, когда я впервые посетила его и невольно сравнила с прежним изящным грациозным зданием, похожим на дворец»¹³⁴. Завершая воспоминания о своем институтском прошлом, Ольга Егоровна замечает, что «замкнутая жизнь наша в институте имела только ту хорошую сторону, что все мы чувствовали себя равными, не было между нами ни бедных, ни богатых, мы этого вовсе не знали. Ни денег,

---

¹³³ Там же, с. 105.

¹³⁴ Там же, с. 115.

ничего особенного не позволено было иметь никому. Жили мы очень дружно и нежно любили друг друга»¹³⁵. Подчеркивая этим тезисом осмысление начального этапа формирования народнических идеалов в мировоззренческой картине авторского сознания.

Ольга Егоровна окончила Одесский институт благородных девиц 1 июля 1857 года, и уже спустя год, 2 ноября 1858 г., в церкви Архангела Михаила г. Одессы была обвенчана с Алексеем Константиновичем Накко – «уволненным от службы штабс-капитаном артиллерии», который по окончании Крымской войны ушел в отставку и поселился с молодой женой в родной Бессарабии [Ciocanu 1984, 63].

Молдавскому литературоведу В. Чокану удалось обнаружить копию акта о венчании Ольги Накко, документ 1858 года: «1858 года декабря 1 дня <...> мы нижеподписавшиеся уездного города Одессы Архангела Михайловской, что при женской обители церкви священно-церковно-служители сим достоверяем, что в метрической нашей церкви за 1858 год книге состоит в записке под № 58 акт следующего содержания: 1858 г. ноября 2 дня повенчаны уволенный от службы штабс-капитан артиллерии Алексей Константинов Накко, православного исповедания, первым браком, 26 лет, с дочерью умершего надворного советника Георгия Александрова Гурцова, девицею Ольгою, православного исповедания, 18 лет» [Ciocanu 1984, 65].

Где именно обосновалась чета Накко, точно утверждать мы не беремся, однако, вероятно, это могло быть родовое поместье Алексея Накко – Фрэтештий-де-Сус, «впоследствии слившемся с селом Балашешты Лазовского района»¹³⁶ [Ciocanu 1984, 63]. Известно, что род Накко происходил от одной из ветвей молдавской боярской семьи, переселившейся за Днестр в 1711 г. В контексте нашей темы невозможно обойти вниманием супруга и верного единомышленника Ольги Егоровны. Яркая и значительная фигура Алексиса Накко (1832–1915) – историка, поэта, переводчика, журналиста и редактора «Бессарабских губернских ведомостей» заслуживает отдельного специализированного исследования. Нас же интересует вопрос его влияния на формирование литературного стиля своей жены и, вообще, становления ее как литератора. К сожалению, о своей личной жизни, о совместной работе или каких-либо проектах они оба напрямую нигде не оговаривают. Между тем, в ракурсе общей темы, необходимо напомнить о некоторых заслугах Алексиса Накко (в русских публикациях Алексей Константинович) на научном и литературном поприще. Алексис Накко там же в Одессе окончил Ришельевский лицей (впоследствии переименованный в Новороссийский

---

¹³⁵ Там же, с. 117.

¹³⁶ Теперь Сынжерейский район (рум. Raionul Sângerei) на севере Р. Молдовы.

университет, а с 1933 г. – Одесский университет). Это было престижное образование для молодого бессарабского помещика. К 1850-м годам Ришельевский лицей уже считался одним из лучших заведений вне Санкт-Петербурга. В 1855–1856 годах в лицее работал старшим учителем гимназических классов Дмитрий Менделеев. В этот период Ришельевский лицей больше напоминал университет. Лекции читали настоящие профессора, к самому лицее присоединили Училище восточных языков, существовавшее в то время в Одессе, появились физико-математическое и юридическое отделения, работали в том числе коммерческое и камеральное отделения, где изучались политическая экономия, коммерция, финансы¹³⁷. Существуют данные, что военное обучение он проходил в Санкт-Петербурге в Дворянском полку (в 1855 г. переименованном в Константиновский кадетский корпус, а в 1859 г. – в училище) и был выпущен в 1850 г. артиллерийским офицером. В 1853–1854 гг. вместе с полком находился в Бессарабии неподалеку от Прута, а во время Крымской войны 1854–1855 гг. – в Скулянах.

Выйдя после женитьбы в отставку в 1858 г., Накко поступил на службу управления Бессарабии, занимал различные административные посты: служил в канцелярии Бессарабского губернатора (был чиновником по специальным поручениям при губернаторе), был исправником в Бендерском уезде (1879), дослужившись до первого советника местной региональной администрации, далее был старшим советником Бессарабского губернского правления (1881). Прослужив на административной службе около 34 лет, А. Накко вышел в отставку. Вскоре после этого, в 1892 г., чета Накко переселилась в Одессу, где Алексис скончался в почтенном возрасте в январе 1915 г.

Алексей Константинович также занимался активной научно-литературной деятельностью, помимо того, что он работал в местной журналистике – был редактором неофициальной части «Бессарабских губернских ведомостей» (1881–1884) – Накко писал исторические исследования о гражданском управлении Бессарабией. А. К. Накко более всего был известен как автор первой истории Бессарабии: «Истории Бессарабии с древнейших времен» в 2-х т. (Одесса, 1873–1876), обзора книги «Бессарабская старина» (обе работы вышли в *Бессарабском Вестнике*: первая – в 1890 г., вторая – в 1892–1893 гг.).

Накко подготовил сборник переводов на молдавский язык из русской поэзии, который так и не был опубликован, вплоть до начала XX века. У Алексея Накко были и собственные поэтические сочинения, к сожалению, также неизданные и не изученные.

---

¹³⁷ *Ришельевский лицей*. В: *Большая Российская энциклопедия* в 35 т., Москва: Рос. акад. наук, 2004–2017. Т. 28, 2015, с. 356.

Некоторые работы остались неопубликованными: «О происхождении европейских евреев» (в рукописи, Кишинев, 1883), «Автобиография» и др. В 1867 г. Георгий Безвиконный, историк литературы, выдающийся бессарабист, считал, что несмотря на то, что он не опубликовал свои стихи на румынском языке, и они известны только по представлению, сделанному проф. Штефаном Чобану, «все же А. Накко остается в истории местной литературы как автор с румынским уклоном, популяризатор поэзии Старого королевства, опробованную и многими другими бессарабскими литераторами данной эпохи». Он считал, что особое влияние на Накко оказал Василие Александри, чей стих *Adio Moldovei* он перевел на русский. С русского языка он также перевел поэму «Демон» и еще около 26 стихотворений Михаила Лермонтова, а также 15 басен Крылова. Алексей Накко также собирал народную поэзию, написав и две оригинальные поэмы: «Поэма, посвященная тем, которые задумали путешествовать в чужие страны в 1867 г.» и другую, довольно интересную сатиру на нравы эпохи, переданную в резюме проф. Ш. Чобану» [Bezviconi 1943, 203].

Так случилось, что литературно-поэтическое наследие А. Накко не получило выхода на читательскую аудиторию и осталось забытым. Однако тот факт, что он был ярким и одаренным литератором подтверждают академические специалисты, литературоведы, например, В. М. Гацак, писавший, что его «ориентация на ресурсы народного языка и собственно литературной речи положительно сказалась на переводах из Лермонтова, особенно философской лирики и *Демона*. В переводе *Демона* А. Накко «народное слово, фольклорное речение сочетается с литературными неологизмами, в чем сказывалось положительное воздействие творчества писателей Запрутской Молдовы» и, что хотя «сборник переводов Накко не вышел в свет и до начала XX в. был известен только в рукописи», но он «предвосхитил некоторые позднейшие переводческие достижения писателей Молдавии» [Гацак 1989, 425].

Одаренный литератор и хорошо образованный историк, интересы которого были тесно связаны с историей, литературой и культурой Бессарабии, Алексей Накко, безусловно, был надежным и верным помощником, и даже наставником для своей супруги, которая, как видно по направленности ее произведений, полностью отвечала его устремлениям.

Литературная жизнь Ольги Накко довольно достоверно отражает ее судьбу, которая прослеживается далее только в контексте ее литературного творчества, поскольку ни архивных данных (за исключением приведенных выше), ни даже свидетельств современников нами не обнаружено. Переселившись из родной Одессы в бессарабское имение супруга, в самую глубинку, Ольга Накко очутилась в совершенно новой для нее

среде, где все ее удивляло, начиная с молдавского языка, которым она тогда еще не владела, «но на котором весьма скоро выучилась говорить»¹³⁸. Мы почти не располагаем какими-либо источниками о жизни писательницы на протяжении почти тридцати лет, от даты ее бракосочетания с Алексисом Накко – до выхода в Одессе первой ее книги, благодаря которой стало известно, что Ольга Накко училась на Женских курсах в Париже и Варшаве, где получила в начале 1880-х гг. специальное образование в области гелиоминиатюры. В 1882 г. она публикует в Одессе специальное руководство для самостоятельного изучения данного предмета, названное ею «Руководство для изучения гелиоминиатюры, самое полное и подробное». Здесь, на первой странице, О. Накко пишет: «Употребив несколько лет на самое тщательное о всестороннее изучение гелиоминиатюры в Варшаве и за границей, преимущественно в Париже, изучив это дело до возможной для меня степени совершенства как искусство и как ремесло, я задумала составить руководство»¹³⁹. Это, по всей вероятности, – ее первая самостоятельная работа, заслуживающая внимания лишь в трех моментах: как проба пера, биографическая веха и красочному портрету автора в технике гелиоминиатюры, помещенному на обложке.

Вскоре в той же Одессе О. Накко пытается организовать специальную школу, однако, как можно заключить из ее письма от 3 января 1893 г. к попечителю народных училищ В. И. Фармаковскому, она стала жертвой мошенничества и в результате не только потеряла школу, но и задолжала большую по тем временам сумму в 3000 рублей. Этот долг ей удалось заплатить только ко времени написания указанного письма благодаря аскетическому образу жизни, из своего ежегодного оклада в 648 р., ежегодной ренты в 300 р., а также, не в последнюю очередь, за счет своих литературных гонораров. Из этого же письма мы узнаем о ее дочери, которую она называет Машуцей, и которая обучалась в пансионе Дмитревской в г. Одессе. Тут же говорится о том, что Ольге Накко удалось наладить деятельность школы в селе Чимашир Измаильского уезда, за что она получила официальную благодарность от г-на директора: «Глубокоуважаемый Владимир Игнатьевич, от дочери моей я узнала, что при посещении Вами пансиона Дмитревской, Вы были так добры и любезны, что удостоили вспомнить обо мне и даже послали мне поклон. Меня чрезвычайно обрадовало Ваше внимание ко мне – скромной труженице. Машуца, конечно, сообщила Вам, что я живу в Измаильском уезде, в 20-ти верстах от Килии и в 55-ти от Измаила, в селе *Чимашир*, где уже четвертый год состою народной учительницей, получаю 648 р. в год жалованья, живу в удобной квартире в самом здании училища и

---

¹³⁸ *Бессарабские былины*. В: Накко О. *Рассказы*, Одесса, 1900, с. 111.

¹³⁹ Накко О. *Руководство для изучения гелиоминиатюры, самое полное и подробное*. Одесса, 1882, с. 2.

вообще довольна своей судьбой. По счастью для меня, и здесь, так же, как в Одессе, начальниками моими состоят люди, которых я могу почитать и уважать искренно, нелицемерно, люди вполне достойные высокого почитания. Тихая, уединенная сельская жизнь совершенно гармонирует с моим душевным настроением после житейских бурь и крушений, пережитых в последние десять лет моей жизни. Из этих крушений самое чувствительное была утрата моего одесского училища, происшедшая вследствие того, что мои мнимые друзья, которым я доверила 700 своих денег, обещали отдать мне половину этой суммы в ту же осень, когда я открыла свое училище. Деньги эти пропали бесследно и мне, вдобавок, пришлось еще унести с собой в Чимашир обязательство уплачивать по мере возможности свыше трех тысяч долгов. Пришлось подвергнуть себя самой суровой, аскетической, каторжной жизни. И вот благодаря своему крепкому здоровью и несокрушимой энергии я до будущей зимы совершенно освобожусь от этих, для меня громадных, долгов. Для этого, кроме своего жалованья, я располагаю 300 р. своей собственной ренты и столько же, приблизительно, зарабатываю своими фельетонами»¹⁴⁰.

Как можно заключить из данного письма, где О. Накко упоминает, что состоит народной учительницей «четвертый год», она стала служить в народной школе с 1890 года, обучая молдавских детей русскому языку и, следовательно проживала в бессарабской глубинке еще, по крайней мере 14 лет, до 1903 года.

Так, в рассказе «В Ясной Поляне», где Накко подробно описывает свою встречу с Львом Николаевичем Толстым, она пишет: «Он расспрашивал меня о Бессарабии, О Вилкове, о моей службе народной учительницей, на которой я состою уже 14 лет... о Павловских курсах, в которых я буду участвовать...»¹⁴¹. Благодаря документальной достоверности писательницы, ее внимательности к мельчайшим деталям в описаниях встречи с «великим старцем», мы узнаем, что «в пятницу, 18 июля» 1903 года, Ольга Накко в качестве народной учительницы была направлена в «петербургский Павловск на павловские общеобразовательные курсы» (курсы усовершенствования для народных учителей) и по дороге остановилась в Ясной Поляне, где и встретила с «великим гениальным писателем». Эту встречу она назовет «величайшим событием своей жизни». Накко смогла увидеть своего духовного учителя уже довольно в зрелые годы, когда уже пройденный жизненный путь, пройденный по заветам Толстого, мог придать этой встрече особое значение.

---

¹⁴⁰ *Письмо В. И. Фармаковскому*. Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург, фонд 1073, оп. 1, дело 63, л. 1 – 3 об.

¹⁴¹ *В Ясной поляне*. В: Накко О. *Рассказы*. Одесса, 1912, с. 13.

Посвятив свою жизнь обучению деревенских детей, а свой талант – активному устремлению поддержать и сохранить бессарабскую самобытную культуру, она относилась к писателю с искренним обожанием. Он на протяжении всей жизни был для нее наставником и верховным примером.

С. Л. Франк, русский философ и религиозный мыслитель, так объяснял силу влияния Толстого на русские умы в конце XIX столетия: «Исключительно этическое направление, влечение рассматривать и решать все вопросы под углом зрения «практического разума», все многообразие жизненных явлений и интересов подводить под категории добра и зла и не признавать, даже не понимать иных, объективных критериев, например, теоретических или эстетических – есть типическое свойство едва ли не всего русского национального духа и во всяком случае умственного состояния русской интеллигенции за последние полвека. Но никто, пожалуй, не выразил этой черты ярче, чем Лев Толстой. «Толстовство» есть как бы квинтэссенция чистого морализма, моральная принципиальность, возведенная в абсолют и выступающая со смелостью и односторонностью, доступной только фанатизму гениальной натуры, против всего в жизни, что с ней не мирится. Несомненно, что именно эта сторона мировоззрения Толстого нашла наибольший отклик в русской интеллигенции и обусловила влияние проповеди Толстого в 80-х и 90-х годах прошлого столетия» [Франк 1908, 81].

Несмотря на документальную достоверность очерковой прозы О. Накко, мы замечаем, что писательница не любила говорить о себе напрямую автобиографично. Лишь некоторые отступления от этого правила позволялись, когда это было обусловлено публицистической спецификой, как, например, в предисловии к циклу *Бессарабские былины*, которым она предваряет публикации в газетах:

«Я жила в Бессарабии целых 20 лет, и в течение этого времени мне часто приходилось слышать от старых людей разные рассказы из жизни прежних помещиков, из которых лишь весьма немногие остались в живых. Тогдашние нравы и обычаи, разные события и факты из семейной жизни многих, теперь выдающихся по своему общественному положению семейств казались мне до того интересными, что я старалась запечатлеть их в своей памяти. Все это в особенности интересно ввиду того, что всемирная цивилизация уже наложила свою руку на эту страну. Она вырубилла ее вековые леса, истощила почву, населила ее целой массой разных проходимцев-космополитов, вывела из моды ее нравы и обычаи и теперь подводит все под одну общую серую форму. Все это творится, конечно, во имя общего блага, и нельзя этому не покориться. И в этой стране, как везде, вслед за появлением цивилизации, свободное проявление человеческой воли с ее яркими (светлыми и темными) красками и всеми ее (этой страны) особенностями, стали

достоянием истории и поэзии. Наконец, всем известно, что для того, чтобы понять и оценить настоящее, надо знать прошедшее. С этой точки зрения, может быть читателям, в особенности живущим в Бессарабии, покажутся небезынтересными мои рассказы о бессарабской старине. Со своей стороны, я постараюсь, как можно вернее воспроизвести и воскресить рассказы, слышанные мною, по большей части, от самих действующих лиц»¹⁴². С таким программным заявлением Ольга Накко вошла в литературу циклом художественных очерков *Бессарабские былины*.

Покинув в юном возрасте родную Одессу, Ольга Накко, вероятнее всего, большую часть жизни прожила на юге Бессарабии, оставив этому много литературных свидетельств. Редкие подписи под газетными публикациями мест написания рассказов указывают нам географию ее пребывания. Это лишь несколько названий в Измаильском уезде, в рассказах *Норк. Из жизни поселянина Измаильского уезда* – подписано: «село Скуляны, 2 июня 1892 г.» [Накко 1900, 144], *Виктор Белиш. Бессарабский магнат* – «село Дануцены, 18 июля 1899 г.» [Накко 1900, 65], *Проклятое место* – «село Чимашир, Измаильский уезд, 20 февраля 1894 г.» [Накко 1900, 127]. Также известно из ее письма попечителю народных училищ Фармаковскому (цит. выше), что в январе 1893 года она также находилась в селе Чимашир, а из краткой подписи-представления, завершающего книгу *Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны* о том, что она была народной учительницей в селе Вилково в марте 1904 года:

«Учительница Ольга Накко.

Посад Вилково. Бессарабская губерния.

11 марта 1904 года».

Об этом же Ольга Накко рассказывает также в своей беседе с Л. Н. Толстым (*В Ясной Поляне*).

Мы не знаем точно, когда Ольга Накко окончательно переселилась в Одессу, но в своем письме редактору *Исторического вестника*¹⁴³, с которым она отправляет также «брошюру своего рассказа *Баймачаны*, Ольга Накко указывает свой домашний адрес: «Одесса, Канатная, 83».

На сегодняшний день нам неизвестны какие-либо достоверные источники подтверждающие факт смерти Ольги Накко в Одессе в 1919 году, т. к в газетах этого периода не обнаружено даже некролога, хотя, само по себе это не удивительно, учитывая хаос Гражданской войны царивший в Одессе в это время. Доподлинно известно лишь то,

---

¹⁴² Накко, О. *Бессарабские былины. Фрикошены*. В: *НТ*, 1887, № 3684, с. 2.

¹⁴³ *Исторический вестник*. Историко-литературный журнал. Издавался в Санкт-Петербурге с 1880–1917 гг.

что в 1912 году Ольга Егоровна Накко входила в число «лиц, принимавших участие в издании *Одесского листка*, «газеты литературной, политической и коммерческой», о чем *Одесский листок* уведомлял на первой полосе № 1 за 1912 год, а во «2-м иллюстрированном приложении к *Одесскому листку* за 25 декабря 1913 года, выпущенном к 40-летию издания газеты, были помещены портреты всех сотрудников газеты, среди которых был и портрет Ольги Накко.

Ю. М. Лотман считал, что понятие «биография писателя обладает исторической и биографической конкретностью. Оно возникает в определенных условиях и только в их контексте может получить реализацию. Естественная предпосылка информационного акта состоит в том, что понятия текста и того, кто этот текст создает, разделены. Здесь очевидна связь с тем, что каждая культура создает в своей идеальной модели тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов. Само создание текста становится действием личной активности и, следовательно, переводит автора в разряд тех выпадающих из универсальных кодов личностей, которым свойственно иметь биографии. Создаваемые им произведения уже не могут вызывать у аудитории автоматического доверия и критерий истинности сообщения приобретает исключительно острый и актуальный характер. Если прежде истинность гарантировалась культурным статусом создателя текста, то теперь доверие к нему ставится в зависимость от его личности. Личная человеческая честность автора делается критерием истинности его сообщения [Лотман 1986].

Биография О. Накко – это честный путь подвижника, идущего согласно выбранному предназначению. Это – внутренняя история, направленная на интеллектуальное и духовное просветление. Согласно теории Ю. М. Лотмана только «искание истины» дает общественно-культурное полномочие создавать произведения, которые в контексте данной культуры могут восприниматься как ее тексты [Лотман 1986].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что автобиографический дискурс в произведениях О. Накко, несомненно, в рамках художественного поля в основном носит познавательную функцию, что позволяет использовать его также как информативный источник.

3.3. Этнокультурные характеристики художественного мира О. Накко

История русской литературы фиксирует происходившие в конце XIX – начале XX в. процессы конструирования сложной подцензурной и потому разнообразной по уровню картины, где литература стала играть в общественной жизни важную, едва ли не главную роль, так как позволяла имплицитно с помощью вымышленных сюжетов и персонажей обойти цензуру, выговорить то, о чем нельзя было сообщать открыто. Получила широкое распространение художественная публикация в периодической печати, стали развиваться так называемые толстые журналы, в которых печатали преимущественно художественную литературу. И самая важная составляющая данной литературной эпохи – предметом главного интереса многих писателей этого времени стали общественные и политические процессы.

Исследователи отмечают, что на специфике литературы глубоко отразились большие социальные и политические изменения, совершавшиеся в это время. Реальные исторические процессы сочетались с необычайно интенсивными мировоззренческими потоками, быстрой сменой форм и способов осмысления истории. При этом сама литература осознается как развитие, а ее история как такое развитие, которое неразрывно связано со всеми, казалось бы, внешними по отношению к ней факторами, со всеми изменениями действительности [Аверинцев 1994, 37]. В западной антропофилософии также отмечается, что литература в течение XIX в., по мере своего дальнейшего развития, предельно сближается с непосредственным и конкретным бытием человека, проникается его заботами, мыслями, чувствами, создается по его мерке и в этом отношении «антропологизируется» [Брюнинг 1997].

Литература этого периода, в лучших своих образцах, «непосредственно и конкретно» стремится зафиксировать и передать окружающую реальность. Жизнь как в действительности и человек в его индивидуальном облике и социальных связях становятся основным объектом поэтического изображения. Свойственная предшествующему типу художественного сознания стилистическая жанровая аргументация заместила видением историческим и индивидуальным. Центральным «персонажем» литературного процесса стало не произведение, подчиненное заданному канону, а его создатель, центральной категорией поэтики – не стиль или жанр, а автор [Аверинцев 1994, 33]. Произошла смена жанров. Роман, игравший до этого времени значительную роль, уступает место очерку, рассказу, повести – малым жанровым формам. Как метко заметил Ю. Тынянов: «Ощущение нового жанра есть ощущение новизны в литературе, новизны решительной; это революция, все остальное – реформы» [Тынянов 1977, 150].

В этот период в литературе переосмысливается константность образной системы, средств художественной выразительности, авторского стиля в целом: она перестает быть

нормативной и становится индивидуальной, постепенно индивидуальный стиль противоборствует с нормой. Мы определим это положение системно, поскольку здесь заложен ключевой аспект, влияющий на формирование художественного сознания писателя, которое мы понимаем как систему дискурсивных практик, репрезентирующую главные культурные смыслы. Собственно, об этом писал Г. Н. Пospelов в работе «Проблемы литературного стиля», где определял, что к концу XIX столетия отдельные приемы и правила уступают место подчеркнутому стремлению к «миропознанию», синтезированному в художественном образе. В данный период «происходит известное «отверждение» индивидуальных стилей», возникает впечатление их исчерпывающей завершенности, иллюзия полного совпадения жизненного материала и личного угла зрения художника (поздние Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, И. А. Бунин)». В концепции Г. Н. Пospelова жанровая специфика понимается как некоторые общие, исторически повторяющиеся особенности проблематики» [Пospelов 1970, 65]. Пospelов предлагает различать следующие основные разновидности жанрового содержания произведений: мифологическую, национально-историческую, этнологическую, романическую.

Перечень стилеобразующих факторов дополняется в концепции М. М. Бахтина, признающего диалогическое начало творчества, основную роль он отводит адресату. Адресат является третьей конститутивной особенностью, устанавливающей композиционно-стилистическое своеобразие высказывания. Выдвигая тезис о высказывании, являющимся отдельным звеном речевого общения, Бахтин фиксирует внимание на связи как с предваряющим («чужим») высказыванием, так и на отношениях с последующими в этой цепи. Все художественные высказывания основываются как бы навстречу этому ответу: кому адресовано высказывание. Писатель ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание, от этого зависит и композиция, и, главное, стиль высказывания [Бахтин 1979, 275]. М. Бахтин выдвигает гипотезу «концепции адресата»: «Для каждой эпохи, для каждого литературного направления и литературно-художественного стиля, для каждого литературного жанра в пределах эпохи и направления характерны свои особые «концепции адресата» литературного произведения, особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» [Бахтин 1979, 279]. Подводя итог, мы должны подчеркнуть, что направленность литературного произведения – «концепция адресата» – важная конститутивная характеристика художественного высказывания, наряду с замыслом и экспрессией, под воздействием ожидаемого ответа и производится творческий отбор всех лексических средств. Одной из основных конститутивных характеристик художественного сознания Ольги Накко является этнологическая ориентированность ее жанровой

проблематики. Жанровая специфика произведения – ценностная основа, обусловленная направленностью художественного сознания. Нам важно прояснить, как соотносятся в системе художественно сознания писательницы два главных метода в литературе XIX столетия.

Поскольку литературный процесс рассматриваемого периода теснее чем, когда бы то ни было связан одновременно с личностью писателя и окружающей его действительностью, направлен на ее освоение, в художественном сознании первостепенную роль играют литературные методы, направления, объединяющие писателей со сходными эстетическими идеалом и мировосприятием. Такими ведущими методами или направлениями в литературе XIX в. были романтизм и реализм, и их преемственность, взаимодействие и противостояние определяют основное литературное содержание эпохи. «С романтизмом кончается долгая пора господства риторического «готового слова», заранее заданных форм, жанров, стилистических средств поэзии. Отныне писатель начинает овладевать и пользоваться словом, как вольным, несвязанным орудием воспроизведения, анализа и познания действительности» [Аверинцев 1994, 34].

И романтизм, и, созревающий по мере его развития реализм, схожи в своем стремлении сблизить действительность и словесность, правду жизни и правду литературы. Различие состояло в способе реализации этого стремления: писатель-романтик мыслил расширение прав и границ реальности в литературе как путь личностных ее восполнений; писатель-реалист пытался изобразить реальность как таковую, в том числе и во всех «непоэтических» ее слоях, давая им равную возможность высказывания» [Аверинцев 1994, 3–38]. Однако сущностные расхождения романтизма и реализма проявлялись в рамках общей задачи: интерпретации, соответственно авторскому мировосприятию, смысла и законов реальности, а не перевода ее в конвенциональные, риторические формы. В зависимости от художественного сознания самой эпохи, диктующей авторскому сознанию существенную в литературе роль автора, романтизм и реализм понимают по-разному авторские функции. В центре романтической эстетики – творческий субъект, гений, убежденный в универсальности своего видения действительности, что манифестировал Ф. Гегель феноменологией духа, где «мир души торжествует победу над внешним миром» [Гегель 2008]. Таким образом, личностные элементы в поэтике романтизма выдвигаются на первый план.

Авторское восприятие Ольги Накко во многом проникнуто романтическими идеалами, что наглядно проявляется в текстах, особенно там, где в основу сюжета положены легенды и предания (*Дочь колдуньи; Проклятое место* и др.). Экспрессивность и метафоризм стиля, лиризм жанров, субъективность оценок, культ воображения, которое

мыслится единственным инструментом постижения реальности, – все это несомненно остатки романтического сознания, которые некоторыми исследователями, в силу идеологической тенденциозности, причислялись к «наивным авторским воззрениям», «примиренческой позиции», «благодушию», «слащавости», «сентиментальности».

Молдавский исследователь, библиограф А. Кидель, написавший предисловие к первому современному переизданию рассказов О. Накко, писал: «Писатель реалистического направления, Ольга Накко, склонная в целом идеализировать пореформенную действительность, вынуждена все же признать, что в окружавшем ее и ее героев мире господствуют алчность, несправедливость, лишения и голод. Даром глубокого проникновения в социальные явления изображенной ею действительности, как и в душевный мир ее персонажей, О. Накко не обладала. Отсюда неубедительность мотивировки поведения героев, нарушение внутренней логики развития их характеров [Кидель 1970, 4]. Однако, сквозь романтический покров четко проявляется реалистическая основа авторского сознания писательницы. Над субъективизмом романтизма берет верх объективная тенденция, тенденция вслушивания в голоса действительности. Также совсем иное в произведениях Накко взаимоотношение автора и читателя. Проза Ольги Накко – это обращение к читателю. Здесь можно вспомнить замечание Уильяма Вордсворта о том, что автор – это «человек, беседующий с людьми», что, по мнению С. Аверинцева, «определенно констатирует переход от конвенционального читателя традиционалистской эпохи, который удовлетворяется «эффектом ожидания», заключенным в риторической словесности, к читателю, который видится автору как собеседник» [Аверинцев 1994]. Но в романтизме формами такой установки на читателя становится стилистическая экспрессия, а в реализме создание атмосферы достоверности и жизненности сближает читателя и автора, что наглядно проявляется в рассказах и очерках О. Накко. Тем более, что в 80-х – 90-х гг. XIX в. в литературе, как никогда возрастает роль очерка, жанровая природа которого помогает отчетливее понять взаимоотношения романтического и реалистического лагерей в искусстве.

Ольга Накко вошла в литературу в 1880-х гг. публикациями в периодической печати и первое время считалась очеркисткой. Это было общемировой тенденцией. В ряды очеркистов становились тогда рядом с О. Бальзаком, Ч. Диккенсом, У. Теккереем, Л. Гозланом, А. Монье, О. Люше, причисляемых критикой к категории реалистов, Ж. Санд, Ф. Сулье, Ф. Пиа, П. Борель и многие другие писатели, известные в качестве романтических поэтов, драматургов и романистов [Якимович 1963]. Расцвет очеркового жанра в русской литературе соотносится с общей культурно-исторической обстановкой и, прежде всего, являлся результатом активного участия литераторов в общественной жизни. Значимым

наследием этой эпохи стало достояние русской очерковой литературы, вершинами которой были социально-философские очерки-исследования М. Салтыкова-Щедрина и Л. Толстого, социально-экономические очерки-этюды Г. Успенского, и «очерки-рассказы кстати» Н. Лескова, энциклопедические очерки Н. Шелгунова, насыщенные зарисовки В. Короленко, путевые очерки А. Чехова и, конечно, значительное полифоничное очерковое наследие М. Горького.

Специфика очеркового жанра – актуальность, соединение документальной достоверности с возможностями художественного воздействия и публицистической пропаганды, близость к памфлетным и просветительским формам, простота и доходчивость стиля и языка – все это, как правило, присутствует в очерках и рассказах О. Накко. Отметим, что, пожалуй, «документальная публицистичность» очерков писательницы не была беспощадной и остросоциальной, и романтическое начало давало о себе знать. В основной своей массе бытописательные произведения Ольги Накко близки к физиологическому очерку. Значение физиологического очерка – одного из ведущих жанров реалистической литературы 1840-х – 1850-х гг. как в русском художественном процессе, так и во французской литературе – способствовать расширению социальной, общественной проблематики и либерального типажа «натуральной школы», достоверно знакомить современного читателя с реальными условиями жизни народа [Цейтлин 1965]. С середины XIX в. в западной литературе началось увлечение социально-бытовыми очерками (очерки О. Бальзака, Жорж Санд, Ж. Жанена, А. Карра, Ф. Сулье, Поля де Кока и мн. др.).

В русской литературе физиологический очерк был не столь популярен у великих писателей и разрабатывался писателями «второго ряда». Наиболее известные писатели-«физиологи»: Д. Григорович, В. Даль, Н. Некрасов, И. Панаев, В. Соллогуб, В. Белинский, который был не только теоретиком и пропагандистом русских «физиологий», но и сам создал несколько произведений этого жанра (введение к *Физиологии Петербурга*, очерки, вошедшие в книги: *Петербург и Москва; Александринский театр; Петербургская литература*). Жизнь физиологического очерка в русской литературе была краткосрочной (примерно до 50-х гг. XIX в.), причина заключалась в том, что «физиология» не позволяла достаточно четко обозначить развивающуюся в то же время социальную тематику [Цейтлин 1955, 54].

В румынской литературе, происходили иные процессы: так называемый «физиологический очерк»¹⁴⁴, появившийся еще в 1840-е годы XIX в. в творчестве

---

¹⁴⁴ Термин *физиологический очерк* применяется в основном в русском литературоведении. См.: Кожевников, Ю. А. *Румынская литература второй половины XIX в.* В: *История всемирной литературы*: В 9 томах. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука. 1983. Т. 7. 1991, с. 524–

писателей-романтиков В. Александри, А. Руссо, М. Когэлничану, К. Негруцци и др. стал начальным импульсом, ознаменовавшим возникновение реализма. Именно в этом жанре стала развиваться румынская литература, находившаяся в то время еще в процессе становления. С самого начала одним из главных «объектов исследования» в физиологическом очерке становится боярин – фигура, олицетворяющая историческую косность, в противовес которой как правило возникает фигура крестьянина. В данном случае четко вырисовывается социальный контраст, который лишь впоследствии осознается как конфликт, к изображению которого реалистическая литература придет только в конце XIX в.

Среди персонажей румынского «физиологического очерка» выделяется еще одна фигура – *чокой*, выскочка, бывший слуга, прилагающий все усилия, чтобы втереться в боярское общество, этот *чокой* и становится главным персонажем сначала новеллы *Злоключения одного слуги, или Слободской дворянин* (*Siocoii vechi și noi*, 1861), а потом романа Николае Филимона *Старые и новые мироеды, или Что от кошки родится, то мышами и кормится* (*Nenorocirile unui slujnicar sau Gentilomii de mahala*, 1863), который считается первым реалистическим романом в румынской литературе. Кэлинеску так характеризует начинание Н. Филимона: «С новеллы «Злоключения одного слуги, или Слободской дворянин» Филимон начинает свою деятельность как критик румынского общества. Но теперь он уже не либерал, а, напротив, он иронизирует по отношению к тем, кто утверждает, что пожертвовал своей жизнью ради «святого принципа свободы, равенства и братства»¹⁴⁵ [Călinescu 1988, 360]. Таким образом, можно констатировать, что в румынской литературе основы так называемого «физиологического очерка» как эссеистического жанра были заложены в формирующийся пласт реалистической литературы [Кожевников 1983, 526]. Исследователи отмечают влияния французского и русского физиологического очерка в этот период [Iorga 1983]. Николае Филимон (1819–1865), происходивший из семьи священника, прочно связанный с церковными кругами, побывав то певчим, то церковным старостой, то писарем в департаменте вероисповеданий, имел возможность близко наблюдать быт, нравы и социальные метаморфозы средних слоев румынского общества. Именно *чокой* – мироед новой формации, знаменовавший собой процесс перехода старого боярского мира в новый – капиталистический и воплощавший в

528; Гусева, Е. А. *Становление и развитие физиологического очерка в русской литературе*. В: *Вопросы русской литературы*, 2012, № 20 (77), с. 13–25; Манн, Ю. В. *Философия и поэтика «натуральной школы»*. В: *Проблемы типологии русского реализма*. М.: Наука, 1969.с. 241–305.

¹⁴⁵ „Cu *Nenorocirile unui slujnicar sau Gentilomii de mahala* își începe Filimon opera de critic al societății române. Acum însă nu mai e liberal, dimpotrivă, un ironizator al celor care pretind a-și fi sacrificat viața „pentru sfântul principiu al libertății, egalității și fraternității”.

себе особенности национальной буржуазии, становится объектом разоблачения в румынской литературе, как в романтической («бонжуристы» в сатирических стихах М. Эминеску), так и реалистической (Н. Филимон, И. Л. Караджале) [Кожевников 1983, 526].

Очерки Ольги Накко типологически близки к физиологическому очерку. И надо отметить, что элементы физиологического очерка, его этнографическая точность к деталям, интерес к социальной окраине, фанатическая приверженностью к характерному слову – все встречается и в очерках писательницы. Но, в целом, художественное наследие О. Накко выходит за узкие рамки этого жанра, благодаря использованию более широкой и разнообразной образной системы.

Таким образом, мы наблюдаем в творчестве О. Накко, как, несмотря на романтические тенденции, зрелый реализм создает свои, особые средства универсализации, углубления смысла и силы воздействия индивидуального слова, типизирует конкретное, добивается все большего художественного синтеза явлений жизни. Одной из главных характеристик художественного сознания Ольги Накко является этологическая ориентированность ее жанровой проблематики. Этнографические и фольклорные материалы, собранные Ольгой Накко и обильно использованные в «бессарабских очерках», детальное воссоздание национального колорита уходящей эпохи – есть следствие воплощения художественного сознания литературной эстетики своего времени. Это и организовало авторскую базу воззрений общественной и внутренней жизни – основу художественного мира писательницы, который характеризует актуальность, соединение документальной достоверности с возможностями художественного воздействия и публицистической популяризацией, близость к просветительским формам, простота и доходчивость стиля и языка.

3.4. Особенности стилистических ресурсов в произведениях О. Накко:

молдавский колорит в рассказах «Фрикошены», «Дочь колдуньи», «Янко Лемо», «Папаруда», «Волк»

Лексическая организация художественного текста, как правило, – сложное и многогранное явление. По разнообразию и выразительным возможностям языковых средств художественный стиль является наиболее полным выражением литературного языка. Важнейшей задачей художественного текста является объективизация авторской мысли, путем воплощения его творческих замыслов, трансляция знания и представления о человеке и мире. Каждый писатель создает в литературном произведении свой мир в соответствии со своим замыслом, со своим индивидуально-образным восприятием и

изображением жизни, действительности. В слове аккумулируется информация: социально-историческая социально-интеллектуальная, экспрессивно-эмоциональная, оценочная информация общегуманистического и конкретно национального характера [Бельчиков 1988, 30–35]. Такая информация и составляет социально-исторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова. Это объективно существующее понятие.

Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в текстах, в которых так или иначе, по тому или иному поводу сопоставляются социально-исторические срезы эпох. «Культурный компонент смысла слова неоднороден. Он может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку. Такой его характер выявляется полнее всего в «обстановочных» контекстах, в непосредственных комментариях конкретного слова, вернее, его словоупотребления. Это больше всего и в первую очередь распространяется на слова, культурный компонент смысла которых имеет интеллектуальное содержание» [Бельчиков 1988, 30]. Здесь необходимо подчеркнуть, что незаменяемость таких контекстов и толкований возникает, как правило, при сопоставлении в тексте разных национальных культур, что демонстрируется в языковом пространстве произведений Ольги Накко.

Очерки и рассказы бессарабской писательницы относятся к текстовым примерам, содержащим различные ассоциации, в основе которых лежат традиционные, социально-исторически обусловленные осмысления определенных реалий, представлений, национально-самобытных реалий, которые проявляются в комментариях и описаниях народных традиций, обычаев и обрядов. «Есть местности в южной Бессарабии, – пишет Ольга Накко, – где для исполнения старинного обряда, происходящего, вероятно, от римлян, строго придерживаются третьего, четвертого дня после Пасхи, а в других местах не придерживаются исключительно этого дня, выбирая такое время, когда случаются два дня праздника». Так комментирует О. Накко обряд бессарабских болгар в очерке *Панаруда* [Накко 1970, 11]. Другой, квалифицирующий авторский стиль комментариев: «Поселяне северной и средней Бессарабии едят всегда мамалыгу с какой-нибудь похлебкой или с овощами и варят ее два, три раза в день, тогда как население южной Бессарабии питается преимущественно хлебом, кушаньями из пшеничной муки, только изредка мамалигуцей, как объясняет автор в рассказе *На мамалыге* [Накко 1970, 109]. На данных примерах видно, что особенно рельефно такого рода ассоциации выявляются при сопоставлении национальных культур или различных социально-исторических ареалов.

Слова и словосочетания фольклорного характера, будучи плодом поэтического творчества, используются автором и служат устойчивыми обозначениями художественных образов национальной народнопоэтической традиции. Широкое использование в текстах бессарабских реалий является стилевой доминантой писательницы, определяющей особенности творческого стиля. В данном контексте мы понимаем «реалии», характерные для языка художественной литературы, которые напрямую связаны с национальной культурой народа и являющиеся общеупотребительными для языка этого народа и чуждыми для других языков [Папикян 2013, 88–95].

Рассматривая бессарабские реалии в творчестве О. Накко, мы, конечно, имеем в виду, в первую очередь этнографические реалии – понятия, принадлежащие быту и культуре народа, а также этнические понятия, содержащие общественно-политические реалии: понятия, связанные с административно-территориальным устройством, званиями, титулами, сословиями и т. п. Все это, в как правило реалии исторические, обозначающие представления, характерные для прошлого, связанные с существованием исторической области Республики Молдова – Бессарабии. Распространенными паратекстуальными средствами служат такие формы инонациональных (чаще всего молдавских) культурных коннотаций, например, как:

- графическое выделение реалии на фоне всего текста курсивом, в подстрочном названии или примечании: «Виктор Белиш. *Бессарабский магнат*», «Контрабандист. *Из бессарабской старины*», «Норок. *Из жизни поселенина Измаильского уезда*»; «Бессарабские былины. *Дудука Аглая*» и др., в самом тексте: «Мы даже выпили *адалмаш*¹⁴⁶ – литру водки и око вина» (*Норок*)¹⁴⁷;
- развитие содержания реалии: «Это и есть моя каруца, – Мы подошли к длинной широкой телеге, – вчера вечером еще впрягал в нее лошадку»¹⁴⁸ (*Фрикошены*);
- употребление наряду с реалией ее нейтрального синонима или родового понятия в качестве приложения: шапка – *кушма*, барышня – *кукона* и др.;
- объяснение в самом тексте, взятое в скобки, выделенное запятыми или тире: «Бурковку – дорогу, мощеную камнями разной величины – соорудили всем селом всего за месяц»¹⁴⁹ (*Контрабандист*);
- пояснение в сноске на нижней части страницы, а также толкование реалии в комментариях: текст: «Гица не доел своей плачинды* и ушел вслед за отцом»,

¹⁴⁶ *Адалмаш* (укр. *алдамаш*) – угощение, «магарыч» работнику.

¹⁴⁷ *Норок*. В: Накко. *Бессарабские очерки и рассказы*. Одесса, 1900, с. 146.

¹⁴⁸ *Фрикошены*. В: *НТ*, 1887, № 3684, с. 2–3.

¹⁴⁹ *Контрабандист*. В: Накко. *Бессарабские очерки и рассказы*. Одесса, 1900, с. 119.

концевая сноска: «*Плачинда – это лепешка из муки с творогом или другой начинкой»¹⁵⁰ (*Гнев Архангела*).

Таковы основные приемы передачи реалий, которые использовала писательница, сообразно необходимости, рассчитывая, наряду с предметным значением реалии, передать и колорит, коннотацию – ее национальную и историческую окраску [Зайковская 2007, 51–55].

Бессарабский колорит, основанный на мультикультурной специфике жизненного материала, в произведениях Ольги Накко обнаруживает себя многопланово и разнообразно. Внимательное, глубокое, по-настоящему исследовательское изучение писательницей реалий молдавской национальной среды потребовало от нее не только писательского таланта, но и огромных знаний, глубокой культуры, упорного труда. Прозу Ольги Накко характеризует широкое использование художественных конфликтов, базирующихся на исторической основе местной этнически колоритной действительности.

Значительные по масштабам передвижения населения, имевшие место в первой половине XIX века в ходе правительственной колонизации и обусловившие изменения в этнической структуре населения, сформировали на этой небольшой территории довольно пестрое межкультурное сообщество [Зеленчук 1979]. В процессе консолидации молдавской нации в нее вливались группы инонационального населения. Основная часть немолдавского населения (русские, украинцы, болгары, греки, гагаузы и др.), сохранявшие свой язык и этническую культуру, также испытывала влияние молдавской культуры и в свою очередь передавала молдавскому народу трудовые и культурные навыки. Все культурные реалии, происходившие в рамках данного процесса объединяет терминосочетание *бессарабская действительность*.

Помимо публикаций в периодической печати, было издано пять сборников художественных очерков и рассказов О. Накко – прижизненных книжных изданий (нами выявлено всего шесть отдельных книг писательницы), которые вышли в Одессе с 1900 г. – по 1913 г. В названиях трех из них фигурирует определение *бессарабские*, имеющее не просто географический смысл, а то немаловажное обстоятельство, что преобладающая часть произведений содержит в своей основе бессарабскую тематику: *Бессарабские очерки и рассказы* [Накко 1900], *Бессарабские очерки и рассказы. Сцены из жизни голодавших поселян*, *Бессарабские очерки и рассказы. Баймачаны* [Накко 1913]. Одной из основных задач, которую ставила перед собой О. Накко, была реалистически правдивое описание событий и атмосферы уходящей эпохи. Она долгое время жила в бессарабской глубинке и

---

¹⁵⁰ *Гнев Архангела*. В: Накко. *Бессарабские очерки и рассказы*. Одесса, 1900, с. 131.

собирала местный фольклорный материал, «рассказы из жизни» простых сельских жителей, составляла описания нравов и обычаев, разные события и факты из их семейной жизни.

Название цикла произведений *Бессарабские былины*, который она начала вести сначала в *НТ*, а затем и в *БВ* обусловило и основную цель авторского высказывания. Писательница использует понятие «былина» не в изначальном смысле (фольклорной эпопеи, русской народной баллады о богатырях и героях), а исходя из смыслового значения слова «быль» (т. е. реально случившегося, повесть о том, что действительно имело место). Возможно, более адекватным было бы понятие народной легенда или предания, которое, будучи определено как народный рассказ о знаменательном событии в общественной жизни, или подвиге героя, более полно выражало бы литературные цели писательницы. Однако, с другой стороны, само понятие «легенда» включает в себя элементы условности, вымысла, в то время как целью *Бессарабских былин* была именно аутентичность. В подстрочном примечании автора к преданию *Дочь колдуньи* Накко писала: «Приводимый здесь рассказ не более, не менее как легенда, вымысел, живущий в бессарабском народе и переходящий из уст в уста, от отца к сыну. Автор нашел не лишним облечь эту легенду в поэтическую форму как документ, свидетельствующий о нравственно-умственном развитии бессарабской деревенской массы»¹⁵¹.

Именно для этого выдумывался писательницей сюжет ее дебютного и вместе с тем масштабного произведения *Фрикошены*, опубликованного в *Новороссийском Телеграфе* в 1887 г. под заголовком *Бессарабские былины*, в центре повествования – жизнь и судьба местных греков-колонистов, любовная коллизия Аристида Кароти и Элянуцы Тардели. Ольга Накко вводит русского читателя в удивительный мир старой боярской жизни, где особенности быта и утвари прописаны с небывалой тщательностью и доскональностью. Главным в этом повествовании является боярская усадьба – Фрикошены, а все сюжетные перипетии и страсти героев лишь оживляют картину. Название «былина» писательница употребляет нарочито, подразумевая его народное значение – «старина», «старинушка», указывающее, что действие, о котором идет речь, происходило в прошлом.

В составе *Бессарабских былин* Накко опубликовала цикл рассказов, озаглавленных *Бессарабская старина*. Это название несет то же значение правдивого рассказа о прошлом.

Довольно значительная часть рассказов О. Накко имеет второе заглавие *Рассказ из бессарабской старины*. Это выражение в сочетании то с *рассказом*, то с *эскизом* находим также в следующих названиях: *Волк*, *Кир Христо* и *Кир Янаки*, *Оригинальное пари*, *Проклятое место*, *Баймачаны* и др. Следует, однако, заметить, что слово «старина» во

---

¹⁵¹ Накко, О. *Дочь колдуньи*. В: *Бессарабские очерки и рассказы*. Одесса, 1900, с. 197.

многих случаях весьма условно, т. е. далеко от своего адекватного содержания (древние, давно прошедшие времена, предметы, памятники, обычаи и т. д. далекого прошлого), являясь скорее синонимом слова «жизнь». Сказанное касается, прежде всего, и, безусловно, одного из интереснейших произведений О. Накко – повести *Баймачаны*, действие в которой происходит в первой половине XIX в. Какая уж тут «древность», если описываемые события разворачиваются, когда автору рассказа было всего несколько лет от роду.

В качестве примера, характеризующего особенности стилистических ресурсов прозы Ольги Накко может послужить рассказ *Янко Лемо*, опубликованный в 1890 г. в газете *Новороссийский Телеграф*, где широкое отражение бессарабских реалий воссоздается специальными стилистическими приемами, формирующими молдавские культурные коннотации. Протагонистом рассказа стал запрутский молдаванин Янко Лемо, типичный бессарабский персонаж смешанного национального происхождения, отец которого был греком, а мать – молдаванкой. Он был человеком неординарных качеств: «идеалист, поклонник идеи свободы, образованный и начитанный, «чудак». Жил простой жизнью, ел то, что ели его хозяева *молдаване-цэрале*. В Ботушанах Янко 10 лет счастливо жил и работал учителем, преподавал греческий и французский в местных училищах и богатых семействах: «После сытного обеда из мамалыги и борща садился с книгой у окошка, из которого далеко виднелись поля и виноградники». Вел беззаботную, но бедную жизнь, которую, однако, омрачало одиночество. У Янко не было никакой родни, кроме дяди Иордаки Банеско, старого холостяка, который жил в Бессарабии и два раза в год являлся в Ботошаны на ярмарку, куда пригонял гурты откормленных волов на продажу. Оба они были «в большой дружбе», несмотря на абсолютно разные идеалы: «Дядя в шутку называл племянника «даскале-паскале» (учитель-пастух). А Янко, вместо того, чтобы называть дядю по имени, прозвал его *мошу-тамазлыкарь* (дядя-гуртовщик)». Банеско очень хотел, чтобы племянник переехал «к нему в Кетрос», но Янко отказывался. Вследствие этого взаимонепонимания, между дядей и племянником нередко происходил курьезный диалог, который, согласно авторской стилистике, записывается фонетически и сопровождается русским переводом:

- «*Даскале-паскале*, оаре кынд тей фачи май куминте (когда ты, наконец, поумнеешь?)».
- «*Драгу мошу-тамазлыкарь*, оаре кынд тей вей сэтура ди галбень (когда, наконец, ты насытишься червонцами?)».

Далее Накко описывает путешествие Янко из Молдовы в Бессарабию (т. е. из Румынии – в Бессарабию И. И.). Лютой зимой он купил бричку, одолжил лошадь и поехал

к дяде в Кетрос, «одетый в большую овчинную шубу и высокую барашковую шапку, с трубкой в зубах». Трясаясь в бричке, Янко «импровизированно» распевал песню:

«Фрунза веерди ди дзамоос
Мержи Яанко ла Кетрос!»

В концевой сноске автором дается перевод: «Зеленый листочек дыни, Едет Янко в Кетрос». Но еще в дороге он узнает от проезжих евреев, что его дядя умер и похоронен, а «имущество описано в ожидании наследника (Янко), который должен прибыть из Молдавии». Янко приехал в Бессарабию в 1819 г.: «Его узнали в Бессарабии, когда ему было лет 40, и с тех пор он стал чрезвычайно популярен и выделялся в обществе оригинальным характером, умом и образом жизни». Там, в бессарабском селе, он и осел, получил наследство от дяди, женился, воспитал детей и прожил счастливую веселую жизнь, оставив после себя роскошное поместье и яркие воспоминания односельчан.

Далее по сюжету проходят подробные описания счастливой семьи Янко Лемо, процессов женитьбы и прогрессивного воспитания детей, подготовка их к поступлению в Кишиневскую гимназию, где сыновья его становятся «первыми учениками». Дух беззаботного веселья, который царил в этой счастливой семье, Накко сопровождает комментариями в назидательной модальности, что в принципе характеризует авторский стиль: «Как ни старался отец привить им свое мирозерцание, свои понятия и взгляды, это ему не вполне удалось, но принесло ему ту пользу, что не рассчитывая на родительское состояние, зная заранее, что отец ничего не оставит им, они сами позаботились о своей судьбе. Старший женился по любви на дочери одного купца и занялся торговлей. Младший поступил на государственную службу». Финал данного сюжета традиционно счастливый, как в большей части произведений писательницы. Старики Лемо прожили долгую радостную жизнь и умерли в преклонном возрасте, уже в 1860-х гг., а их родовое имение («вотчина Сынгура») перешло Ясской Спиридоновской больнице: «В настоящее время Сынгура», – пишет Накко, «принадлежит простым разбогатевшим армянам и стоит уже 200 000 рублей серебром; теперь там красуется великолепная усадьба с двухэтажным домом, парком и красивой церковью, а «старинный домик, в котором 40 лет счастливо прожили супурги Лемо, обращен в корчму»¹⁵².

Надо также отметить, что в данном рассказе в полной мере проявляется бытописательный характер авторского стиля, относящий нас к основам жанра бытовой повести. Повествование на всем его протяжении сопровождаются подробные описания быта и жилища. Так, например, описывает автор проживание Янко у простых молдаван в хате:

---

¹⁵² Накко, О. *Янко Лемо*. В: Новороссийский Телеграф, № 4398, 1890, с. 2-3

«Его маленькая комнатка выходила в садик двумя крошечными окошечками, обращенными на юг. По одной стене этой комнатки во всю ее длину стоял молдавский диван, на котором он спал, устроенный из голых досок, покрытых простым ковром без тюфяков. По другой стене – большой некрашенный стол с двумя ящиками; в одном было немного чистого белья, в другом – различные мелочи, табак и деньги; оба ящика никогда не запирались. На столе лежала целая груда аккуратно сложенных книг, собрания греческих классиков – единственное богатство, которым обладал и дорожил»¹⁵³.

Также следует подчеркнуть, что художественное время повествования – «бессарабская старина» – оговаривается на протяжении всего сюжета, автор напоминает, что действие происходит «в то блаженное время, когда не знали банков и поневоле приходилось насыпать деньги в разные чайники, баночки, шкатулочки и пр. и зарывать это в землю».

Работая учительницей в бессарабских селах, О. Накко имела возможность близко наблюдать повседневную жизнь крестьян, создав настоящую галерею художественных персонажей бессарабской жизни прошлого века. К примеру, подстрочное примечание автора к рассказу *Дочь колдуньи* поясняет: «Приводимый здесь рассказ не более, не менее как легенда, вымысел, живущий в бессарабском народе и переходящий из уст в уста, от отца к сыну. Автор нашел не лишним облечь эту легенду в поэтическую форму» [Накко 1900, 24]. Необходимо отметить, что в творчестве Накко это достаточно распространенный прием: не просто «облекать в поэтическую форму» народные предания и легенды, а изобретать типизированные сюжетные каркасы, создавать повествовательные рамки специально для того, чтобы рассказать русскому читателю о том или ином нравственно-психологическом слагаемом собирательного портрета молдавского народа. Название «предание» достаточно точно отражает суть этого жанра. Это – рассказ, который передается из уст в уста, переходит от поколения к поколению. Предания заменяли простому народу историческую литературу, по-своему рассказывая о прошлом. Предания не отображают весь ход событий. Они уделяют внимание отдельным ярким моментам истории. Желая запечатлеть уходящее прошлое Ольга Накко придавала большое значение своим бессарабским «преданиям». Почти во всех преданиях в центре любого события всегда стоит одна яркая личность: князь, разбойник, атаман, генерал и т. д., как, например, в рассказе *Братья-разбойники*¹⁵⁴. Эта личность и определяет все происходящее. В очерках-преданиях Ольги Накко описываются события, широко известные, но наряду с этим также изображаются различные поступки знаменитых людей, неизвестные по архивным

---

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Накко, О. *Братья-разбойники*. В: *НТ*, 1891, № 4541, 4543, с. 2.

документам или другим источникам. Особый интерес представляет частная жизнь исторической личности. Яркие, выдающиеся деятели, хотя и отличаются в преданиях от обычных людей, но, по каким-то начерченным автором признакам, похожи на простых смертных. У них есть своя личная жизнь, они могут заниматься делами отнюдь не героическими, будничными, напрямую общаться с простонародьем и т. п. (*Роксанда и Фехчибей*¹⁵⁵). Такие персонажи указывают на связь преданий с другими фольклорными жанрами, в центре которых стоит исключительная личность: с былинами, историческими песнями, сказками, народными верованиями.

Важное место в творчестве писательницы занимают произведения в основу которых положено описание обрядов, например, при знакомстве с рассказом *Папаруда* читателю нетрудно догадаться, что все остальные события: крупные и мелкие, и прежде всего, любовная интрига, играют второстепенную, вспомогательную роль, то есть призваны служить основной и единственной «сверхзадаче» – живому, полнокровному, динамичному показу заглавного народного поверья, будто крестный ход обязательно вызывает дождь. *Папаруда* (рум. *Parapuda*) – это один из красивейших молдавских обрядов – перенятый у южных славян обряд вызывания дождя. О происхождении названия есть много разных версий. Исполняется он весной, когда случалась сильная засуха. Во время обряда девушка в юбке, сплетенной из виноградной лозы и тонких веток, танцует на сельских улицах, останавливаясь у каждого дома, а хозяева льют на неё воду. Во время *жокул Папарудей* в молдавских селах читаются стихи – заклинания, вызывающие дождь. Во время *жокул Папарудей* в молдавских селах читаются стихи – заклинания, вызывающие дождь. Со временем обряд превратился в веселый сельский праздничный ритуал. Румынский исследователь мифологии, писатель и философ В. Кернбах, ссылаясь на опросник Б. П. Хаждеу, пишет, что «день ритуала был непостоянным (один из 9 четвергов после Пасхи, или 3 четверг после русалий (Троица), возможно, поэтому в некоторых областях Румынии Папарудой считают одну из русалок, которая когда-то ходила по селам во время засухи, прося, чтобы крестьяне облили ее водой» [Kernbach 1983]. У румын роль папаруд играли девушки-цыганки, голое тело которых обвязывали листьями, и селяне поливали их из ведер, а иногда символически посыпали макушку мукой. Мирча Элиаде также отмечал, что с XIX в. в румынских селах обряд стали исполнять только цыганки, что привело к уменьшению ритуальной условности, значительным этнографическим упрощениям и ослаблению веры в его эффективность и утилитарность [Eliade 2003, 17–18]. Оценивая значения действия ритуала у румын, Джеймс Фрезер сравнивал Папаруду со схожими македонскими,

---

¹⁵⁵ Накко, О. *Роксанда и Фехчибей*. В: *НТ*, 1889, № 4306. с. 2–3.

болгарскими сербскими (Додола) и греческими обычаями [Фрезер 1980, 84]. Большое распространение обряд *Перперуна* имел у болгар¹⁵⁶. Обряд вызывания дождя, известный под названием: *Питируда* занимает важное место в календарной обрядности гагаузов Бессарабии.

На примере рассказа *В бессарабской глуши* можно говорить о беллетризации свадебного обряда молдаван – его показу посвящена целая глава (вторая) произведения. Однако при чтении неминуемо возникает неотвязное ощущение, что ты присутствуешь на молдавской свадьбе вообще, а не на конкретной свадьбе Мариоры Боцулян и Анания Окилара. Многодневное свадебное «представление» явно выпадает из сюжетной канвы произведения, не является пружиной развития действия, нося вполне автономный, самостоятельный характер. Другими словами, перед читателем специально разыгрывается молдавский свадебный обряд с очевидной познавательной целью.

Писательница затронула, однако, лишь самую малость чрезвычайно богатого пласта народной культуры – мира нечеловеческого, но очеловеченного, одновременно неведомого и знакомого, страшного и полезного, чужого и своего. Здесь мы остановимся на некоторых аспектах процесса взаимовлияния, взаимообогащения литературы и фольклора, поскольку народные верования, обряды, предания, суеверия, заговоры, составлявшие неотъемлемую часть традиционной культуры, базировавшиеся на представлении о существовании параллельного человеческому миру круга нечистых духов, одушевленных сил природы, которые проникли и на страницы литературных произведений.

В процессе развития русской литературы многие писатели, поэты, публицисты занимались также фольклорной практикой, т. е. собирательской работой, дополнявшей и обогащавшей их литературное творчество. Такие писательские коллекции пополняли собрания известных фольклористов, этнографов. Особенно плодотворной эта традиция была для XIX века, когда создавались хрестоматийные сборники, начиная с первых работ Владимира Даля (*Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским, 1832*), сборников народных песен Петра Киреевского (с 1847 г.), Павла Шейна (*Русские народные песни, 1868*) и других исследователей фольклора. Огромное влияние на развитие литературы оказали основные

---

¹⁵⁶ Название *Панаруда*, по одной из версий произошло от имени славянской богини Перперуны-Додолы. В поздних болгарских фольклорных ритуалах сохранилась память божества дождя Пеперуна, происходящие, по мнению некоторых славистов (В. Иванов и В. Топоров), от имени славян бога Перуна (у болгар Пырин), откуда могла проникнуть в название народного ритуала у молдаван и румын. У румын есть и другие названия: *Răpăruța, Rapaluga, Mama Ploii* (Мать Дождя).

труды В. Даля *Пословицы русского народа* и *Толковый словарь живого великорусского языка*, которые содержали немало сведений о народной мифологии. Особенно значимым аспектом влияния в контексте специфических характеристик прозы О. Накко является книга В. Даля *О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа* (1845–1846), где во вступлении он отмечает, что если и смотреть на поверья народа вообще как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания как значительная частица народной жизни; это путы, кои человек надел на себя – по своей ли вине или по необходимости, по большому уму или по глупости, – но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, – этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа [Даль 1989].

Также важно отметить в данном контексте рассказы-предания Владимира Даля, особенно *Упырь* (*украинское предание*) и *Сказку о похождениях черта – послушника* (*Русские сказки*, 1832), а также рассказ *Колдунья* Николая Успенского (1858). Яркие, многогранные образы народной мифологии, таинственные истории, зловещие архаические обряды – все это было привлекательными объектами для писателей не только в русской, но и в мировой литературе [История русской литературной критики 2002].

В европейской литературе еще с начала XIX века интерес немецких поэтов-романтиков к народным песням порождает подъем интереса к легендам и преданиям, о чем декларативно объявлял еще в 1808 году немецкий филолог и мифолог Якоб Гримм (Jacob Ludwig Karl Grimm, 1785–1863) [Гримм 2006, 275]. Помимо литературных обработок фольклорных легенд и преданий появляются художественные произведения, авторские легенды писателей: швейцарца Готфрида Келлера (Gottfried Keller, 1819–1890), испанца Густаво Беккера (Gustavo Adolfo Becquer, 1836–1870), француза Гюстава Флобера (Gustave Flaubert, 1821–1880), а также: бельгийского писателя Шарля де Костера (Charles Theodore Henri De Coster, 1827–1879), шведской писательницы Сельмы Лагерлёф (Selma Ottilia Lovisa Lagerlöf, 1858–1940), французского писателя Анатоля Франса (François-Anatole (France), 1844–1924), в которых используются многие черты фольклорных и религиозных легенд [Николюкин 2023].

Отметим тот бесспорный факт, что фольклорные элементы, легенды, предания и обряды обогащали русскую литературу, способствовали увеличению и разнообразию сюжетов, проникновению в литературный язык яркой, выразительной лексики.

Большое количество произведений написаны Ольгой Накко с использованием мотивов народных традиций, обычаев, включают в себя некоторые отголоски древних

суеверий и предрассудков молдаван. Мощная сила воздействия на умы и нравы простого народа вера в колдовство, мистические верования, связанные с русалками («русалии») и держащие людей в страхе, влияющие на нравственные основы человека, составляют основное содержание таких произведений, например, как *Дочь колдуньи* и *Проклятое место* [Накко 1900].

Документальная основа многих сюжетов, их географическая и топонимическая привязка, тесная связь своего творчества с местной тематикой, составляющая особо ценную его черту, подчеркивается автором постоянно и с особой настойчивостью. Приверженность к древнему пласту, сюжетам из относительно далекого исторического прошлого выделяется наличием в подзаглавиях многих произведений словосочетания «бессарабская старина».

Рассказ *Волк* – одно из лучших произведений О. Накко, в сюжете которого использован молдавский национальный обычай «пе куптьор»¹⁵⁷. По молдавскому народному обычаю, соблазненная девица может явиться в дом родителей своего соблазнителя и залезть «на печку» – «пе куптьор», что, как правило, заканчивается свадьбой. Обряд «пе куптьор» давно забыт, кроме узких специалистов о нем никто сегодня и не знает, пожалуй, его сохранение в художественной форме – настоящий подарок, сохраненной литературным наследием Ольги Накко.

Известный молдавский этнограф В. С. Зеленчук считал, что форма заключения брака «пе куптьор» имеет древние корни и является пережитком матриархата [Зеленчук 1979]. Варианты этого обычая были зафиксированы на Украине до XVIII в. Аналогичный обычай был также широко распространен в Болгарии, где он носил название «пристанка». Однако отметим, что подобная форма заключения брака все же считалась на селе позорной, родители старались придерживаться традиционного метода сватовства. В одном из ранних рассказов классика молдавской литературы Алексея Матеевича *Осень* (1906) также упоминается обычай «пе куптьор». Современные этнографы отмечают, что такого рода обычай в XIX в. существовал и на юге Украины. Аналогичные свидетельства доводилось слышать и в современном пересказе молдавскому этнологу В. Степанову во время экспедиции в украинские села в северных и восточных регионах Республики Молдова [Степанов, 2010]. Выдающийся литературовед, академик К. Попович также упоминает об использовании сюжета «пе куптьор» украинской писательницей А. Сфеклой [Попович 1998, 216–221].

Интересно, что в рассказе Ольги Накко *Волк* дана трактовка обряда, уже трансформированная во времени, носящего достаточно условный характер. Накко

---

¹⁵⁷ Накко О. *Волк*. В: Ижболдина И. *Живая старина в произведениях русских литераторов Бессарабии*, Кишинев, 2012, с. 62–76.

использует общие рамки обряда для раскрытия национального характера: Замфирица – довольно избалованная девушка, «дочь богатых крестьян» забралась на печь к леснику Георгию из хитрости, без особого повода с его стороны. Просидев 5 дней на печи, ловкая девица добилась свадьбы, обеспечив себе приличное положение. И, поскольку за ее действиями стоял хитрый расчет (а не любовь), она не стала счастливой. Спустя время Замфирица, бросив мужа и детей, ушла к прежнему возлюбленному куконашу Нике (боярскому сыну) и зажила при нем в неге и достатке. Прожив два года в невыносимом горе, лесник Георгий не выдержал и расправился с молодым баринем Нику: завез его глубоко в лес и привязав к дереву оставил на растерзание волкам. Замфирицу же изгнали из села, от нее отказалась даже Докица – родная мать.

Рассказ О. Накко был опубликован в 1889 году, а через несколько лет классик украинской литературы Михаил Коцюбинский, также побывавший на юге Бессарабии, вслед за Накко, написал небольшой рассказ *Пе-куптьор* (1896) – бытовую зарисовку из жизни молдавских крестьян¹⁵⁸. Рассказ написан на украинском языке, но в основе его – все тот же молдавский обряд. Накко использует общие рамки обряда для раскрытия национального характера, Коцюбинский – как сюжетобразующий элемент, обрисовав романтическую коллизию. Есть большая доля вероятности, что Коцюбинский был знаком с рассказом О. Накко, и при написании своего рассказа нарочито оставил константной канву обряда «пе куптьор», зеркально изменив сюжет.

Непосредственное обращение автора к окружающей действительности подчеркивается словом *жизнь* в различных сочетаниях: Повестушка из бессарабской жизни (*Почему нет?*), Рассказ из жизни... (*Как разбогател Танас Фоя*), Из жизни поселянина... (*Норок*), Очерк из народной жизни. (*Папаруда*), Из жизни голодающих крестьян... (*Свидетель*). Апогеем можно считать подзаголовок к последнему сборнику *Бессарабских очерков и рассказов* Накко: *Сцены из жизни голодавших поселян* (1913). Еще более красноречиво дополнительное название рассказа о слепой девушке *Во тьме*: *Капля в море человеческой скорби*. Чтобы окончательно убедить читателя в том, что рассказанное им не выдумка, а действительный жизненный факт, случай, происшествие, автор нередко дает точные географические координаты. Например, действие в рассказах *Как разбогател Танас Фоя*, *Норок*, *Папаруда* происходит в Измаильском уезде, входившем тогда в состав Бессарабии. Документальностью, максимальным приближением к фактам, событиям и

---

¹⁵⁸ М. Коцюбинский в 1892–1896 гг., составе Одесской филоксерной комиссии, некоторое время работал в бессарабских селах, что дало ему материал для написания цикла молдавских рассказов: *Для общего добра*, *Пе-куптьор*, *Дорогой ценой*.

явлениям окружающей действительности объясняется и оправдывается наличие в подзаголовках многих произведений и в названиях отдельных изданий слова *очерк*.

Но какое бы слово ни фигурировало в подзаголовках очерков и рассказов писательницы: *старина, жизнь, предание, быль* – абсолютное их большинство обладает одним общим и бесспорно ценным качеством: им присуща острая социальность. Это обусловлено характером русской литературы рассматриваемого периода в целом. Пропасть непонимания, разделяющая народ и образованное общество, особенно угнетала литераторов второй половины XIX столетия, и произведения из простонародного быта нередко рассматривались как одна из возможностей преодолеть это непонимание, как первая ступень в процессе приобщения народа к современным достижениям науки, техники, искусства. Через познание крестьянской России к ее просвещению – такую цель ставили перед собой лучшие русские интеллигенты, верившие в благородную миссию «хождения в народ». Социальность рассказов и очерков Ольги Накко была обусловлена в большей степени именно такими побуждениями¹⁵⁹. Лучшие ее очерки и рассказы, посвящены изображению тех или иных сторон жизни социальных низов Бессарабии. В таких произведениях О. Накко очень мало светлых, радостных красок. Вместе с тем, в погоне за убедительной достоверностью в определенной части таких «историй», авторский стиль писательницы страдает неровностью и противоречивостью.

Такова общая обзорная характеристика аксиологических особенностей прозаических текстов Ольги Накко, главная семантическая задача которых, по замыслу автора, – передать уникальный бессарабский колорит уходящей эпохи, поскольку именно широкое использование писательницей бессарабских реалий является важной качественной составляющей ее литературного наследия. В то же время необходимо отметить, что задавшись целью описать быт и нравы, царившие в Бессарабии в XIX столетии, О. Накко особенно тщательно акцентирует внимание на этнографических деталях, описаниях обычаев и обрядов, иногда даже в ущерб литературной целостности, жертвуя художественной образностью в угоду идейно направленной достоверности.

---

¹⁵⁹ Подобные взгляды не раз подвергались критике, например, Иван Бунин в споре с идеологами «розового» народолюбия нарочито подчеркивал косность, агрессию и моральную деградацию современного ему крестьянина: ничего иного не может произойти с «земляной личностью» в условиях резкого распада прежнего социально-экономического уклада, в условиях «падающей деревни» (Фридлендер, Б. Ф. *История русской критики*. М., 2002, с. 23).

3.5. Система художественных персонажей в рассказах О. Накко «Виктор Белиш», «На базаре», «На мамалыге», «В тисках нужды», «Свидетель», «В бессарабской глуши»

Рассматривая особенности художественного сознания, мы лишь коснулись одного из главных элементов поэтики О. Накко – системы художественных образов. Основным предметом изображения в художественной литературе является человеческая жизнь, а также все явления действительности, воспринятые под углом зрения человеческой жизни. Тем самым мы от общего понятия человека как предмета изображения переходим к более конкретному и историческому понятию характера. Характер – это определенный тип общественного поведения человека. Это – личность, характеризующаяся присущими именно ей мыслями, переживаниями и поступками. Это – человек в его конкретном, историческом, неповторимом проявлении, обусловленном именно данными историческими условиями. Анализируя характеры, мы и получаем возможность исторического подхода к искусству и в частности к художественной литературе, потому что характер есть историческое явление с только ему присущими чертами и свойствами. Тем самым характер в реалистическом искусстве становится типическим, типом. Закон типизации точно также является общим законом развития реалистического искусства и опять-таки функциональным, поскольку типическое проявляется всегда как историческое, как обобщение именно данных исторических закономерностей.

Учение о типическом – одно из основных положений материалистической эстетики. Типическое это то, в чем выразились закономерные, основные черты общественных отношений. И. В. Гёте видел задачу поэта в умении схватить особенное и, поскольку оно содержит в себе нечто здоровое, воплотить в нем всеобщее [Гёте 1969, 346]. Было бы неверно полностью и безоговорочно делить характеры, созданные писателем на типические и нетипические. Типичность как тенденция присуща всякому характеру, создаваемому писателем-реалистом; во всяком характере имеются элементы обобщенности, всякий характер, так сказать, находится на дороге к типу.

В очерках и рассказах Ольги Накко, рассматривая их как целое, мы найдем характеры весьма различные по своему типическому значению.

Типичны характеры бессарабских помещиков: супруги Иглины (*Проект-мечта*), создающие благотворительное общество, проникнутые убеждением, что для доброго дела нужны не деньги, а только личное участие [Накко 1912, 31]. Богатая землевладелица Кира в рассказе *Против течения*, ведомая по жизни исключительно «передовыми идеями» выписана автором нарочито схематично [Накко 1900, 349].

Типичны «светлые образы» губернских чиновников: «честный чиновник» Разуменко (*Сказка про Максима Платоновича*), считающий, что «люди по природе своей честные и справедливые», в наивной вере только в светлое начало в человечестве, он доходит до абсурдных сравнений, называя пороки «подобные самоцветным драгоценным камням, попадающим в мусоре человеческих существований» [Накко 1900, 217]. Кишиневский чиновник Аркадий Петрович Грумин (*Не в бровь, а в глаз*), одержавший большую моральную победу над кротостью собственного характера [Накко 1900, 45] и пр. Но, вместе с этим доброхотным идеализмом их идейная позиция выписана автором нечетко и остается неубедительной.

Точно так же в рассказе *Виктор Белиш. Бессарабский магнат* [Накко 1900, 65], повествующем историю жизни, взлета и падения реально существовавшего бессарабского дворянина, знатного представителя известной бессарабской семьи Егора Бальша, ярко и достоверно изображен ряд положительных свойств человеческого характера применительно к данной исторической обстановке и данному классу, но не хватает социальной привязки, критического отношения к его идейным интенциям.

Достаточно типичными изображены многочисленные крестьянские образы, но и в них недостаточно романтизации, стереотипности, они зачастую статичны и несут лишь задаггую автором смысловую нагрузку.

Следует также оговорить и то, что вопрос о типическом решается различным образом в процессе развития истории литературы. В литературоведении не всегда учитывается сложность реалистического типа – персонажа. Обычно тщательному разбору подвергаются особенности его мировоззрения. Однако, не менее важно рассматривать нравственные черты и переживания героя, ведь только тогда возникает целостный человек во всей своей сложности и противоречивости. Если писатель-реалист изображает людей бедной душевной жизни, то и воссоздание внутреннего мира такого персонажа не может быть многосторонним, но в этом повинен не метод, а характер изображаемого объекта.

Например, характеру Нии (Ксении) *Дочь колдуньи* свойственны чуткость и глубина¹⁶⁰, О. Накко последовательно рисует духовную трансформацию девушки: от веселой беззаботной сельской красавицы, верившей в колдовские чары – через нравственные страдания – к божественному откровению и очищению от мирского. В самый трудный момент жизни, когда позор и травля односельчан могли привести ее к гибели, Ния находит для себя спасение: «Я крепко зажмурила глаза, – рассказывает девушка, – и все представляла себе вот эту нашу икону Божьей Матери, мысленно стояла перед нею на

---

¹⁶⁰ *Дочь колдуньи*. В: Накко. *Рассказы*. Одесса, 1912, с. 53.

коленях, усердно моля ее научить меня, что мне теперь делать; все рыдала и молилась, пока не заснула. И вдруг мне приснилась эта икона, но не такая маленькая, как она есть, а во весь рост. Матерь Божия стояла передо мной, как живая, поманила меня рукой и сказала: «Иди ко мне! Я бросилась ей в ноги, да так ударилась головой об наш старый плуг, что проснулась. С этой минуты невыразимая радость наполняет мое сердце, печаль как рукой сняло. Тотчас после пробуждения я решила пойти в монастырь. Вы не поверите, мама, как у меня теперь спокойно на душе! Ничего я не боюсь, ничего мне не стыдно, ничего мне не надо!.. Видно, Матерь Божия со мной»¹⁶¹. Однако в этом же повествовании психологическая характеристика других персонажей однолинейна: иной она и не могла быть, ведь сюжет этого предания лишь возможность, повод, позволяющий автору, с установкой на достоверность передать фольклорный нарратив народного предания, а также засвидетельствовать «нравственно-умственное развитие бессарабской деревни».

Художественные образы О. Накко интересны прежде всего как объекты социально-этнографической фиксации. В одних воссоздается отживающее, уходящее навсегда от автора прошлое, которое идеализируется по определению.

Необходимо отметить, что не все персонажи являют собой литературные типы сходящей с исторической сцены бессарабской старины. Есть небольшая категория персонажей, характеризующих собой новое, лишь входящее в жизнь начало, характеризующее прогрессивные тенденции ее развития, как правило, приходящие к этому трудным путем ресоциализации. Таковыми в системе образов писательницы являются дворянские персонажи, помещики, идущие курсом от отрицательного героя к положительному.

Характерным для бессарабского дворянского типажа, комплексно отражающего все аспекты самобытной бессарабской действительности (этнические, ментальные, социальные характеристики), является «молдаванин по происхождению и француз по воспитанию Виктор Белиш», герой одноименного рассказа *Виктор Белиш. Бессарабский магнат*¹⁶². Прототипом героя являлся Егор Бальш – бессарабский помещик и меценат, известный своей благотворительной деятельностью [Garusova 2018, 188–194]. Так, например, исторический факт, что первый детский приют в Бессарабии был основан в 1845 г. Егором Александровичем Бальшем. Имя его в рассказе было не сильно изменено автором и узнаваемо, что еще раз наглядно демонстрирует скрупулезность Накко в отношении к

---

¹⁶¹ Там же, с. 60.

¹⁶² *Виктор Белиш. Бессарабский магнат*. В: О. Накко. *Бессарабские очерки и рассказы*. Одесса, 1900, с. 46.

достоверности описываемых персонажей и фактов, но сюжет истории Виктора Белиша, описанный О. Накко, – это конечно же предмет художественного вымысла.

Виктор жил роскошной веселой жизнью, в то время как мать его оставалась в Париже. Далее эта женщина с железной волей, перед которой все преклонялись, нарочно услала сына в Вену, где его никто не знал». Молодой человек поневоле должен был ограничиваться рентой, которую получал из дома каждые два месяца». Однако, Виктор жил празднично и загульно, сорил деньгами и, в конце концов, оказался в бедственном положении. Затем – получил наследство, переехал в Яссы, где продолжал загульную жизнь. После этого – женился и переехал в Петербург, где его поглотила «рассеянная светская жизнь с огромным кругом знакомых».

Виктор Белиш обзавелся детьми, но, когда его постиг тяжелый удар судьбы: младшая дочь едва не умерла от «воспаления мозга», оставил Петербург и переселился в Одессу, где они поначалу жили скромно и тихо. И здесь он получил удар судьбы пострашнее: его жена Христина изменила ему и была в этом уличена.

Виктор расстался с неверной женой и после долгих перепетий поселился в Бессарабии с детьми. «Он решил еще на один, последний в своей жизни, *coup d'état* (государственный переворот), как он это называл, подобный петербургскому: ликвидировать свои дела, продать одесский дом, со всем накопившимся там дорогим хламом, и переехать в Бессарабию, жить зимой в Кишиневе, а летом в деревне, одним словом, войти в те рамки жизни, в которых существовали в то время богатые бессарабские помещики, казавшиеся ему все-таки пигмеями в сравнении с ним»¹⁶³.

И в результате череды жизненных уроков, из праздничного гуляки, прожигателя жизни, он превращается в образец прилежного помещика: «Живут же люди так, да еще считают себя счастливыми»¹⁶⁴, думал он, и всеми силами старался стать на их точку зрения и, хоть на старости лет, сделаться практичным. Но практичность решительно не давалась ему, не вязалась с его складом ума.

Вместо того, чтобы самому заняться продажей одесского дома, он поручил это новому поверенному, юркому молодому человеку из русских чиновников, ровно ничего не смыслившему во всякого рода ценных вещах, которыми был переполнен этот дом. Поэтому за имущество, стоившее по крайней мере полмиллиона (считая все в полцены) выручено было едва полтора-два тысяч.

Кишиневский дом Белиша (теперь принадлежал богатому купцу-еврею) был отделан и меблирован комфортабельно и прилично, но уже совсем просто. Точно так же был

---

¹⁶³ Там же, с. 106.

¹⁶⁴ Там же.

приспособлен деревенский дом в одном из его имений, где он проводил «летние месяцы в последние годы своей жизни».

Здесь автором обрисована вполне бытовая, типичная для образа жизни бессарабского дворянства ситуация.

Также характерна для авторского стиля развязка данного сюжета, где раскаявшийся герой, после прозрения обретает новый мир и счастье: «Когда новый образ жизни поставил его лицом к лицу с интересами народа и страны, в которой теперь он жил и которую вдруг полюбил, ему стало досадно совестно, что он так бесполезно прожил свою жизнь, не сделав ничего хорошего для страны, давшей ему такие огромные средства для всевозможных прихотей. И на склоне дней своих он увидел и познал новый мир, прежде для него не существовавший. Недовольство собой от сознания бесполезно прожитого времени и своего ничтожества в интересах народной жизни, было каплей горечи, переполнившей его душу. Если бы он еще пожил хоть десяток лет, то, конечно, додумавшись до того, что следовало ему делать, стал бы полезным членом общества и мог бы еще сделать много хорошего, будучи человеком с такими редкими душевными и умственными качествами»¹⁶⁵.

Надо отметить, что характеры в системе образов О. Накко довольно линейны, но все же это не случайное сочетание человеческих черт и свойств, характеры являются определенными индивидуальностями. Такой индивидуальностью каждый характер предстает благодаря тому, что писательница раскрывает в нем ведущее качество, сообщаемое всем его чертам, живое единство. Изображение ведущего качества характера имеет в литературных текстах Накко особое значение. Именно благодаря ему назначается автором определенный (этнографический, этологический или социальный) смысл образов действующих лиц. В произведениях О. Накко, особенно в ее *Бессарабских очерках* прослеживается изображение исторической действительности Бессарабской губернии в России XIX столетия.

Зачастую повествовательной палитре произведений О. Накко мало светлых, красочных описаний, за исключением рассказов, транслирующих описания обрядов, как например, очерк *Панаруда*, описывающий древний обряд вызывания дождя, главной коллизией которого является любовь двух молодых людей. «Наступило долгожданное воскресенье. Около полудня посреди деревни послышались звуки деревенского оркестра – скрипки и кобзы, призывающего молодежь на *жок*; народ – и стар и мал – стал понемногу собираться туда. Несколько парней уже начали сами национальный танец в ожидании девушек, которые появляются со всех сторон группами, по три, четыре и более и садятся на

---

¹⁶⁵ Там же, с. 108.

траву в некотором отдалении от музыкантов». Далее текст содержит подробное описание самого обряда и заканчивается на светлой эмоциональной волне: «Счастливая у нас была Папаруда! – говорят поселяне, глядя на небо и радостно приветствуя давно желанный дождь»¹⁶⁶.

О том, что Ольга Накко относится, безусловно, к писателям реалистического метода показательно говорит наличие значительного количества произведений, типизирующих жизнь простого молдавского народа, где, как правило, выписаны образы представителей крестьянской бедноты. Отдельным значительным циклом тематики «Из бессарабской старины» выступают сюжеты, посвященные изображению бедственного положение социальных низов населения Бессарабии. Страшным бедствием, настоящим бичом для деревенской бедноты автором показан голод как результат частой засухи – особенно на юге Бессарабии. Этой трагической теме целиком посвящены рассказы: *На базаре*; *На мамалыге*; *В тисках нужды*; *Свидетель*; частично – *В бессарабской глуши*. Читателя по-настоящему потрясают драматические сцены и события, имеющие место на одном из базаров: «В одной стороне обширной площади столпились повозки с разной рухлядью: коврами, подушками, одеждой, мешками с овечьей шерстью, свертками домашнего полотна, сырыми кожами и тому подобным скарбом. Исхудалые лошади почти все лежали возле повозок; между ними кое-где выглядывали белые головы бычков и телят. Все это было последним достоянием поселян из голодающих деревень, застигнутых последним неурожаем зерна и трав. Лет пять тому назад был тоже полный неурожай, многие еще не совсем оправались от этого бедствия, как разразилось другое, такое же ужасное, и повергло население в полную беспомощность»¹⁶⁷. В рассказе показана целая галерея отверженных, автор с глубокой болью рассказывает о видимых и невидимых миру слезах. «Бедный люд», в основном, как подчеркивает автор, молдаване, «вывез на базар последнее свое богатство: подушки, ковры, отрезки материи и др.». Торгующие и покупающие показаны писательницей как два враждующие лагеря, как грабители и их жертвы. «Но вот нахлынули покупатели, и начался торг, самый безжалостный, бесчеловечный, бессовестный торг-грабеж. Люди сытые, зная безвыходное положение голодающих и нуждающихся в деньгах, соблазняли их рублями за вещи, стоящие десятки рублей. И несчастные, с болью в сердце и со слезами на глазах, после долгих переговоров, отдавали их за предлагаемую ничтожную цену. Покупали ради дешевизны, ради возможности иметь хорошие вещи почти даром. Когда-нибудь, мол, пригодится»¹⁶⁸. С глубоким сочувствием показаны старик Афанасий (он торгует дровами),

¹⁶⁶ Папаруда. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 32.

¹⁶⁷ *На базаре*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 83.

¹⁶⁸ Там же, с. 84.

делящий со своими голодными, измученными лошадами последнюю мамалыгу, молодая женщина-солдатка Марица, в страшной нищете дошедшая до полного отчаяния и вынужденная подбросить своего истощенного голодом грудного младенца богатым, но бездетным горожанам: у нее он все равно бы умер с голоду, а там, может быть, он останется жив и будет богатым...». Рассказ заканчивается эпизодом, композиционно и сюжетно не связанным с основным текстом: пресыщенные городские дамы в циничных, оскорбительных выражениях рассказывают друг другу о том, как они за бесценок покупали на базаре дорогие вещи. Свидетелем этой отвратительной сцены стала молодая девушка. Именно для нее заботливая мамаша приобретает у бедных, несчастных молдаванок ковры, подушки, материю, но ради нее же автором придуман этот заключительный эпизод: ее устами, через ее отношение к происходящему автор выражает свое отношение, свою позицию. В знак протеста против жестокости и цинизма взрослых молодая девушка демонстративно направляется в другую комнату – она не может слышать, как хладнокровно рассказывают подобные вещи, да еще и смеются: «Тут надо бы плакать, а не смеяться, до того это возмутительно». Заключительная фраза, идущая от автора и звучащая как настоящий приговор, поражает тонкостью художественных деталей, психологической достоверностью, умением автора создавать подлинные образы с помощью самых лаконичных изобразительных средств. «Девушка ушла, а мать проводила ее вопрошающими, широко раскрытыми, красивыми, но такими глупыми-глупыми глазами!»¹⁶⁹.

Нравственный суд, таким образом, совершен. Автор в лучших традициях народнической литературы, с позиции социально-экономической обусловленности, совершает акт возмездия богатым за унижение и муки бедных. И здесь уместно вспомнить теоретика утопического социализма Н. Г. Чернышевского, идеи которого были очень популярны в кругу русской интеллигенции этого периода: «Жизнь и славу нашего времени, – заявлял Чернышевский, – составляют два стремления, тесно связанные между собою и служащие дополнением одно к другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни» [История русской литературной критики 2002, 146].

Та же трагедия голода лежит в основе рассказов *На мамалыге*, *В тисках нужды*, *Свидетель* (последний имеет красноречивый подзаголовок: «Из жизни голодающих крестьян Бессарабской губернии»). Причина трагедии – прежняя: страшные последствия губительной засухи, столь характерной для южных районов тогдашней Бессарабии, где разворачиваются драматические события в большей части произведений с мотивом голода.

---

¹⁶⁹ Там же, с. 109.

Другими являются на этот раз действующие лица народной трагедии, содержание ее актов. Названными произведениями писательница значительно обогащает свою «галерею отверженных» новыми персонажами, новыми образами, расширяя тем самым угол зрения на окружающую жизнь. Восполняется иными деталями, новыми сторонами сама картина голодающей крестьянской бедноты.

Название бытового очерка *В тисках нужды* вполне применимо и к остальным упомянутым произведениям как служит главной характеристикой их основного содержания.

В семье Луки и Марицы Унгурян четверо детей, один только что родился. «В доме ни корочки хлеба, ни денег. Еще с начала осени они продали все, что могли, чтобы сохранить скот, в надежде, что осенью пойдут, наконец, дожди и появится трава. Надежды их не сбылись. Тогда пришлось продать и лошадей, и коров, продать почти задаром». Такова экспозиция рассказа *На мамалыге*¹⁷⁰. Весь его трагический смысл сводится к тому, что любой ценой нужно сохранить до весны семенное зерно кукурузы. Этой дорогой ценой оказалось решение главного члена семьи, Луки Унгуряна, о том, что он, в целях экономии кукурузной муки, будет есть только мамалыгу только один раз в день и только через день. Автор с большими подробностями рассказывает о мучительном пути супругов Унгурян к такому жуткому выходу из безвыходного фактически положения.

Документально точно, географически определенно обозначено место действия в рассказе *В тисках нужды*, который сама автор определяет как «бытовой очерк». Страшным бичом нищеты и голода разбросана в разные стороны, разрушена семья Градинар. Причина гибели и этого бедняцкого гнезда опять – засуха: «В числе многих сел Аккерманского уезда бедствие полного неурожая и голода постигло молдавское село Врагиены наполовину населенное бедняками, – так начинается грустное повествование о семье Градинар. – Приуныли бедняки. Не успели они оправиться от бывшего три года тому назад неурожая, как опять нагрянуло то же мучительное бедствие. <...> Измученный, голодный скот бродил по выжженному полю, поднимая страшную пыль, в поисках какого-нибудь сухого корешка. Начался падеж и вследствие этого – продажа скота за бесценок»¹⁷¹. Глава семьи Гораш «один из первых продал своих кляч за стоимость одной их кожи. Бойню устроили за ближайшим местечком; там, на базаре, купцы нанимали людей, которым поручали убивать купленных лошадей и сдирать с них кожу. Туда, на пустынный выгон, сбегалась на пир

---

¹⁷⁰ *На мамалыге*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 56.

¹⁷¹ *В тисках нужды*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 64.

масса голодных собак». Трагедия людей, таким образом, многократно усиливается трагедией животных: голод безжалостен в одинаковой степени и к тем, и к другим. Стихийное бедствие, которое никак не связано с общественным порядком вещей, возвышается до уровня острейшей социальной проблемы в силу того обстоятельства, что от голода, вызываемого частой засухой, страдают, прежде всего, бедные слои сельского населения, вернее, только они.

И в этой точке проблема засухи и голода неминуемо пересекается с другой, теснейшим образом связанной с первой: это, как нетрудно догадаться, проблема земли, точнее – малоземелья и безземелья. Засуха, понятное дело, с той же беспощадностью поражала и зажиточных поселян, но это к трагедии голода не приводило – у них было много земли, имелись запасы продовольствия с прошлых лет. Старая, как мир, проблема землевладения, можно сказать даже – «власти земли», является главной причиной трагедии Мариоры Боцулян и Анания Окилара (рассказ *В бессарабской глуши*). Сердцевина сюжета – принудительная женитьба Анания, сына богатых, но многодетных родителей, на некрасивой и глупой, по оценке жениха, дочери горького пьяницы Михалаки Боцуляна; Мариора к тому же «нехозяйка» (по словам самого Анания), зато приданое ее измеряется восемнадцатью десятинами земли. Получается, что Ананий женится не на Мариоре, а на ее земле. Уже в самом этом факте заложена будущая драма молодой семьи, неизбежность ее распада. Жажда земли показана в рассказе как разрушающая сила, в борьбе за приумножение богатства калечатся человеческие судьбы, гибнут невинные люди¹⁷².

Так же, как и в румынском т. н. физиологическом очерке, в данном цикле рассказов Ольги Накко вырисовывается социальный контраст, создающий неразрешимый острый конфликт (*Кир Христо и Кир Янаки. Эскиз из бессарабской старины*).

Итак, в данном цикле остросоциальных рассказов (которые сама писательница называла «бытовыми» рассказами) выделяются две группы персонажей. К первой группе – относятся многочисленные крестьянские персонажи, освещаются проблемы бессарабской деревни XIX в. Эти образы воплощают высокую оценку нравственных качеств «доброе нашего народа», которые «несмотря на тяжелые условия жизни», «сохранили теплое человеческое сердце, светлый разум, внимание к людям». Ко второй группе относятся т. н. «обиженные и угнетенные» – беднота, (этими персонажами усиливается воздействие темы рабства, забитого, бесправного и безнадежного существования крестьян). Демократический

---

¹⁷² *В бессарабской глуши*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 20–84.

характер реализма О. Накко проявился в том внимании и уважении, с которым она показывала жизнь простых людей, драматическую судьбу маленького человека.

В произведениях подобного жанра четко просматривается типологическая обобщенность, что, несомненно, снижает их художественное значение, но таковы особенности физиологического очерка, в рамках которого написаны представленные рассказы Накко: «кратко описанные бытовые явления, имеющие цель воспитать в народе нравственность и гуманизм» [Гусева 2012, 14].

Надо отметить, что система художественных персонажей несет на себе отпечаток сопричастной теплоты авторского отношения. Художественные персонажи в прозе Накко – явление жизни, но переплавленное в горниле творческого сознания писательницы, вновь созданное в соответствии с ее эстетическим идеалом. Поэтому и степень воздействия сильнее, чем та действительность, которая стала предметом художественного изображения. В нем заключено только необходимое, служащее высоким эстетическим целям. Художник в процессе творческой работы совершает своеобразное открытие мира.

Благодаря своей наблюдательности, эстетической чуткости он открывает и обобщает в образах такие стороны жизни, которые часто ускользают от взгляда неискушенного наблюдателя [Гуляев 1985]. Так, в персонажах художественных очерков Ольги Накко в характерной для стиля писательницы сочувственно-назидательной тональности выражена сущность и общественное значение определенного типа людей.

Типизация, как правило, сопровождается усилением сущности воспроизводимых явлений, что придает им большую эмоциональную выразительность. Подобный способ вытекает из самой природы художественного творчества, которое представляет собой борьбу за утверждение прекрасного или отрицание безобразного. «Искусство ставит своей целью, – писал большой мастер очерковой прозы Максим Горький, – преувеличивать хорошее, чтобы оно стало еще лучше, преувеличивать плохое – враждебное человеку, уродующее его, – чтоб оно возбуждало отвращение, зажигало волю уничтожить постыдные мерзости жизни, созданные пошлым, жадным мещанством. В основе своей искусство есть борьба за или против, равнодушного искусства – нет и не может быть, ибо человек не фотографический аппарат, он не «фиксирует» действительность, а или утверждает, или изменяет ее, разрушает» [Горький 1955, 445].

Делая выводы, подытожим. В сюжеты рассказов О. Накко введено большое количество персонажей из простого народа, но многие из них развернуты в исключительно яркие полновесные художественные образы. Следовательно, в творческом наследии О. Накко можно выделить в особый цикл очерки и рассказы, написанные на основе сюжетов

и мотивов, свидетельствующих, по словам писательницы, «о нравственно-умственном развитии бессарабской деревенской массы».

Главную свою задачу при создании таких произведений автор видел в «лепке» национального характера при помощи начертанной самим же народом «самохарактеристики» в форме суеверий, преданий, обычаев, легенд, обрядов и т. д.

В повышенном внимании к данной категории бессарабской тематики, содержащей многие типологические черты духовного склада молдавского народа, логично усмотреть недостаточное знание русской писательницей, выросшей в другой национальной среде, глубинных, сложных и противоречивых процессов социальной действительности тогдашней бессарабской деревни, изображение которой и составляет содержание названных выше произведений: готовые блоки-клише, как можно было бы назвать молдавские народные предания, обычаи, суеверия, говорили читателю о народной жизни, коллективной психологии и нравственности гораздо красноречивее, чем любое пространное повествование в прозе или стихах, написанное поверхностно, без органического постижения молдавских национальных реалий.

Однако нужно помнить о том, что художественный образ несет в себе обобщение, что, по мнению исследователей это конкретная и в то же время обобщенная картина человеческой жизни, созданная при помощи вымысла, и имеющая эстетическое значение [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001]. Художник всегда, так или иначе, опирается на факты, но не становится их рабом. Ведь история литературы свидетельствует, что реализм исходит, прежде всего, из сущего, а не из должного. Свои идеалы он не навязывает действительности, а берет их из нее самой.

Образы Ольги Накко – частица той жизни, из которой они почерпнуты. Эстетический идеал писательницы неразрывно связан с важнейшей задачей – художественным воссозданием картины жизни. Это основа эстетического отношения реалистического искусства к действительности. Для реалиста прекрасное в искусстве – жизнь, отраженная правдиво. Красота в реалистическом искусстве есть истина жизни, воссозданная в адекватной и совершенной художественной форме. Так как предмет поэзии – истина, то величайшая красота заключается именно в истине и простоте, а правдивость составляют необходимое условие и естественность истинно художественного творчества.

Громадную роль в творчестве Ольги Накко сыграет ее жизненная практика, работа в народных школах в сельской глубинке. Во-первых, как соединение непосредственности созерцания с практическим опытом исторического процесса. Во-вторых, как слияние личного и социального, индивидуального и общественного в художественной деятельности. В-третьих, как единство отображения действительности, духовного и

практического в реалистическом художественном процессе. Следовательно, в художественных образах-типах, созданных Ольгой Накко проявляется общечеловеческое в его конкретной национально- и социально-исторической форме (место, время, среда) и индивидуальном выражении (характер).

Таким образом, завершая обзор системы художественных персонажей Ольги Накко, мы подчеркиваем ее реалистический характер. Как известно история реализма в мировой литературе неразрывно связана не только с развитием социальной действительности как объективной и определяющей основы всякого искусства, но и с развитием представлений и понятий о человеке, обществе, процессе их жизни. Они были многообразны и изменчивы, но в смене множества конкретных представлений, связанных с развитием общественной жизни нетрудно проследить устойчивость и повторяемость некоторых из них. Это признание многосторонности характера, обусловленность взглядов и поступков человека окружающей его действительностью, общественной средой, обстоятельствами его жизни и прочее, наконец, понимание неизбежности изменения человека и общества и, следовательно, достоверно выраженная художественными средствами действительность в этносоциальной системе своего времени – человека и общества – основная задача, которую Ольга Накко реализовала в системе художественных образов своих произведений.

3.6. Художественная картина бессарабского мира в повести «Баймачаны»

Рассматривая жанровую природу творчества Ольги Накко, отметим что, в контексте общеевропейских процессов усложнения социальной жизни, по мере нарастания буржуазных отношений, происходит расширение и углубление художественно-познавательных возможностей литературы. Это обуславливает стремительное распространение в области художественной прозы жанров рассказа, очерка как формы, свидетельствующей об умении художника выделить из общего потока обыденной жизни отдельный момент, что нашло отражение в творчестве О. Накко. Бессарабская писательница, как и большинство русской творческой интеллигенции, сочувственно относилась к проблемам простого народа, проблемам «маленького человека», раздавленного социальной несправедливостью.

Самое крупное по объему текста произведение О. Накко – повесть *Баймачаны* имело своим предметом правдивое отражение окружающей действительности. Представляя собой синкретическое единство беллетристики и публицистики, она явилась откликом на очередные острые вопросы момента, отражала недавние, текущие для автора события.

Поскольку это не просто самое объемное, но и одно из наиболее удачных произведений О. Накко, заслуживает подробного рассмотрения.

В целом повесть *Баймачаны* характеризует относительно медленное развитие действия. Неутолимая жажда богатства, слепая, неуправляемая страсть к земле безраздельно управляют помыслами и поступками главной героини повести *Баймачаны*. Параскица так и не приходит к осознанию нелепости и абсурдности своих стремлений и поступков, напрасно прожитой жизни, извращенного понимания ее ценностей. Но именно эта печать преходящего, ее стремления к наживе особенно ясно выделяется на всем ее жизненном пути. И только упрямый характер данного персонажа, страх перед самим собой удерживает его от признания полного своего краха как человека, как личности.

Общую динамику повествования *Баймачан* отличает ровный темп, более или менее равномерное распределение сюжетного напряжения по ряду моментов и относительная простота композиции, как и в прочих произведениях Ольги Накко. Однако, по сравнению с рассказом, это более емкая форма, поэтому число действующих лиц в ней, как обычно принято, больше, чем в рассказе. В соответствии с этим сама обрисовка образов здесь непривычна для характера образной системы автора, они выписаны ярче и позволяют глубже взглянуть на события, происходящие с персонажами.

Села Сарничены и Файнешты в двадцатых годах XIX века еще составляли одно громадное поместье, принадлежавшее боярину Санду Баймачану, впоследствии разделенное им между старшей дочерью Параскицей и сыном Карпом. Так как усадьба старика находилась в Сарниченах, то эта часть досталась сыну, а Параскица, по выходе замуж, построила в Файнештах новую усадьбу и поселилась в ней. «Брат и сестра проживали жизнь в своих поместьях, они были трудолюбивы, держали в большом порядке свои обширные хозяйства, но были скупы и страшно жестоки в обхождении с крепостными цыганами и работниками из молдавских крестьян»¹⁷³.

Таков зачин, такова экспозиция. Крайне важным для дальнейшего развития событий является указание автора на первой же странице, что Карп холост, а у его сестры – восемь детей. Этот факт, на первый взгляд обычный и даже банальный, играет роль той скрытой пружины, которая долгое время будет определять характер взаимоотношений между родными по крови братом и сестрой, а впоследствии сделает их непримиримыми врагами.

Параскица всячески поддерживает холостяцкую жизнь брата с тайной целью и надеждой, что рано или поздно его имение достанется если не ей, то ее детям. Эта надежда,

---

¹⁷³ *Баймачаны*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 141

эта цель движет всеми ее действиями, поступками, помыслами, становится смыслом всей ее жизни.

Параскица – настоящая гроза для Сарничен, ни один ее приезд в усадьбу брата не обходится без слез ее обитателей, без издевательств и истязаний прислуги. Карп в своей душе доволен этим, он фактически добровольно уступил сестре не только хозяйственные, но и «репрессивные» функции. За умение держать подчиненных в постоянном страхе Карп «чрезвычайно уважал сестру». Атмосфера всеобщего страха в каждый приезд Параскицы в Сарничены убедительно воссоздана в следующем пассаже: «У людей вошло в привычку, проходя через двор или работая во дворе, беспрестанно взглядывать в сторону Файнештской дороги, и стоило кому-нибудь разглядеть хорошо знакомую черную точку, сползающую с черной горы, как на хуторе и в усадьбе поднималась невообразимая суматоха. Каждый хватался за какое-нибудь дело, везде поспешно убирали, выметали, мыли, терли, скребли; дети забивались под лавки или прятались в канавы, с замиранием сердца выжидая, пока не пронесется гроза»¹⁷⁴.

Мы еще не видим Параскицу в «действии», в функции жестокого надзирателя, но о черном естестве ее души можем уже теперь судить по ее разговору с братом о муже, о хозяйстве. Муж вызывает в ней гнев и возмущение тем, что не помогает ей даже в исполнении экзекуции над прислугой, занимаясь только цветами и фруктами и полностью оставляя за ней карательные функции. «Я скоро, кажется, совсем вывихну себе мозги этими подлецами», – жалуется она брату, ожидая с его стороны конечно сочувствия. И Параскица получает это сочувствие. Более того, брат ее советует ей «крепиться», ибо ей предстоит не менее жестокая расправа и над его прислугой. Она, конечно, охотно берет на себя эту грязную, черную в прямом смысле работу; жестокая расправа над беззащитными – настоящая отрада для ее глухой и слепой души. Таким образом, на данном этапе развития событий брат и сестра мало чем отличаются друг от друга. Параскица пока представляет собой воплощение жестокости и хитрости, и все это имеет единственным своим источником неодолимое желание заполучить богатство брата.

Невиданную жестокость, глубокое презрение к простому человеку Параскица проявляет в отношении главного кучера усадьбы Степана, тридцать пять лет верой и правдой прослужившего Баймачанам за ничтожное жалованье. Степан – один из русских беглых крестьян, которые в большом количестве бежали в Бессарабию от крепостного рабства из центральной России. В нем сохранилось чувство протеста и сильно сознание человеческого достоинства: уважая человека в себе, он с той же высокой меркой подходит

---

¹⁷⁴ *Баймачаны*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 138.

и к другим сельчанам, бедным и обездоленным. Порыв бешеного гнева у *куконы* Параскицы он вызывает именно уважительным отношением к двум молодым крепостным цыганам, упросившим его не заставлять их работать в праздник. Степан не просто перечит унижающей и оскорбляющей его барыне – он далеко отталкивает ее в момент попытки ударить его по лицу. «Как ты смеешь толкаться?! Ах... – раздалась звонкая пощечина и, прежде чем старик успел опомниться, он уже лежал на земле, а рассвирепевшая женщина топтала его ногами; затем она приказала двум цыганам держать его, и сама била его кнутом так жестоко, что несчастный Степан потерял сознание и перестал кричать»¹⁷⁵. В данном эпизоде отчетливо проявляется скачок в динамике развития характера героини: степень ее жестокости растет и обретает размеры садизма.

Гнев, возмущение и протест против несправедливости – не просто личная, индивидуальная черта характера Степана; это даже не только социальное качество персонажа; в данном случае правомерно говорить о черте рациональной. На фоне всеобщей покорности и терпения, какие безропотно переносит остальная прислуга, составленная, как указано в самом повествовании, «из цыган и молдаван», бунт русского «беглого Степана» становится особенно красноречивым.

Крутой, а для Параскицы неожиданный и крайне нежелательный, поворот в развитии событий наступает в связи с женитьбой Карпа. Ее глубоко возмущает решение брата создать семью, в глубине души она считает себя и своих детей ограбленными Верой, молодой женой Карпа, вторгшейся так неожиданно в их семью и разрушившей все ее тайные надежды и ожидания. В голове Параскицы созревают разные планы мести и жестокой, беспощадной борьбы, она замышляет поистине демонические «подвохи и хитрости». «Однако своим злым инстинктом эта мегера понимала, что теперь еще не настало время начинать враждебные действия, <...> и она терпеливо выжидала удобного времени»¹⁷⁶. Первый клин между молодыми супругами ей удастся вбить по причине болезни Веры: перед братом она выдает хворь его жены как женскую хитрость, как притворство с целью «разжалобить, испугать» мужа, чтобы он исполнял ее капризы,

Образ «доброй барыни», «хорошей госпожи», какой становится по выздоровлении Вера, придуман автором, скорее всего с целью еще больше разжечь озлобленную душу Параскицы, переставшей быть полновластной хозяйкой в усадьбе брата, заставить ее выкинуть новые козни, проявить новую черту характера в неудержимом стремлении к достижению своей цели.

---

¹⁷⁵ *Баймачаны*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 145–146.

¹⁷⁶ *Там же*, с. 153.

Рождение у супругов Баймачан маленького Ванюши составляет, если исходить из общего замысла произведения, исключительно важное звено во всем дальнейшем развитии сюжета, на описании нелегкой судьбы нового Баймачана зиждется все дальнейшее повествование. Ко всему прочему, в ходе событий возникает еще один важный поворот: к отцовской радости Баймачана-старшего прибавляется еще одна: его старший брат, богатый холостяк, умерший в Бухаресте, завещал ему половину своего миллионного состояния. По воле автора, конечно, бухарестский магнат по непонятным причинам не оставил своей сестре Параскице буквально ни гроша. В данном моменте отчетливо проявляется негативная авторская позиция, которая выглядит слишком нарочитой (здесь чувство меры явно изменило писательнице), однако, в этом есть и свой резон, следует сказать, что таким нагнетанием событий, столь интенсивным сгущением красок она добивается проявления еще одной разрушительной черты характера Параскицы – патологической зависти.

Бухарестское завещание брату вызывает в героине глубокое потрясение, в ней созревает нравственно-психологическая готовность совершить самое страшное злодеяние против любого – брата, его сына, его жены, которые не имеют перед ней абсолютно никакой вины, но которые волей слепых обстоятельств стали в ее глазах врагами. Объективно так оно и есть: все они вместе и каждый из них в отдельности – это реальная опасность, возможное препятствие к достижению заветной цели – овладению богатством брата. В создавшейся сложнейшей для нее ситуации пафос и энергия зла не уменьшаются, а приобретают новые побуждения. В ней возникают очередные зловещие замыслы: «Все душевные и умственные силы ее были напряжены и устремлены к одной цели: какие бы изобрести способы, чтобы сжить со света, уничтожить Веру, ее ребенка да, пожалуй, кстати, и «братца», «чтоб не женился вторично»¹⁷⁷.

Попытка устранить Баймачана-младшего, отравленной грушей, оказавшаяся, к ее великой досаде, неудачной, убедительно показывает, что нет злодеяний, перед которыми Параскица остановилась или от которых проснулась бы ее совесть. Дополнительным уроком такой безмерной человеческой подлости явилась попытка внушить брату мысль, что Баймачан-младший родился вовсе не от него, он – плод измены его жены с молодым цыганом Профиром.

Инсценировка измены готовилась Параскицей долго и тщательно и проведена настолько удачно, что Карп поддался подлой провокации и поверил в неверность жены. В эпизоде с инсценировкой «измены» Параскица буквально поражает притворством и чудовищной ложью, ее игра достигает высокого уровня психологической достоверности,

---

¹⁷⁷ *Баймачаны*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 181.

ее жестокость и коварство не знают границ. Это, пожалуй, ее настоящий звездный час, после которого она может считать себя победительницей: убедив брата в «измене» жены, ей стало гораздо легче окончательно внушить ему мысль, что сын не от него. Инсценировка «измены» обозначила последний шаг Параскицы к потере последних остатков человеческой сущности на пути ее превращения из женщины в монстра.

В результате ее чудовищной провокации семья Баймачан, еще вчера дружная и счастливая, было жестоко разрушена: избитая Карпом почти до смерти за «измену» Вера лишается рассудка, а через некоторое время умирает в монастыре, Баймачан-младший (ему уже четыре года) становится сиротой, его отец остается глубоко несчастным, духовно опустошенным.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что казавшаяся близкой победа Параскицы в действительности была началом конца, поражения, краха. Об этом можно судить прежде всего по заметным переменам в Карпе: в какой-то момент он почувствовал «необъяснимое удовольствие противоречить сестре», делать все назло ей: «Прежде он не замечал в себе этой потребности. Должно быть, слепой инстинкт подсказывал ему, что она, его сестра, - главная причина его семейной драмы»¹⁷⁸. Вряд ли можно согласиться с автором относительно «слепого инстинкта». Логика характера подсказывает, что скорее всего в нашем герое заговорило то цельное здоровое нравственное начало, что оставалось от живого, действительного, человека.

Сильнейшим ударом по тайным вожелениям Параскицы явился категорический отказ брата взять к себе на воспитание навсегда ее сына Костю, усыновить его, передать ему впоследствии свое имя и состояние. «Нет, сестрица, – с глубокой горечью, но решительно заявляет Карп, – никогда этому не бывать, выбросьте это из своей головы! Нет своих детей, так вовсе их и не надо, – чужие не заменят своих»¹⁷⁹.

Превозмогая невыразимо глубокую боль за сына, который возненавидел отца за муки матери и за ее смерть, Карп разрешает кучеру Степану усыновить его, все еще веря, что это не его сын. Эпизод беседы со Степаном производит очень сильное впечатление, читатель невольно проникается сочувствием к этому человеку, который еще вчера казался несильным и неуязвимым. В этом месте произведения драматизм ситуации достигает своего пика, а личность Карпа, его судьба начинают восприниматься как трагические. «Можешь взять его себе, если так желаешь, только уходи с ним подальше от этих мест, да постарайся, чтобы он забыл о нас»¹⁸⁰. В таком спокойном, на первый взгляд, безразличном

---

¹⁷⁸ *Баймачаны*. В: О. Накко. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970. с. 211.

¹⁷⁹ Там же, с. 214.

¹⁸⁰ Там же, с. 216.

ко всему – абсолютно – тоне, родной отец уступает своего единственного сына совершенно чужому по крови человеку, уступает, как что-то неосуществленное, как ненужную вещь. Однако было бы кощунственно не видеть за этим как будто легко сказанными словами трагической обреченности персонажа, его полного душевного опустошения, отрешенности. Нельзя в то же время не заметить и резкой перемены в отношении Карпа к простому человеку, каким является Степан. В нем бесследно исчезло презрение богатого и потому всемогущего *бояра* к своему работнику, исчез прежний аристократический гонор, исчезло сознание вседозволенности и безнаказанности. Вот состояние его души в момент беседы со Степаном: «Странно, что высказать это (можешь взять его – то есть сына – себе) *бояру* стало стыдно, неловко перед этим простым и бедным человеком, охотно берущим на себя бремя забот о его сыне»¹⁸¹. Человек, который способен еще так думать, показывает характеристики активной сознательной деятельности, сообщающие читателю, что его личность еще не полностью разрушена, что он еще представляет определенную социальную значимость.

Итак, драма в Сарниченых, разыгранная зловещим талантом и стараниями Параскицы, завершилась. Гнездо рода Баймачан полностью опустело: трагическая судьба Веры, жены Карпа, закончилась в монастыре, Карп навсегда покинул Сарничену, переселившись в городскую квартиру в Кишиневе. Подневольные (фактически крепостные) *цыганы*, кроме шестерых, взятых *бояром* в город, были «подарены» Параскице. Старый кучер Степан с приемным сыном переехал в соседний уезд и поступил на службу к богатому помещику. Казалось бы, внутренняя энергия развития сюжета израсходована, та самая скрытая пружина, которая фигурировала в завязке сюжета, полностью разжалась, и наступил момент, когда можно поставить точку.

Однако автор решает по-иному: продолжить повествование еще на одну треть общего объема, хотя это по существу принимает форму слишком растянувшегося эпилога.

Что все случится именно так, становится вполне ясно уже в тот момент, когда задним числом мы узнаем, что, прежде чем покинуть Сарничену, Степан сумел выпросить у сельского священника метрическое свидетельство «бывшего» сына Карпа на тот случай, если после смерти отца, достигнув совершеннолетия, Ваня вправе будет предъявить права на отцовское состояние. Таким образом, по законам основных принципов чеховской драматургии, это то самое «ружье», повешенное на стене, которое «к концу пьесы должно выстрелить». Однако с продолжением повествования, после окончательного разорения «гнезда Баймачан» возникает новая задача, которая в определенной степени придает

---

¹⁸¹ Там же, с. 221.

самостоятельный характер и значимость последней трети произведения. Речь идет о знакомой и по другим многочисленным рассказам О. Накко проблеме «перевоспитания боера» – «ресоциализации помещика», превращение его из эксплуататора и прожигателя жизни в ее творца, в безупречного хозяина и полезного члена общества.

Разошлись в разные концы участники сарниченской драмы: Баймачан-младший прочно обосновался в соседней Румынии, стал зажиточным хозяином и счастливым семьянином, Баймачан-старший, страшно разбогатец, доживает оставшиеся годы в Кишиневе. Давно отмучилась несчастная Вера Баймачан, отошла в мир иной Параскица, так и не сумев достигнуть своей заветной цели – разбогатеть, во имя которой совершила столько страшных злодеяний. Степан умирает в преклонном возрасте, умирает тихо, незаметно, как умирают все простые честные и порядочные люди, всю жизнь усердно трудившиеся и полностью исполнившие свой долг на земле.

Здесь автор, еще больше нарушая элементарные принципы построения сюжета, буквально на последних страницах повести вводит в действие новое действующее лицо: у Карпа Баймачана неожиданно обнаруживается неизвестный ранее племянник Александр, которого он хочет сделать своим наследником. В созданной автором ситуации то самое «ружье», каким является законное право Ивана Баймачана на отцовское состояние, не может не выстрелить.

По каким-то понятным для нее, но непонятным для читателя мотивам, писательница решает судебную тяжбу между Иваном и Александром Баймачанами в пользу последнего. Впрочем, мотивы для нас вполне объяснимы. Такой резкий, логически необоснованный поворот понадобился автору по двум соображениям: первое – показать чистый бескорыстный характер Ивана Баймачана, который напрямую тяготится возможностью разбогатеть; второе – открыто и определенно высказаться о пользе и вреде богатства, денег. «Таким образом, – пишет О. Накко о разбогатевшем Александре Баймачане, – к числу общественных деятелей Бессарабии примкнул один из лучших ее сынов, которому надлежало быть украшением общества и гордостью своей родины. Богатство не испортило, не опошило Александра. Он не понимал, не признавал жизни без пользы и труда и смотрел на богатство только как на средство, избавляющее человека от необходимости трудиться для обеспечения семьи и потому дающее возможность его обладателю поставить свои идеалы выше «куска хлеба», посвятить все свои силы и труды исключительно на пользу общества и родины»¹⁸².

---

¹⁸² Там же, с. 118.

Позиция автора изложена предельно четко: Параскицу Баймачан жажда богатства, как показано в повести, обезображивает, нравственно уродует, а ее племянника Александра, наоборот, облагораживает. Главное, чтобы обладатель миллионных состояний умел разумно распоряжаться ими «на пользу общества и родины». Имея в основе библейский мировоззренческий принцип того, что деньги – корень зла¹⁸³, Накко демонстрирует идеалы утопического социализма Н. Г. Чернышевского, где гуманность и забота об улучшении человеческой жизни манифестируются как главные нравственные категории прогрессивного человека.

Подобным тезисом о пользе труда, о разумности богатства для богатых О. Накко создает параллельный сюжет основному, происходящему на нескольких десятках страниц повествованию, полному драматических событий и коллизий, гибели рода Баймачан, причиной чего явилась именно борьба за обладание тем самым невинным богатством. Этой позицией можно объяснить неожиданный перенос автором своих симпатий с Ивана Баймачана, занимающего столь значительное место в произведении, на Александра Баймачана, который появляется только в конце для того, чтобы писательница имела предмет для приложения своей сентенции о пользе труда для богатых и о непорочных миллионах и честных их обладателях. Личность Александра, отношение к нему автора не совсем четко понятны, налицо надуманность, безосновательность и непоследовательность в его трактовке. Создается впечатление, что в повествовании говорится о двух разных Александрах, а не об одном: с одной стороны, он представлен автором как один из лучших сынов Бессарабии, «которому надлежало быть украшением общества», т.е. ему предсказывается блестящее будущее, с другой же стороны, будто позабыв обо всем предыдущем, автор в самом конце рассказа «убивает» его: вскоре после получения наследства, которое по праву принадлежало Ивану Баймачану, Александр умирает в нервной горячке.

Здесь сюжет повести перекликается с другим произведением, рассказом *Кир Христо и Кир Янаки*, с той лишь разницей, что раскрытие персонажей в повести на протяжении длительного отрезка времени при однолинейности сюжета определяет большую многосторонность обрисовки характеров по сравнению с рассказом¹⁸⁴. В рассказе *Кир Христо и Кир Янаки* писательница делает бесспорный шаг вперед в трактовке проблемы бессарабского Гобсека, Скупого Рыцаря и т.д., каким является в своей сущности Янаки: она заставляет его признаться в очевидном крахе своего идеала, в своем поражении как личности. Такой финал пребывания героя на земле вполне правдоподобен как с точки

---

¹⁸³ «Корень всего злого – любовь к деньгам» (1-е к Тимофею 6: 10).

¹⁸⁴ *Кир Христо и Кир Янаки*. В: *БВ*, 1894, с. 2–3.

зрения художественной, так и жизненной. В этом сюжете, как и в других случаях, автор и на этот раз не находит в себе силы, чтобы прервать жизнеописание своих персонажей именно здесь, в момент самопризнания Янаки в тщетности и суетности своего существования, а великодушно бросает ему спасательный круг, в результате чего психологическая и социальная достоверность этого персонажа приносится в жертву утопической концепции автора: от скуки и одиночества Кир Янаки заинтересовался своими четырьмя детьми, которых прижил от своей служанки Аники, но о которых в самом тексте до сих пор ничего не говорится (повторяется вариант Александра Баймачана). С этого момента весь смысл существования Янаки уходит в заботу о них. Но это еще не все – иначе О. Накко перестала бы быть верной самой себе, своему излюбленному способу решать сложные жизненные проблемы. «Мальчики, – говорит она о сыновьях Кира Янаки, – получили порядочное по тому времени образование, отличные хозяева, богатые помещики, всеми уважаемые»¹⁸⁵. Прохирица сделала прекрасную партию, от нее осталось многочисленное потомство, образованных, богатых людей. Таким образом, не пропали даром кропотливые в своем роде самоотверженные труды двух греков, положивших свою жизнь на сооружение капитала, сделавшегося источником благосостояния многих семейств высшего бессарабского общества.

Нет надобности слишком долго доказывать, что реалистическое воспроизведение бессарабской действительности первой половины позапрошлого столетия, каким, бесспорно, является преобладающая часть повести «Баймачаны», приходит в некоторое противоречие с надуманной, искусственной концовкой, состоящей из назидательной сентенции автора.

Однако, рассматривая основные разновидности жанрового содержания произведений О. Накко, мы уже обращали внимание на этологическую ориентированность ее жанровой проблематики, которая связана с его сюжетной коллизией и типом героя, отражающим характер его отношений. Нравоописательный (этологический)¹⁸⁶ тип жанрового содержания противоположен романтическому (иной принцип изображения людей и обстоятельств), но еще не соотносится до конца с реалистическим методом. Большое влияние, которое оказал на творческое становление писательницы т. н. «физиологический очерк» (бытовой нравоописательный очерк, получивший широкое распространение во Франции, Англии в 30–40-х гг. XIX в., а с 1840-х гг. и в России), который критически изображал экономическое и социальное положение современного общества, во всех подробностях быта и нравов, но оставлял статичной образную систему, делая характеры

---

¹⁸⁵ Там же, с. 3.

¹⁸⁶ Этологический, греч. *ἦθος* – нрав и *λόγος* – слово, рассказ.

персонажей типизированными и надуманными, как и образ Александра Баймачана. Таким образом, нам приходится констатировать, что в системе художественного метода Ольга Накко, что называется, находилась еще на пути к зрелому реализму, поскольку пребывала во власти канонов физиологического очерка, что подтверждает самое крупное в жанровом плане произведение писательницы – повесть *Баймачаны*.

3.7. Выводы и результаты третьей главы

В данной главе была рассмотрена «Проза Ольги Накко, и проблема художественного восприятия бессарабской действительности». Полученные результаты позволили сделать ряд выводов.

1) Определяя основные положения художественного мира О. Накко, мы установили особенности формирования художественного сознания писательницы, относящие ее произведения к «антропологизированной» литературе. Эстетической программой в такой русской литературе стало изображение повседневности, остросоциальных противоречий жизни. Главной особенностью художественных очерков Ольги Накко является этографическая ориентированность жанровой проблематики не только в определенных, нравоописательных, а даже в значительном количестве бытописательных произведений. Авторское восприятие Накко во многом проникнуто романтическими идеалами, что проявляется в большой группе текстов, где в основу сюжета положены легенды и предания, однако в большинстве сюжетов конфликт решается реалистическими методами с установкой на нарочитую достоверность. Мировоззрение писательницы было заключено в рамки народнических устремлений и толстовской идеологии, проповедующей самоусовершенствование человека и общества. Все это вместе составляет комплекс конститутивных характеристик и элементов художественного мира О. Накко.

2) Выделяя особенности стилистических ресурсов О. Накко, мы определили, что различные формы фольклорного характера в авторской стилистике служат устойчивыми обозначениями художественных образов народнопоэтической традиции. Широкое использование в текстах бессарабских реалий является стилевой доминантой писательницы, определяющими характеристики творческого стиля. Распространенными стилевыми средствами в текстах служат такие формы инациональных (чаще всего молдавских) культурных коннотаций, как: графическое выделение реалии на фоне всего текста курсивом, а также в подстрочном названии или примечании, развитие содержания реалии и др.; употребление наряду с реалией ее нейтрального синонима или родового понятия в качестве приложения, объяснение в самом тексте, взятое в скобки, выделенное

запятыми или тире; пояснение в сноске на нижней части страницы, а также толкование реалии в комментариях и др. В текстах О. Накко широкое отражение бессарабских реалий воссоздается стилистическими приемами, формирующими молдавские культурные коннотации. Важное место в творчестве писательницы занимают произведения, в основу которых положено описание обрядов и легенд, где сюжеты призваны служить основной «сверхзадаче» – изображению заглавного народного поверья, обряда, обычая. Все это составляет – ряд главных особенностей стилистических ресурсов в произведениях О. Накко.

3) Рассматривая систему художественных персонажей в основной массе произведений О. Накко – остросоциальных рассказах (которые сама писательница называла «бытовыми» рассказами), мы, констатируя ее реалистический характер, выделяем две группы персонажей: бессарабских помещиков, прогрессивных или проходящих процесс ресоциализации, и многочисленные крестьянские образы, которые зачастую статичны и несут заданную автором смысловую нагрузку, прежде всего, как объекты социально-этнографической фиксации. Многочисленные крестьянские персонажи, как правило, служат образами интерпретации проблем бессарабской деревни XIX в. Одни образы воплощают высокую оценку нравственных качеств «доброе нашего народа», другие, т. н. «обиженные и угнетенные» – беднота, служат субъектами, усиливающими воздействие темы социальной несправедливости: рабства, забитого, бесправного и безнадёжного существования крестьян. Главную свою задачу в плане системы художественных персонажей автор видел в «лепке» национального характера при помощи начертанной самим же народом «самохарактеристики» в форме суеверий, преданий, обычаев, легенд, обрядов.

4) Показательная демонстрация образной системы отдельно выделена в анализе повести «Баймачаны». где, в соответствии с жанровым форматом, обрисовка образов наиболее цельная и завершенная, они выписаны ярче и позволяют глубже взглянуть на события, происходящие с персонажами. «Баймачаны» – социально-философская драма из «бессарабской жизни молдаван», в основе которой лежит социальный, общественный конфликт и поднимаются философские вопросы о смысле человеческой жизни, о соотношении добра и зла, правды и лжи. Представляя собой синкретическое единство беллетристики и публицистики, она явилась откликом на очередные «острые вопросы момента», отражала недавние, текущие для автора события и наглядно проявила авторские особенности художественной картины бессарабского мира.

5) Для полного понимания особенностей творчества Ольги Накко в контексте художественного восприятия бессарабской действительности мы обратились к вопросу «автобиографического дискурса» в произведениях писательницы, который мы рассматриваем как «персональный открытый монологический письменный дискурс с особой пространственно-временной организацией, ярко выраженным авторским началом. Указанное изучение позволяет выработать ряд положений. В первую очередь благодаря анализу ряда текстов писательницы (рассказы-жизнеописания, написанные в жанре *biografie romancee*), которая с документальной точностью описывает реальные события, указывает точные географические названия, мы смогли частично воссоздать историю жизни автора. Мы определили, что благодаря документальной точности стилистики литературный портрет и художественная биография не только помогают воссозданию биографии самого автора (рассказы *Из Одессы в Вознесенск, В Ясной Поляне, Бессарабские былины*), но и несут источниковедческую ценность. Автобиографический дискурс в произведениях О. Накко, несомненно, в рамках художественного поля, составляет пространство для изучения самого процесса житнетворчества, несет познавательную функцию, что позволяет использовать его не только как акт биографии, но и как информативный источник в расширенном контексте.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Изучение творческого наследия писателей, которые в отличие от классиков, не вошли в историю литературы в качестве образцов литературной эпохи, но при этом достойны литературоведческого исследования, послужило мотивационной силой данной диссертационной работы, задуманной рассмотреть творчество Ольги Накко в расширенном контексте русской и румынской литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв.

Основные результаты полученного исследования синтезированы в следующих выводах.

Исходя из общей картины актуальных теоретических положений по вопросам исследований в области проблематики региональной литературы, мы можем заключить, что вопрос о региональных аспектах в национальных литературах был поставлен исследователями достаточно давно и на современном этапе развития филологического знания не потерял своей актуальности. Так в настоящих условиях, изучение истории региональной литературы становится отраслью фундаментальной науки в русском, румынском, и западном литературоведении в целом (*American literary regionalism; Heimatliteratur, Costumbrismo/Regionalismo* и др.). В ракурсе региональной литературы мы предлагаем также рассматривать репрезентируемые произведения русских писателей Бессарабии (Молдовы) конца XIX – начала XX вв.

Учитывая исторические и этнорегиональные особенности развития Молдовы, соблюдая хронологический принцип периодизации, мы выделяем пять этапов идентификации русской региональной литературы на протяжении XIX–XX вв., где определяем наличие молдавского регионального компонента как важную ее особенность – часть содержания в литературном процессе – отражающую национальное и региональное своеобразие. В рамках диссертационного исследования мы сосредоточились на периоде конца XIX – начала XX веков, спецификой литературного процесса которого является обилие художественных произведений, созданных на основе сюжетов, мотивов и образов молдавского устного поэтического творчества. Рассматривая отличительные признаки бессарабской тематики в произведениях местных литераторов в сопоставительном контексте, мы очертили особенности литературного процесса в 1870-е–1890-е гг. в России, который охарактеризовали как период бурного развития издательской деятельности, связанный с особенностями политической и социальной жизни. Было отмечено, что идеология народничества, хотя и пошла на убыль, все же имела большое влияние в культурной среде. Значительным явлением в духовной жизни русского общества стало «толстовство», что в значительной степени обуславливало характер литературы, а именно

возрастала общественная функция литературы: возможности просветительской деятельности вывели периодические издания в авангард литературных движений. В России это были литературные журналы.

Рассматривая специфику бессарабской тематики в произведениях местных литераторов в сопоставительном контексте, мы очертили особенности литературного процесса в Румынии, где периодическая печать в означенный период также находилась в процессе активного развития и была достаточно обширной и разноплановой не только в политической, но и в общественной, культурной и литературной областях, активно участвовала в создании национальной румынской литературы и развитии литературного языка. Значительную роль в этом «литературоформирующем» механизме сыграли газеты. Периодические издания Бессарабии появились позже, чем в соседних губерниях России, позже чем в Румынии. Такие газеты, как *Бессарабский Вестник*, *Новороссийский Телеграф*, *Одесский Листок*, *Бессарабские Губернские Ведомости* становятся в этот период Бессарабии единственным общим полем литературной жизни и настоящей ареной для утверждения жанров малой прозы в местной литературе. На страницах этих газет состоялись литературные дебюты, а иногда полностью помещалось литературное творчество одаренных бессарабских авторов. Здесь же было опубликовано большинство произведений Ольги Накко. На протяжении всего периода существования газеты *Бессарабский Вестник* на ее страницах, в литературной разделе, называвшемся *Фельетон Бессарабского Вестника*, регулярно публиковались репортажи и заметки, повести и новеллы, очерки истории края. Большинство бессарабских авторов также публиковались в одесской газете *Новороссийский Телеграф* – самой крупной и распространенной газетой на юге Российской империи. Здесь состоялся литературный дебют Ольги Накко рассказом *Бессарабские былины* (1887), затем это станет рубрикой, которую писательница будет вести на страницах *НТ* почти на протяжении 18 лет. В представленной характеристике газетных изданий значимым оценочным критерием в аспекте нашего исследования явилось создание прочной литературной платформы, которая позволила развиваться художественной литературе, преимущественно в жанрах малой прозы, как важному явлению в культурной жизни своего времени. Местный литературный процесс формировался на страницах *БВ* и *НТ* определенной группой бессарабских литераторов: поэтов, прозаиков и публицистов, среди которых выделялись авторы создававшие оригинальные сюжеты на основе местной бессарабской действительности, оставившие яркий след в истории русской литературы Бессарабии, литературы Молдовы в целом. В прозе это – О. Накко, В. Малиновский, Д. Суручан, П. Крушеван, П. Бакалейник и др.

Рассматривая русскую литературу Бессарабии, мы, помимо О. Накко, включаем в контекст также обзор творческого вклада и других бессарабских авторов, в произведениях которых тематика бессарабской действительности является ведущей, этим мы отчасти решаем проблему безызвестности ряда бессарабских писателей конца XIX – начала XX вв., которые имеют значимую ценность в данной литературе. Специфика жанровой системы, язык, стиль, поэтика произведений которых представляет яркие картины бессарабского мира. Конфликты в прозе местных литераторов, отражающие реалистическую картину бессарабского мира, рождены особым социально-историческим и этнокультурным контекстом, сложившимся на протяжении столетия в регионе. Смешанный полиэтничный колорит составлял весомую основу бессарабской действительности, что отразилось на образной системе литературы. В работе даны краткие характеристики наиболее интересным в контексте нашей темы представителям этой литературы, особенности жанровой системы, язык, стиль, поэтику таких произведений, представляющих яркие образы бессарабской жизни. Конфликты в произведениях местных литераторов, отражают реалистическую картину бессарабского мира: в художественных очерках бессарабским писателям удавалось репрезентировать культурное пространство Бессарабии таким образом, что русская литература получила не просто тексты, осложненные наличием этнокультурных элементов, но, благодаря специфике жанровой системы, особенностям языка, стиля и поэтики, своего рода особый литературный факт культурного явления. Галерея созданных художественных образов – дань эпохе, но в основе каждого – национальный характер. Все они в своей совокупности составляют особенности национальной культуры Бессарабии конца XIX столетия. Данная литературная формация бессарабской художественной прозы служила социальным инструментом, оказавшим определенное влияние на становление и развитие социокультурного дискурса своего времени, как в Бессарабии, так и в России в целом. Через коммуникативный потенциал бессарабской художественной прозы, как социально ориентированной литературы, выразилась этнокультурная функция бессарабской тематики.

Определяя основные положения художественного мира О. Накко мы установили особенности формирования художественного сознания, относящие ее произведения к «антропологизированной» литературе. Эстетической программой в такого рода литературе стало изображение фиксации повседневной жизни, ее социальных ролей. Отличительной особенностью художественных очерков Ольги Накко в целом является этографическая ориентированность жанровой проблематики, что относится не только к ее правописательным рассказам, но и к большинству бытописательных произведений. Авторское восприятие Накко отличает приверженность романтическим идеалам, что

проявляется в большой группе текстов, где в основу сюжета положены легенды и предания, однако, в большинстве сюжетов конфликт решается реалистическими методами с установкой на нарочитую достоверность. Мировоззрение писательницы было заключено в рамки народнических устремлений и толстовской идеологии, проповедующей самоусовершенствование человека и общества. Вместе с тем, писательница опирается и на примеры румынских писателей, беллетризирующих народные тексты. Все это вместе составляет комплекс конститутивных характеристик и элементов художественного мира О. Накко, использующей как русские, так и румынские модели художественного восприятия изображения аутентичной бессарабской действительности.

Выделяя особенности стилистических ресурсов О. Накко, мы определили, что различные формы фольклорного характера в авторской стилистике служат устойчивыми обозначениями художественных образов народнопоэтической традиции. Широкое использование в текстах бессарабских реалий является стилевой доминантой писательницы и определяет характер ее творческого стиля. Распространенными стилевыми паратекстуальными средствами в текстах служат такие формы инонациональных (чаще всего молдавских) культурных коннотаций, как: графическое выделение реалии на фоне всего текста курсивом, а также в подстрочном названии или примечании, развитие содержания реалии и др.; употребление наряду с реалией ее нейтрального синонима или родового понятия в качестве приложения, объяснение в самом тексте, взятое в скобки, выделенное запятыми или тире; пояснение в сноске на нижней части страницы, а также толкование реалии в комментариях и др. В текстах О. Накко широкое отражение бессарабских реалий воссоздается стилистическими приемами, формирующими молдавские культурные коннотации. Важное место в творчестве писательницы занимают произведения, в основу которых положено описание обрядов и легенд, где сюжеты призваны служить основной «сверхзадачей» – изображению заглавного народного поверья, обряда, обычая. Все это составляет ряд главных особенностей стилистических ресурсов в произведениях О. Накко.

Для дополнительного представления творчества Ольги Накко в контексте художественного восприятия бессарабской действительности мы обратились к вопросу «автобиографического дискурса» в произведениях писательницы, который мы рассматриваем как персональный открытый монологический письменный дискурс с особой пространственно-временной организацией, ярко выраженным авторским началом. Указанное изучение позволяет выработать ряд положений. В первую очередь благодаря анализу ряда текстов писательницы (рассказы-жизнеописания, написанные в жанре *biografie romancee*), которая с документальной точностью описывает реальные события,

указывает точные географические названия, мы смогли частично воссоздать историю жизни автора. Мы определили, что литературный портрет и художественная биография не только помогают воссозданию биографии самого автора, но и несут источниковедческую ценность. Автобиографический дискурс в произведениях О. Накко, несомненно, в рамках художественного поля, составляет пространство для изучения самого процесса житнетворчества и, безусловно, несет познавательную функцию, но в то же время он представляет *фиктивное «я»*, что позволяет использовать его не только как акт биографии, но, и как фиктивную репрезентацию.

Рассматривая систему художественных персонажей в основной массе произведений О. Накко – остросоциальных рассказах (которые сама писательница называла «бытовыми» рассказами), мы, констатируя ее реалистический характер, выделяем две группы персонажей: бессарабских помещиков, прогрессивных или проходящих процесс ресоциализации, и многочисленные крестьянские образы, они зачастую статичны и несут заданную автором смысловую нагрузку прежде всего как типизированные субъекты социально-этнографической фиксации. Многочисленные крестьянские персонажи, как правило, служат образами интерпретации проблем бессарабской деревни XIX в. Одни персонажи воплощают высокую оценку нравственных качеств «доброе нашего народа», другие, т. н. «обиженные и угнетенные» – беднота, служат типизированными субъектами, усиливающими воздействие темы социальной несправедливости: рабства, забитого, бесправного и безнадежного существования крестьян. Главную свою задачу системы художественных персонажей автор видел в «лепке» национального характера при помощи начертанной самим же народом «самохарактеристики» в форме суеверий, преданий, обычаев, легенд, обрядов.

Показательная демонстрация образной системы отдельно выделена в анализе повести «Баймачаны». где, в соответствии с жанровым форматом, обрисовка образов наиболее цельная и завершенная, они выписаны ярче и позволяют глубже взглянуть на события, происходящие с персонажами. *Баймачаны* – социально-философская драма из «бессарабской жизни молдаван», в основе которой лежит социальный, общественный конфликт.

В целом проза О. Накко поднимает философские вопросы о смысле человеческой жизни, о соотношении добра и зла, правды и лжи. Представляя собой синкретическое единство беллетристики и публицистики, она явилась откликом на очередные «острые вопросы момента», отражала недавние, текущие для автора события и наглядно проявила авторские особенности художественной картины бессарабского мира.

В контексте полученных результатов, считаем необходимым дать **практические рекомендации** относительно дальнейшего использования исследований по данной тематике, которые состоят в возможности внедрения разработанной концептуальной модели в образовательный процесс учебных заведений. Мы полагаем данную возможность целесообразной, исходя из позиции того, что процесс развития русской региональной литературы Бессарабии конца XIX – начала XX вв. является определенным культурным феноменом. Мы предлагаем внести произведения его лучших представителей в специальный курс обучения в учебных заведениях, представляющих программы подготовки кадров в области филологии, культурологии, антропологии, этнографии, в целях расширения теоретико-практических аспектов, учитывая специфику преподаваемой дисциплины.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники на русском языке

1. АВЕРИНЦЕВ, С. С. *Литература Юго-Восточной Европы. Введение*. В: *История всемирной литературы*. Москва. Т. III, 1985, с. 508–512.
2. АВЕРИНЦЕВ, С. С., АНДРЕЕВ, М. Л., ГАСПАРОВ М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. *Категории поэтики в смене литературных эпох*. В: *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. Сборник статей. Москва: Наследие, 1994, с. 3–38. ISBN: 5-201-13197-2. [online] [дата обращения 17 марта 2022]. Режим доступа: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Istorich_poetika.pdf
3. АЛЕКСЕЕВ, М. П. *Сравнительное литературоведение*. Москва: Наука, 1983, 448 с.
4. АФАНАСЬЕВ-ЧУЖБИНСКИЙ, А. С. *Поездка в южную Россию*. Ч. II. *Очерки Днестра*. Санкт-Петербург, 1898. 378 с.
5. БАКАЛЕЙНИК, П. *Воспоминания о Бессарабии*. Тифлис–Санкт-Петербург: Типография А. С. Федорова, 1897, 27 с.
6. БАХТИН, М. М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература, 1975, 502 с.
7. БАХТИН, М. М. *Литературно-критические статьи*. Москва: Художественная литература, 1985, 546 с.
8. БАХТИН, М. М. *Эпос и роман*. Сборник статей. Санкт-Петербург: Азбука, 2000, 304 с. ISBN 5- 267-00273-9.
9. БАХТИН, М. М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986, 445 с.
10. БЕЛЬЧИКОВ, Ю. А. *О культурном коннотативном компоненте лексики*. В: *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 1988, с. 30–35.
11. БЕРДЯЕВ, Н. А. *Духи русской революции*. В: *Из глубины: Сборник статей о русской революции*. Paris: YMCA PRESS, 1967, с. 67-107, 336 с. [online] [дата обращения 10 мая 2020]. Режим доступа: https://vtoraya-literatura.com/pdf/iz_glubiny_1967_ocr.pdf
12. *Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, литературный и справочный сборник с 224 иллюстрациями, портретами и картой Бессарабской губернии*. Москва: Издание газеты «Бессарабец», 1903.
13. БОГАЧ, Г. *Пушкин и молдавский фольклор*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967, 295 с.
14. БОГДАНОВ, А. Н., ЮДКЕВИЧ, Л. Т. *Методика литературоведческого анализа*. Москва: Просвещение, 1969, 190 с.

15. *Большая Российская энциклопедия* в 35 т., Москва: Российская академия наук, 2004–2017. Т. 28, 2015, 560 с. ISBN 978-5-85-270-365-1.
16. БОРИСОВА, Л. Ф., СЮНТЮРЕНКО, О. В. *Проблемы информационного обеспечения научно-инновационной и промышленной сферы: новые концептуальные подходы*. В: *Научно-техническая информация*. Сер. 1, № 6, 2009, с. 9-12. ISSN 0548-0019.
17. БРЮНИНГ В. *Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние*. Перевод с немецкого ПЕРЦЕВА, А. В. В: *Западная философия. Итоги тысячелетия*. Екатеринбург-Бишкек, 1997, с. 209–410. ISBN: 9785886870275.
18. БЯЛИК, Б. А. и др. *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века*. Москва: Наука, 1981, 392 с.
19. БЯЛЬИЙ, Г. А. *Русский реализм конца XIX в.*, Ленинград: Ленинградский Университет, 1973, 168 с.
20. ВЕЛЬТМАН, А. Ф. *Бессарабские воспоминания о Пушкине*. В кн.: МАЙКОВ, Л. Н. *Пушкин*. Санкт-Петербург, 1899, с. 127.
21. ВЕЛЬТМАН, А. Ф. *Урсул, В: Сто русских литераторов*. Санкт-Петербург, 1841, с. 351-395, 707 с. [online] [дата обращения 28 ноября 2018]. Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003819873?page=366&rotate=0&theme=white
22. ВЕРЕЦАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г. *К развитию концепции слова как вместилища знаний*. В: *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: Межвузовский тематический сборник*. Калинин, 1980;
23. ВЕРЕЦАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г. *Лингвострановедческая теория слова*. Москва: Русский язык, 1989, 320 с.
24. ВЕСЕЛОВСКИЙ, А. Н. *Историческая поэтика*. Москва: Высшая школа, 1989, 404 с.
25. *Вестник Европы*, Москва, 1830, № 21–24.
26. ВИГЕЛЬ, Ф. Ф. *Воспоминания*. Москва: Университетская типография (Катков и К°), 1865, 237 с.
27. ГАРШИН, В. М. *Рассказы. Статьи. Письма*. Москва: Олимп, 2000, 544 с. ISBN 5-7390-0950-2, 5-237-04542-1.
28. ГАЦАК, В. М. *Молдавская литература в России*. В: *История Всемирной литературы*. Т. VII. Москва: Наука, 1990, с. 256 –271. ISBN: 5-02-011400-6

29. ГЕГЕЛЬ, Г. *Феноменология духа*. Вступ. статья и комментарий Ю. Р. Селиванова. Москва: Академический проект, 2008, 767 с. ISBN 978-5-8291-1050-5.
30. ГЕРБАНОВСКИЙ, Н. *Голова Баязета*. В: *Молдавские исторические предания XV столетия. В четырех поэтических картинах (с видом Нямецкого монастыря)*. Одесса, 1852, с. 1–6.
31. ГЕРБАНОВСКИЙ, Н. *Курган Мыцэшора*. В: *Одесский вестник*, 1853, №19, с. 3–4.
32. ГЁТЕ, И. В. *Из моей жизни. Поэзия и Правда*. Пер. с нем. МАН, Н.; вступ. ст. и коммент. ВИЛЬМОНТ, Н. Н. Москва: Художественная литература, 1969, 606 с.
33. ГОРЕЛОВ, А. А., ЛЕСКОВ, Н. С. *Русская литература и фольклор: Конец XIX века*. Ленинград: Наука, 1987, 396 с.
34. ГОРЬКИЙ, М. *Собр. соч. в 30 т. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933–1936*. Москва: Художественная литература, 1956. 592 с.
35. ГРАТИ, А., КОЛАК, Т. *Поэтическая история народа*. В: *Спел про лист зелений я... Фольклор и литературные памятники Молдовы*. Вступ. ст. ДРУЦЭ, И. Науч. обзор и ком. Института филологии Академии наук Молдовы. Москва: Художественная литература, 2009, 664 с.
36. ГРИММ, Я. *Мысли о том, как соотносятся сказания с поэзией и историей*. В: *Эстетика немецких романтиков*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006, с. 275–278. ISBN: 5-288-03806-6.
37. ГУЛЯЕВ, Н. А. *Теория литературы*. Москва: Высшая школа, 1985, 271 с.
38. ГУСЕВА, Е. А. *Становление и развитие физиологического очерка в русской литературе*. В: *Вопросы русской литературы*, № 20(77), 2012, с. 13–25.
39. ДАЛЬ, В. И. *Пословицы русского народа*. В 3-х т. Москва: Художественная литература. 1989. 433 с. ISBN 5-280-00896-6.
40. ДАЛЬ, В. И. *Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казакон Владимиром Луганским*. Санкт-Петербург: Типография А. Плюшара, 1832, 201 с. [online] [дата обращения 30 октября 2019].
Режим доступа:
https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003558493?page=1&rotate=0&theme=white
41. ДВОЙЧЕНКО-МАРКОВА Е. М. *Молдавская тематика в произведениях А. Ф. Вельтмана*. В: *Молдавско-русско-украинские литературные связи втор. половины XIX в.*, Кишинев: Штиинца, 1979, 387 с.
42. ДВОЙЧЕНКО-МАРКОВА, Е. М. *Кто такой Радул Куралеско, автор повести «Тундза»*. В: *Русская литература*, 1963, №4, с. 154–155.

43. ДРАГАНОВ, П. Д. *Bessarabiana. Ученая, литературная и художественная Бессарабия*. Кишинев: Universitas, 1993, 278 с. ISBN 5-362-01023-9.
44. ЕГОРОВ, Б. Ф. *Аполлон Григорьев. Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX века*. Ленинград: Наука, 1982. с. 256.
45. ЗАЙКОВСКАЯ, Т. *Значимость слова в процессе межкультурной коммуникации*. В: *Русин*, 2007, № 2 (8), с. 45–54.
46. ЗЕЛЕНЧУК, В. С. *Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. Этнические и социально-демографические процессы*. Кишинёв: Штиинца, 1979, 138 с.
47. ЗЕНЬКОВСКИЙ, В. В. *История русской философии*, Ленинград: Наука, 1991, Т. II, ч. 2, с. 199.
48. ЗЛЕНКО, Г. Д. *Что мы знаем об Ольге Накко*. В: *Вечерняя Одесса*. 1991, 7 сентября, с. 3.
49. ИЖБОЛДИНА, И. А. Культурное пространство очерков Дмитрия Суручана. În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. 2006, nr. 1, pp. 217-219. ISSN 1857-2049. Categoria C. [online] [дата обращения 13 декабря 2021]. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/164620
50. ИЖБОЛДИНА, И. А. «Волки» Павла Крушевана. În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. 2007, nr. 2, pp. 161-165. ISSN 1857-2049. Categoria C. [online] [accesat la 12 decembrie 2021]. Disponibil: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/17623
51. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Аксиологические константы института семьи русского населения Бессарабии в XIX в.* În: *Știință, educație, cultură*. Vol.2, 12 februarie 2021, Comrat: Universitatea de Stat din Comrat, 2021, pp. 334-339. ISBN 978-9975-3496-3-5; 978-9975-3496-1-1. [online] [дата обращения 19 декабря 2021]. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/122619
52. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Молдавские легенды в произведениях Николая Жигарина-Милецкого*. În: *Rezumatelile comunicărilor al Conferința Științifică internațională Patrimoniul etnologic: concepte, tendințe și abordări*, Chișinău, 2017, p. 58. ISBN 978-9975-84-028-6.
53. ИЖБОЛДИНА, И. А. Монография: «Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX – начала XX вв. *Исследования и материалы*. Chișinău: Civitas, 2012, 284 с. ISBN 978-9975-4337-4-7.
54. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Неизвестные страницы русской литературы Бессарабии: отличительные особенности и тематическое своеобразие*. În: *Розвиток основних напрямів соціогуманітарних наук: проблеми та перспективи. Збірник статей та тез доповідей за матеріалами V Всеукраїнської науково-практичної конференції з*

- міжнародною участю: ДДТУ, Дніпровський державний технічний університет, 2018, р. 137–140 Електронне видання. ISBN-е 2408-9257.
55. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Некоторые аспекты культуры повседневности межвоенного Кишинева (1920-х гг.) в фельетонах русскоязычных периодических изданий как элемент этического и образно-эмоционального компонента культурного наследия Молдовы.* În: *Patrimoniul cultural: cercetare și valorificare*. Ediția a II-a, 27 septembrie 2018, Chișinău: CEP UPS „I. Creangă”, 2018, pp. 70-80. ISBN 978-9975-136-87-7. [online] [дата обращения 2 декабря 2021]. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/110131
56. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Ольга Накко: история жизни.* В: *Мысль*, Кишинев, 2002, № 2(16), июль, с. 56-59.
57. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Павел Крушеван в русской литературе Бессарабии. Жанровое многообразие и структурно-стилистические особенности художественной прозы.* În: *Revista de etnologie și culturologie*. Chișinău, 2010, vol. VII, 62-65. ISSN 1857-2049.
58. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Проблема жанрового своеобразия в творчестве Ольги Накко.* В: *Сборник материалов конференции «Этносы и межэтнические исследования».* Кишинев, 2000, с. 23–32.
59. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Публицистические эскизы бессарабской культуры повседневности в русскоязычной прессе межвоенного периода.* În: *Viața cotidiană în spațiul Est-European din cele mai vechi timpuri până în prezent: abordări interdisciplinare*. 30 octombrie 2018, Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, 2018, с. 85-86. ISBN 978-9975-84-058-3. [online] [дата обращения 6 декабря 2021]. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/67548
60. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Семейные ценности русского населения Бессарабии в произведениях Ольги Накко. Аксиологический аспект.* În: *Tradiții și procese etnice*. Ediția I, 6 octombrie 2020, Chișinău: „Grafema Libris” SRL, 2020, с. 63-70. ISBN 978-9975-52-221-2. [online] [дата обращения 18 декабря 2021]. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/116351
61. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Социальное пространство путевых очерков Леонида Добронравова «Из Петрограда в Бессарабию».* În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. 2012, № 11-12, с. 90-93. ISSN 1857-2049. [online] [дата обращения 9 декабря 2021]. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/23779
62. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Художественная проза П. Крушевана. К постановке проблемы.* В: *Ежегодник института межэтнических исследований.* Кишинев, 2004, Т. V, с. 127-130.

63. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Языковые особенности русского очерка в бессарабском контексте на рубеже XIX – XX вв. (На материале творчества Ольги Накко)*. В: *Сборник материалов Всесоюзной конференции «Русский язык на рубеже тысячелетий*. Санкт-Петербург, 2000, с. 138–147.
64. ИЖБОЛДИНА, И. *Маргинальные образы в художественной прозе бессарабской периодической печати*. В: *Ежегодник института межкультурных исследований*. Т. IV, Chişinău, 2003, с. 177–184.
65. *Из литературного наследия бессарабских писателей XIX века*. Составители: ПЫНЗАНУ С. Г., ЧОКАНУ, В. М. Кишинев: Штиинца, 1986, 221 с.
66. *История всемирной литературы*: В 9 т. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука. 1983. Т.7, 1991. 375 с
67. *История русской литературной критики*. Москва: Высшая школа, 2002, 469 с.
68. *История русской литературы*. Под ред. Е. В. АНИЧКОВА. Москва, 1908. т. 2. 1106 с.
69. КИДЕЛЬ, А. С. *Вводная статья к первому переизданию произведений Накко О. Из бессарабской старины*. Кишинев, 1970.
70. КОВАЛЬ, Д. В. *«Бессарабский Вестник» – первая частная газета края. Лекции по курсу «История молдавской демократической журналистики»*. Кишинев: Отдел печати КГУ, 1985, 49 с.
71. КОЖЕВНИКОВ, Ю. А. *Румынская литература второй половины XIX в.* В: *История всемирной литературы*: В 9 томах. АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Москва: Наука, 1983. Т.7.1991, с. 524–528;
72. КОНРАД, Н. И. *Литературы народов Востока и вопросы общего литературоведения*. В: *Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961, 439 с.
73. КОСТОМАРОВ, В. Г. *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики*. Москва: Гардарики, 2005, 287 с. ISBN: 9785829702205.
74. *Краткий исторический очерк пятидесятилетия Одесского Института Благородных Девичь*. Одесса: Типография Груд, 1879, 87 с.
75. *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых*. Ред. профессора ВЕНГЕРОВА, в 6 т., Санкт-Петербург: Семеновская Типо-литография (И. Ефрона), 1886–1904.
76. КРУШЕВАН, П. *Индюки*. В: *Бессарабский Вестник*, 1896, № 147, 150, 152, 153.
77. КРУШЕВАН, П. *Так говорил Бука. Эскизы, рассказы и сказки Буки. Приложение № 30 к газете «Бессарабец»*, Москва, 1901.

78. КУРАЛЕСКО, Р. *Тундза. Валахская быль*. В: *Одесский альманах*, 1840, с. 53.
79. ЛЕСКОВ, Н. С. *Собрание сочинений* в 11 т. Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1956-1958. Т. 8, 508 с.
80. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Гл. ред. НИКОЛЮКИН, А. Н. Москва: Интелвак, 2001, 1600 с. ISBN 5-93264-026-X.
81. *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX-начала XX века (1890-1904)*. М.: Наука, 1981, 390 с.
82. ЛОТМАН, Л. Левитов. В: *История русской литературы*: в 10 т. ИРЛИ АН СССР; Гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. Т. 8: *Литература шестидесятых годов*. Ч. 1. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1956, с. 617–634.
83. ЛОТМАН, Ю. М. *Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора)*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1986, 365 с.
84. ЛОТМАН, Ю. М. *О Типологическом изучении литературы*. В: *Проблемы типологии русского реализма*. Сборник статей. Москва, 1969, с. 123–132.
85. МАМИН-СИБИРЯК, Д. Н. *Нечистая сила*. В: *Юная Россия*. 1907. N-11. с. 13–21.
86. МАНН, Ю. В. *Философия и поэтика «натуральной школы»*. В: *Проблемы типологии русского реализма*. М.: Наука, 1969, с. 241–305.
87. МАТЕЕВИЧ, А. *Осень*. В: *Бессарабия*. 1906, № 48–50, 138–139.
88. *Метрическая запись о смерти основателя Одесской школы глухонемых Георгия Александровича Гурцова*. Государственный архив Одесской области (ГАОО), фонд №37, оп. 3-а, ед. хр. 181, л. 452 об.
89. МЛЕЧКО, Т. *Русская языковая личность ближнего зарубежья*. Кишинев: Славянский университет. Республика Молдова. Tipogr. “Valinex”, 2013, 412 с.
90. *Молдавско-руско-украинские литературные и фольклорные связи*. Под ред.: ВАРТИЧАН, И. К БОГАЧ, Г. Ф ПОПОВИЧ, К. Ф. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1967, 320 с.
91. *Молдавско-руско-украинские литературные связи второй половины XIX в.* Под ред.: ПОПОВИЧ, К. Ф., ПЫНЗАНУ, С. Г. и др. Кишинев: Штиинца, 1979, 332 с.
92. НАККО, О. *Бессарабские очерки и рассказы Ольги Накко*. Одесса, 1900.
93. НАККО, О. *Бессарабские очерки и рассказы*. Одесса, 1913.
94. НАККО, О. *Бессарабские очерки и рассказы. Сцены из жизни голодавших поселян*. Одесса, 1913
95. НАККО, О. *Дни молодости*. В: *Пушкинский сборник. В память столетия со дня рождения поэта*. Санкт-Петербург, 1899.

96. НАККО, О. *Из бессарабской старины. Очерки и рассказы*. Кишинев, 1970.
97. НАККО, О. *Мальвина. Из варшавской жизни*. В: *Южный сборник, в пользу пострадавших от неурожая*. Одесса, 1892, с. 222.
98. НАККО, О. *Письмо Фармаковскому*. Государственный Исторический Архив Российской Федерации, Санкт-Петербург, фонд 1073, опись 1, дело 63, л.1-3об.
99. НАККО, О. *Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны (для детей народных училищ)*. Одесса, 1904.
100. НАККО, О. *Рассказы*. Одесса, 1912.
101. НАККО, О. *Руководство для изучения гелиоминиатюры, самое полное и подробное*. Одесса, 1882.
102. НАККО, О. *Южный сборник. В пользу пострадавших от неурожая*. Одесса, 1892.
103. НАРМ (Национальный архив РМ), ф.2, оп. 1., ед. хр. 8820, л.8.
104. НИКОЛАЕВА П. А. *Академические школы в русском литературоведении*. Москва: Наука, 1975, 516 с.
105. НИКОЛЮКИН, А. Н. *Американские писатели как критики: Из истории литературоведения США XVIII–XX веков*. Москва: ИНИОН РАН, 2000. 202 с. ISBN: 5-248-00229-X.
106. НИКОЛЮКИН, А. Н. *Литературные связи России и США*. В 4-х томах. Том 2, Москва: ИНИОН РАН, 2023, 480 с. ISBN: 978-5-248-01050-9.
107. НИКОЛЮКИН, А. Н. *О русской литературе: Теория и история*. Москва: ИНИОН РАН, 2003. 560 с. ISBN: 9785248001552.
108. *Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей*. Кишинев: Штиинца, 1978, 236 с.
109. ПАПИКЯН, А. А. *Реалия как объект переводческой деятельности*. В: *Язык и культура*, Новосибирск. 2013. Вып. 6, с. 88–95. [online] [дата обращения 17 мая 2022]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realiya-kak-obekt-perevodcheskoy-deyatelnosti/viewer>
110. *Письмо В. И. Фармаковскому*. Центральный государственный исторический архив. ЦГИА РФ, Санкт-Петербург, фонд 1073, оп. 1, дело 63, л.1-3 об.
111. ПОПОВИЧ, К. Ф. *Русская литература Молдавии*, Кишинев, 1958.
112. ПОПОВИЧ, К. Ф. *Сторінки літопису*, 1998, с. 216–221.
113. ПОПОВИЧ, К. Ф., ОСАДЧЕНКО, И. Е., ДВОЙЧЕНКО-МАРКОВА, Е. М., Романенко, Н. Н., Сорока, И. А., Левит, Е. Д., Завулан, П. Т., Матковская, А. А.,

- Пынзару, С. Г., Романец, А. А., Богайчук, Н. А. *Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины XIX века*. Кишинев: Штиинца, 1979, 284 с.
114. ПОСПЕЛОВ, Г. Н. *Проблемы литературного стиля*. Москва: Издательство Московского университета 1970, 468 с.
115. ПРОДАНИК, Н. В., ПОДВОРНАЯ, А. В. *Региональный аспект в изучении русской классики*. В: Филологические науки. Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 15, № 4, Москва, 2021, с. 46–55. ISSN 1998-5320.
116. ПЫНЗАРУ, С. Г. *Бессарабская действительность в изображении Ольги Накко*. В рукописи.
117. ПЫНЗАРУ, С. Г. *Бытописатель старины*. В: *Кодры*, 1991, № 7, с. 79–82.
118. ПЫНЗАРУ, С. Г. *Литература Бессарабии на русском языке*. В: *Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины 19 века*. Кишинев, 1979.
119. ПЫНЗАРУ, С. Г., ЧОКАНУ, В. М. *Из литературного наследия бессарабских писателей XIX века*. Кишинев: Штиинца, 1990, 280 с. ISBN 5-376-00799-5.
120. *Русская литература в лицах и персоналиях. XIX – начало XXI в.* Биобиблиографический словарь-справочник. Авторы-составители: ШИШКАН, К. Б., ПЫНЗАРУ, С. Г., ПРОКОП С. П., Кишинев: Инесса, 2003, 624 с. ISBN 9975-9741-0-4.
121. *Русская периодическая печать (1702–1894)*. Справочник. Москва: Гос. изд-во полит. лит. 1959, 640 с.
122. *Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь XVIII-XIX вв.* В 5 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016–2019. Т. 1: А - Г. 957 с. ISBN 978-5-86007-820-8.
123. САПРЫКИН, Д. Л. *Образовательный потенциал Российской Империи*. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с. ISBN 978-5-98866-031-6.
124. СЕНТ-БЁВ, Ш. О. *Литературно-критические портреты*, Москва: Художественная литература, 1970, 607 с.
125. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ, Н. *Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв.*, Москва, 1965, 480 с.
126. СПОРЫШ, Н. И. *Литературоведческие изыскания А. И. Яцимирского в контексте славяно-румынского культурного диалога*. Автореф. дисс. доктора филологии. Кишинев, 2003.
127. СТАМАТИ-ЧУРЯ, К. *Воспоминания об охоте по Бессарабии*. В: *Из литературного наследия бессарабских писателей XIX века*. Кишинев, 1990, с. 94.

128. СТАМАТИ-ЧУРЯ, К. *Загадочный человек*. Кишинев: Картя Молдовеняска, 1991, 490 с.
129. СТАНШИН, И. К. *К проблеме двуязычия и многоязычия южных славян*. В: *Многоязычие и литературное творчество*. Москва, 2021, с. 153–162.
130. СТЕПАНОВ, В. П. *Этнический образ и традиционно-бытовая культура украинского населения Бессарабии и Левобережного Поднестровья в творчестве писателей XIX – начала XX в. Этносоциологические и этнопсихологические процессы в трансформирующемся обществе*. В: *Этнология слова*. Тирасполь, 2010, с. 143–152.
131. ТОМАШЕВСКИЙ, Б. В. *Теория литературы. Поэтика: Учеб. Пособие*. Москва: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
132. ТОПОР, Г. *Молдавская тематика в творчестве А. Ф. Вельтмана*. автореф. дисс. доктора филологии. Кишинэу, 1997.
133. ТОПОРКОВ, А. Л. *Даль Владимир Иванович*. В: *Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII-XIX вв.*: в 5 томах. РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2, с. 3-14. ISBN 978-5-86007-820-8, ISBN 978-5-86007-835-2.
134. ТРУБЕЦКОЙ, Б. А. *Из истории периодической печати Бессарабии (1854-1916)*. Кишинев: Штиинца, 1968.
135. ТЫНЯНОВ, Ю. М. *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва, 1977, с. 150–166.
136. ФРАНК, С. Л. *Нравственное учение Л. Н. Толстого. К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г.* В: *Слово*. № 547. 1908, с. 45–49.
137. ФРЕЗЕР, Д. Д. *Золотая ветвь. Исследования магии и религии*. Москва: Политиздат. 1980. 832 с.
138. ФРИДЛЕНДЕР, Б. Ф. *История русской критики*. Москва, 2002, 630 с.
139. ХАЛИЗЕВ, В. Е. *Теория литературы*. Москва: Высшая школа, 2004. 405 с.
140. ХАШДЕУ, Б. П. *Избранное*. Кишинев, 1957.
141. ХАШДЕУ, Б. П. *Молдавские легенды. «Гинкул»*. В: *Сын отечества*, 1838, т. 2, с. 118 –120.
142. ХАШДЕУ, Б. П. *Молдавские легенды. «Дабижса»*. В: *Сын отечества*, 1838, т.1, с. 108 –109.
143. ЦЕЙТЛИН, А. Г. *Становление реализма в русской литературе (Русский физиологический очерк)*. Москва: Наука, 1965. 317 с.

144. ЧЕЛЫШЕВ, Б. Д. *Русские писатели в Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 1981, 133 с.
145. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. *Полное собр. соч.*: В 15 т., Москва, 1947, Т. 3, 450 с.
146. ШВЕДОВА, Н. Ю. *Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова*. В: *Русский язык: Текст как целое и компоненты текста*. В: Виноградовские чтения. XI. Москва, 1999. с. 143–144.
147. ШИШКАН, К. Б. *Молдавско-русские взаимосвязи в литературе Молдовы*. В: *Revista de Etnologie și Culturologie*, Chișinău, 2012, с. 172–186.
148. ЯКИМОВИЧ, Т. К. *Французский реалистический очерк 1830-1848 гг.* Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1963.
149. ЯКОВЛЕВ, Н. *Бессарабские отклики*. В: *Одесский Листок*, 1912. № 111, 13 мая, с. 2.
150. ЯКОВЛЕВА, Н. А. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki: Helsinki University. 2012, 208 с. ISBN 978-952-10-8161-3.
151. ЯРАНЦЕВ, В. *Литература Сибири или сибирская литература*. В: *Сибирские огни*, 2013, № 11, с. 6–12.
152. ЯРКОВА, А. В. И. С. *Тургенев в творческом сознании Б. К. Зайцева*. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Санкт-Петербург, 1999.
153. ЯЦИМИРСКИЙ, А. И. «Черная шаль» А. С. Пушкина и румынская песня. В: *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук*, 1906, т. 2, книга 4, с. 372–378.
154. ЯЦИМИРСКИЙ, А. И. *Древности по берегам Днестра*. В: *Одесский вестник*, 1893, №958, с. 3–4.
155. ЯЦИМИРСКИЙ, А. И. *Разбойники Бессарабии в рассказах о них*. В: *Этнографическое обозрение*, 1896, кн. XXVIII, №1, с. 5.

Источники на румынском языке

156. AGACHE, C. *Literatura română în țările vecine (1945-2000)*. Iași, Princeps Edit, 2005, 492 p. ISBN 973-7730.-66-8.
157. BĂICULESCU, G., RĂDUICĂ, G., ONOFREI, N. *Publicațiile periodice românești*, tom. II, (1907–1918), București: Ed. Academiei R. S. România, 1969, 356 p. [online] [accesat la 18 mai 2019]. Disponibil: https://biblacad.ro/bnr/ppr_t2.html

158. BEZVICONI, G. *Profiluri de ieri și de azi*. București: Ed. Librăriei universitare I. Cărăbaș, 1943, 336 p.
159. BOBÂNĂ, G., TROIANOWSKI, L. *Prezențe basarabene în spiritualitatea românească (secolul al XIX-lea – prima jumătate a secolul al XX-lea)*. *Dicționar Enciclopedic*. Chișinău: Civitas, 2007, 312 p. ISBN: 9789975928953; 9975928951.
160. BODIȘTEAN, F. *O teorie a literaturii*. Ed. a 2-a, rev. și adăug. Iași: Institutul European, 2008. 320 p. ISB: 978-973-611-564-6.
161. BURLACU A., GRATI A., CORCINSCHI N. *Proza basarabească din sec. al XX-lea*. Text. Context. Intertext. Chișinău: Gunivas, 2010. 112 p. ISBN 978-9975-4070-1-4.
162. CĂLINESCU, G. *Istoria literaturii române de la origini pînă în prezent*, ediția a II-a, revăzută și adăugită ediție și prefață de PIRU, Al., București: Minerva., 1988, 1060 p. [online] [accesat la 7 iulie 2018]. Disponibil: <https://archive.org/details/calinescu-g-istoria-literaturii-romane-de-la-origini-pina-in-prezent-minerva-1982/mode/2up>
163. CĂLINESCU, G. *Viața și opera lui Ion Creangă*. București-Chișinău: Litera Internațional, 1998, 336 p. ISBN: 997574029-3.
164. CIMPOI, M. *Vasile Cârlova. Poetul sufletului mâhnit*, Târgoviște: Ed. Bibliotheca, 2010, 222 p. ISBN: 9789737125514.
165. CIMPOI, M. *Al. Brătescu-Voinești. Prefacerea firii*, Târgoviște: Ed. Bibliotheca, 2011, 134 p. ISBN: 978-973-712-610-. 8.
166. CIMPOI, M. *Critice, Poietica arhetipala*. Vol. V, Craiova: Fundația Scrisul Românesc, 2005, 204 p. ISBN: 973-8343-78-X
167. CIMPOI, M. *Esența ființei. (Mi)teme și simboluri existențiale eminesciene*. Chișinău: Gunivas, 2003, 274 p. ISBN: 9975-908-34-9.
168. CIMPOI, M. *Grigore Alexandrescu. Însuflarea ființării*, Târgoviște: Ed. Bibliotheca, 2009, 108 p. ISBN 978-973-712-484-5.
169. CIMPOI, M. *Ion Ghica. Amintirea ca existență*, Târgoviște: Ed. Bibliotheca, 2012, 196 p. ISBN: 978-973-712-698-6.
170. CIMPOI, M. *Ion Heliade-Rădulescu. Panhymniul ființei*. Târgoviște: Ed. Bibliotheca, 2008, 152 p. ISBN: 978-973-712-385-5.
171. CIMPOI, M. *Lumea ca o carte*. București: Editura Fundației Culturale Ideea Europeană, 2004, 222 p. ISBN: 973-86721-8-X.
172. CIMPOI, M. *Mihai Eminescu. Dicționar Enciclopedic*, ediția a II-a, Chișinău: Gunivas, 2018, 800 p. ISBN: 978-9975-3160-2-6
173. CIMPOI, M. *O istorie deschisă a literaturii române din Basarabia*, Chișinău: Arc, 1996, 397 p. ISBN: 9975-61-002-1.

174. CIOCANU, V. *Alexis și Olga Nacco. Material documentar*. În: *Limba și literatura moldovenească*, 1984, №3, pp. 47–51.
175. CIOCANU, V. *Contribuții istorico-literare*. București: Fundației Culturale Române, 2001, 281 p. ISBN: 973-577-324-4.
176. CIOCANU, V. *File de istorie literară: Articole și materiale*. Chișinău: Literatura Artistică, 1989, 254 p.
177. CIOCANU, V. *Studii și materiale despre Alexandru și Boleslav Hișdeu*. Chișinău: Știința, 1984, 370 p.
178. CIOCANU, V. *De la cronografie la literatura moderna. Studii istorico-literare*. Chișinău: Știința, 1974, 378 p.
179. CIOPRAGA, C. *O carte așteptată*. În: *Catinca Agache. Literatura română în țările vecine (1945-2000)*. Iași: Princeps Edit, 2005, 495 p.
180. CIOBANU, Ș. *Basarabia. Populația, Istoria, Cultura*. Chișinău: Știința, 2018, 172 p. ISBN: 978-9975-85-106-0.
181. CODREANU, T. *Anamorfoze*. București: Editura Scara, 2017, 456 p. ISBN: 978-606-94011-9-4.
182. CODREANU, T. *Dialogurile unui „provincial”*. București: Editura Scara, 2015, 466 p. ISBN: 978-606-93865-9-0.
183. CODREANU, T. *Literatura română acasă*. București: Ed. Ideea Europeană, 2015, 232 p. ISBN: 978-606-594-234-9.
184. CODREANU, T. *Lumea românească în zece prozatori*. București: Ed. Contemporanul, 2017, 438 p. ISBN: 978-606-8843-07-0.
185. COLESNIC, I. *Basarabia necunoscută*. Vol. 3. Chișinău: Muzeum. 2000, 300 p. ISBN: 9975-905-50-1.
186. COMLOȘAN, D. *Teoria textului literar*. Timișoara: Ed. Universității de Vest, 2003, 237 p.
187. DANILOV, M. *Presa basarabeană. Contextul imperial și specificul local (sec.XIX-încep. sec. XX)*, p. 11-24, În: *Presa din Basarabia: Analize, contexte, valori (1854-2004)*, Maria Danilov (coord.), Chișinău: Cartdidact, 2005, 144 p. ISBN:9975940897.
188. *Dicționarul literaturii române de la origini până la 1900*. București: Ed. Academiei R. S. România, 1979, 976 p.
189. *Editors of Cambridge Dictionary* (Ed.). (2023). 24.11.2023. [online] [accesat la 3 martie 2019]. Disponibil: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/meaning> .
190. ELIADE, M. *Mitul Reintegrării*, București: Editura Humanitas, 2003, 112 p. ISBN: 973-50-0506-9

191. GARUSOVA, O. *Filantropii Chișinăului. Gheorghe Balș*. În: *Identitățile Chișinăului*. Ediția a IV-a. Materialele Conferinței Internaționale 19-20 oct. 2017. Chișinău, 2018, p. 188–194. ISBN 978-9975-0-0224-0.
192. GAVRILOV, A. *Criterii de științificitate a terminologiei literare: Principiul obiectivității. Eseu de epistemologie literară*, Chișinău: ELAN POLIGRAF, 2007.
193. GAVRILOV, A. *În căutare de noi repere pe drumul gândirii, studii, articole, comunicări, prelegeri, fragmente*, Chișinău: Profesional Service, 2013. 500 p.
194. GRATI, A. *Noile istorii ale literatu(rii)rilor române. Trei cărți substanțiale la această temă*. În: *Intertext*, 2019. Nr. 1-2(49-50), p. 190–196. ISSN 1857-3711 / E-ISSN 2345-1750.
195. HANGIU, I. *Dicționarul presei literare românești : (1790-2000)*, București: Ed. Institutului Cultural Român, 2004, 674 p. ISBN: 9735770504.
196. IJBOLDINA I. *Particularitățile etno-culturale ale populației ruse a Basarabiei epocii țariste (Aspectul studiului surselor)*. În: *Materialele conferinței "Patrimoniul cultural: Cercetare, Valoficare, Promovare"*. Ediția a XII-a, Vol. I, 28–29 mai 2020, Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, 2020. pp. 206–212. ISBN 978-9975-52-215-1. [online] [accesat la 4 decembrie 2021]. Disponibil: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/115780
197. IJBOLDINA, I. *Elemente folclorice și etnografice în proza rusă a Basarabiei din sec. al XIX-lea*. În: *Revista de etnologie și Culturologie*. Chișinău, 2019, Volumul XXVI, p. 78 –86. ISSN 1857-2049, E-ISSN: 2537-6152. [online] [accesat la 5 decembrie 2021]. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3595149>
198. IJBOLDINA, I. *Olga Nacco. File biografice*. În: *Tyragetia*. Chișinău, 2001, p. 183–190.
199. IJBOLDINA, I. *Problema debutului literar al Olgăi Nacco în contextul ziaristicii democratice din Basarabia din ultimul pătrar al sec. XIX*. În: *Cugetul. Revistă de istorie și cultură*, №4, Chișinău. 1999. p. 25–30.
200. IJBOLDINA, I. *Problema studierii și clasificării fenomenului patrimoniului literar-științific al lui Gh. Bezviconi în lucrările cercetătorilor din Republica Moldova*. În: *Tradiții și procese etnice*. Ediția a II-a, 30 martie 2021, Chișinău: Fox Trading SRL, 2021, pp. 75-80. ISBN 978-9975-3337-8-8. [online] [accesat la 12 aprilie 2021]. DOI: <https://doi.org/10.52603/9789975333788.10>
201. IJBOLDINA, I. *Problemele particularităților etno-regionale de dezvoltare a literaturii ruse a Basarabiei anilor 1880–1900. Tematica basarabeană în proza locală*. În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. Chișinău, 2018, Vol. XXIV, p. 92–97. ISSN 1857–

- 2049, E-ISSN 2537-6152. Categoria B. [online] [accesat la 17 decembrie 2021]. Disponibil: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/92-97_6.pdf
202. IJBOLDINA, I. *Reflectarea literară a valorilor familiale tradiționale ale familiei ruse din Moldova în perspectiva istorică a secolelor XIX–XXI*. În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. Chișinău, 2023, vol. XXXIV, p. 119–128. ISSN 1857-2049, E-ISSN: 2537-6152. [online] [accesat la 20 decembrie 2023]. Disponibil: https://ethnology.ich.md/wp-content/uploads/14.-IJBOLDINA_2023.pdf
203. IJBOLDINA, I. *Scriitorii ruși în edițiile periodice românești din perioada interbelică (1918–1940)*. În: *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și artelor. Rezumatele comunicărilor. Conferința științifică cu participare internațională*. Chișinău, 22-24 mai 2013. Ediția a V-a. Chișinău: Profesional Service, 2013, p. 55–56. ISBN 978-9975-4319-6-5.
204. IJBOLDINA, I. *Unele aspecte „culturii cotidianului” societății basarabene din anii '20 ai secolului al XX-lea în schițele lui Leonid Dobronravov (Donici)*. În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. 2016, nr. 19, pp. 82-86. ISSN 1857-2049, E-ISSN 2537–6152. [online] [accesat la 5 mai 2022]. Disponibil: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/49971
205. IJBOLDINA, I. *Valorile, obiceiurile, tradițiile și moravurile de familie ale populației ruse din Basarabia interbelică în literatura română*. În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. XXX, 2021, p. 141–148. ISSN: 1857-2049, E-ISSN: 2537-6152. [online] [accesat la 29 aprilie 2022]. DOI: <https://doi.org/10.52603/rec.2021.30.18>
206. IORGA, N. *Istoria literaturii române în veacul al XIX-lea*, vol. 1, Ed. Minerva, 1983, 312 p.
207. KERNBACH, V. *Dicționar de mitologie generală*, București: Editura Albatros, 1983, 704 p. ISBN: 2000032122167.
208. MANOLESCU, N. *Istoria critică a literaturii române. 5 secole de literatură*, București: Cartea românească, 2019, 1504 p. ISBN: 9789732333259.
209. MANOLESCU, N. *Teme*. București: Cartea românească, 2011, 600 p. ISBN: 9789732329115.
210. MANOLESCU, N. *Viață și cărți, Pitești. Paralela 45*, 2015, 424 p. ISBN: 9789734721757.
211. MARINO, A. *Comparatism și teoria literaturii*. Iași: Polirom, 1998, 350 p. ISBN: 973-683-133-7.
212. NACCO, O. *Din trecutul Basarabiei*. Din rusă BĂTRĂNU, N. Chișinău, 1978.
213. PAVEL, T. *Lumi ficționale*. București: Minerva, 1992, 297 p. ISBN: 973-21-0355-

214. PAVLICENCO, S. *Receptare și Confluențe. Studii de universală și comparată*. Chișinău Ed. USM, 1999.
215. PAVLICENCO, S. *Regionalismul în literatură și confluențe*. În: *Revista de lingvistică și știință literară*, Chișinău, 1998, № 6, pp. 11–18.
216. PAVLICENCO, S. *Romancieri spanioli din secolul al XIX-lea*, Chișinău: Știința, 1990, 166 p. ISBN: 5-376-00729-4.
217. PÎNZARU, S. I. *Ați auzit vreodată Doina*. În: *Literatura și arta*, 2 iulie 1992, p.4.
218. *Presa basarabeană de la începuturi pînă la anul 1957*: Catalog. Alcătuitor: Margarita ȘCELCIKOVA; Ediție îngrijită de: KULIKOVSKI, L. Anul editării: 2002. Tip copertă: Cartonată, 408 p. ISBN: 9975-903-57-6.
219. PRUS E. *La Parisienne romanesque : mythe et modernité*. Côte-Saint-Luc, Québec-Canada : Éditions Peisaj, 2022, 263 p. ISBN 978-2-9814830-3-4
220. PRUS, E. *Dichotomie urbain/rural - facteurs déterminants de l'interculturalité européenne*. În: *Caietele Echinox*, vol.1, *Postcolonialism și postcomunism*. Cluj: Dacia, 2001, p. 207–211. ISSN 1582-960X, ISBN 973-35-1234-6.
221. PRUS, E. *Valorizarea specificului basarabean în continuumul cultural balcanic* În: BLEOTU C. C., ALEXE, M. *Dimensiunea balcanică a prozei basarabene postmoderne*. Iași: Tipo Moldova, 2014, p. 173–176, 580 p. ISBN: 9786066766562
222. PRUS, E. *Literatura universală: transcendere a capitalului cultural*. București: Editura Fundației România de Măine, 2014, 204 p. ISBN 978-606-20-0139-1.
223. SIMION, E. *Fragmente critice*. Vol. I, București: Cartea românească, 2021, 430 p. ISBN: 9786060570462.
224. SIMION, E. *Scriitorii romani de azi*. Vol. I, București: Cartea românească, 2021, 340 p. ISBN: 9786060570370.
225. SIMION, E. *Secolul al XIX-lea în doi mesianici chibzuiți și un vizionar mistic Nicolae Bălcescu, Mihail Kogălniceanu, Ion Ghica*, București: Cartea românească, 2020, 405 p. ISBN: 9786069088890.
226. ȚANDĂRĂ, M. *Receptarea textului literar*. Focșani: Terra, 2011, 149 p. ISBN: 978-606-8299-05-1.

Источники на английском языке

227. AUERBACH, E., SAID, E. W. *Mimesis. The Representation of Reality in Western Literature*, Princeton University Press, 2013, 616 p. ISBN: 9780691160221.
228. BARON, C.; ENGEL, M. *Realism – Anti-Realism in 20 th-Century Literature*. Rodopi, Amsterdam, New York, 2010. 560 s. ISBN 978-90-420-3115-9.

229. BRODHEAD, R. H. *Cultures of Letters. Scenes of Reading and Writing in Nineteenth-Century America*. Chicago: The University of Chicago Press, 1993, 256 s. ISBN: 0-226-07525-7.
230. *Editors of Cambridge Dictionary* (Ed.). (2023). 24.11.2023. [online] [accesat la 3 martie 2019]. Disponibil: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/meaning> .
231. PHILIP J. *American Literary Regionalism in a Global Age*. Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press, 2007. 248 s. ISBN: 978-0807131886.
232. LAMBERT, C. S. *The Regional Novel*. În: *Encyclopedia of the Novel*. Edited by Peter Melville Logan, Olakunle George, Susan Hegeman, and Efraín Kristal, Chichester, UK: Wiley Blackwell, 2011. ss. 667–671.

Источники на испанском языке

233. ESCOBAR, José. *Literatura Española del Siglo XIX. Del Romanticismo al Realismo*, Barcelona: Universitat, 1998, 240 p.

Источники на немецком языке

234. ANZ, T; BAASNER, R. (Hrsg.). *Literaturkritik. Geschichte, Theorie, Praxis*. Beck, München 2004. 370 s. ISBN: 9783406510953, 3406510957.
235. BECKER, S. *Bürgerlicher Realismus. Literatur und Kultur im bürgerlichen Zeitalter 1848-1900.*, Basel: UTB GmbH, 2003, 359 s. ISBN: 978-3-8252-2369-4.
236. FLITTER, D. *Spanish Romanticism and the uses of History Ideology and the Historical Imagination*, Oxford: Legende, 2006, 214 s. ISBN: 9781900755979.
237. HAGE, V. *Kritik für Leser. Vom Schreiben über Literatur*. Frankfurt am Mein: Suhrkamp 2009, 460 s. ISBN 978-3-518-46107-5.
238. LAAGE, K. E. *Theodor Storm. Leben und Werk*. Husum, 2015, 118 p. ISBN 978-3-88042-650-4.
239. LOQUAI, F. *Die Alpen. Eine Landschaft und ihre Menschen in Texten deutschsprachiger Autoren des 18. und 19. Jahrhunderts*. München: Goldmann Verlag, 1996, ss. 477–480. ISBN 3-442-07659-5. ISBN: 978-1405161848.
240. MEYER, S. *Im Medium der Prosa. Essay und Erzählung bei W. G. Sebald*. În *Recherches Germaniques*, 2005, ss. 173–185. [online] [accesat la octombrie 2023]. Disponibil: https://www.persee.fr/doc/reger_2679-375x_2005_hos_2_1_1293
241. SCHEICHL, S. P. *Große Literaturkritiker*. Innsbruck: Studienverlag, 2010, 248 s. ISBN: 978-3706548458.
242. WÜNSCH, M. *Realismus (1850–1890). Zugänge zu einer literarischen Epoche*. Kiel: Steve-Holger Ludwig, 2007, 400 s. ISBN 3-937719-56-3.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Нижеподписавшийся, заявляю про личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом личных научных исследований и разработок.

Осознаю, что в противном случае буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Ижболдина Ирина

Подпись

Дата: 23. 04. 2025

CURICULUM VITAE

IJBOLDINA Irina

Informație personală

📍 MD-2001, Republica Moldova, mun. Chișinău, bd. Stefan cel Mare
Sfânt 1, Biroul 532

☎ +373 22 27-13-53 / 📠 +37369392185

✉ ijboldinairina@gmail.com

🌐 <http://www.patrimoniul.asm.md>

http://asm-md.academia.edu/Irina_Ijboldina

🗂
| Sexul Feminin
| Data nașterii 10.06.1968
| Locul nașterii or. Chișinău, Republica Moldova
| Domiciliul R. Moldova, mun. Chișinău,
str. Dr. Viilor 42/3, ap. 65

| Cetățenia Republica Moldova

| Apartenența etnică

Experiență profesională

- 2000 – 2003 Cercetător științific inferior, al secției
Istoria, limba și cultura populației ruse din Moldova al
Institutului de Cercetări Interetnice al AȘM
(Sectorul de rusistică, Etnologia rușilor)
- 2004-2006 Cercetător științific, al Secției *Istoria, limba și cultura populației ruse
din Moldova* al Institutului de Cercetări Interetnice al AȘM
(Sectorul de rusistică, Etnologia rușilor)
- 2006-2010 Cercetător științific al Secției Minorități etnice, Sectorul Etnologia
rușilor, al Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM
- 2010-2019 Cercetător științific al Secției Minorități etnice al Centrului de Etnologie,
Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM
- 2019-2025 Cercetător științific al Centrului de Etnologie, Institutul Patrimoniului
Cultural al Ministerul Culturii

Informație adițională

Formare educațională

1975 –1985

Studii medii la școala nr. 52, or. Chișinău.

1991–1996

Licențiat (1996), Limba și literatura rusă Universitatea de Stat din Moldova, facultatea de litere. Teza: „Cuvânt și imagine în literatura rusă a secolului al XIX- XX lea”

1997 –1999

Doctarantura

Institutul Minorităților Naționale
(Institutul de Cercetării Interetnice al AȘM),
Academia de Științe a Moldovei.

Stagieri de formare profesională

2013

Absolvirea programului instructiv de culturologie și literatură,
Sanct-Petersburg, Institutul Literaturii Ruse al
Academiei de Științe a Rusiei (Sanct-Petersburg)

Abilități personale

Abilități de comunicare

Limba rusă,
Limba română (B1);
Limba germană (B 1);
Limba engleză (C 1).

Domenii de cercetare

Se specializează în istoria literaturii ruse din Basarabia din secolele XIX- XX.

Participarea în proiecte:

2020–2023 – executor în cadrul Programului de Stat 20.80009.1606.02: *Evoluția tradițiilor și procesele etnice în Republica Moldova: suport teoretic și aplicativ în promovarea valorilor etnoculturale și coeziunii sociale.*

2015–2019 – executor în cadrul Proiectului instituțional de cercetări științifice fundamentale 11.817.07.20F. *Valorificarea pluridimensională a patrimoniului etnocultural ca factor al armonizării și dezvoltării societății Republicii Moldova.*

2011–2014 – executor în cadrul Proiectului instituțional de cercetări științifice fundamentale 11.817.07.20F. *Dimensiunea europeană a patrimoniului etnografic al Republicii Moldova.*

2006–2010 – executor în cadrul Proiectului instituțional de cercetări științifice fundamentale 06.410.018F. *Valorile spirituale și materiale ale etnicilor ruși din Republica Moldova: formele cultural-tipologice și tipologia percepției reciproce, prinosul cultural-istoric, interacțiunile etnice și integrarea în societatea contemporană.*

Publicații

Limba română

1. IJBOLDINA, I. Problema debutului literar al Olgăi Nacco în contextul ziaristicii democratice din Basarabia din ultimul pătrar al secolului XIX. In: *Cugetul*, №4, 1999, c. 25-30.
2. IJBOLDINA, I. Olga Nacco. File biografice. In: *Tyrogetia*, Chișinău, 2001, c. 183-190.
3. IJBOLDINA, I. Opoziția spirituală dintre „violența” și „smerenie” în gândirea emigrației ruse (observați asupra materialelor presei emigrației ruse din anii 1920). În: *Pontes. Review of South East European Studies*. Chișinău, 2013, vol. VIII, p. 225-240. ISSN 1812-333.
4. IJBOLDINA, I. Arcadii Avercenco în Romania interbelică. În: *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și artelor. Rezumatele comunicărilor*. Conferința științifică cu participare internațională. Chișinău, 31 mai – 1 iunie 2012. Chișinău: Profesional Service, 2012, p. 59. ISBN 978-9975-4319-6-5.
5. IJBOLDINA, I. Scriitorii ruși în edițiile periodice românești din perioada interbelică (1918–1940). În: *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și artelor. Rezumatele comunicărilor*. Conferința științifică cu participare internațională. Chișinău, 22-24

- mai 2013. Ediția a V-a. Chișinău: Profesional Service, 2013, p. 55-56. ISBN 978-9975-4319-6-5.
6. IJBOLDINA, I. "Unele aspecte "culturii cotidianului" societății basarabene din anii '20 ai secolului al XX-lea în schițele lui Leonid Dobronravov (Donici)". In: *Revista de Etnologie și Culturologie*. Chișinău, 2016, Vol. XIX, p. 82–87. ISSN 1857–2049.
  7. IJBOLDINA, I. Problematika chipurilor-simboluri din „Bălinele Basarabene” ale Olgăi Nacco. (La problématique des images-symboles dans les „Bylines Bassarabiennes” de Olga Nacco). In: *Materialele Colocviului cu participare internațională în colaborare cu Universitatea „Spiru Haret”, București: "Manifestări (inter)culturale prin semantica limbilor-culturi", Chișinău, ULIM, 15 mai 2019.*
  8. IJBOLDINA, I. Leonid Dobronravov – „Rătăcitul cneaz simian basarabean” și societatea metoetnică „Obezvelvolpal” In: *Rezumatele comunicărilor al Conferința Științifică internațională „Patrimoniul Cultural: Cercetare. Valoficare. Promovare”,* ediția a VIII-a, Chișinău, 2016, p.83 . ISBN 978-9975-84-014-9.
  9. IJBOLDINA, I. Cultura cotidianului în Chișinăul anilor '20 ai secolului al XX-lea în foiletoanele lui Anatoli Verșhovski. In: *Rezumatele comunicărilor al Conferința Științifică internațională „Patrimoniul Cultural: Cercetare. Valoficare. Promovare”;* ediția a IX-a, Chișinău, 2017, p.71. ISBN 978-9975-84-030-9.
  10. IJBOLDINA, I. “Problemele particularităților etno-regionale de dezvoltare a literaturii ruse a Basarabiei anilor 1880–1900. Tematica basarabeană în proza locală”. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*. Chișinău, 2018, Vol. XXIV, p. 92–98. ISSN 1857–2049. Categoria B.
  11. IJBOLDINA, I. Revista „Nedelea” – un monument uitat al istoriei și culturii Basarabiei interbelice. In: *Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare*. In: *Programul și rezumatele comunicărilor conferinței științifice internaționale. Ediția a X-a: Prin știința spre cunoașterea Patrimoniul național, dedicată Anului European al Patrimoniului Cultural și Centenarului Marii Uniri", 30–31 mai 2018*. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, 2018. 216 p, p. 118. ISBN 978-9975-84-063-7.
  12. IJBOLDINA I. Particularitățile etno-culturale ale populației ruse a Basarabiei epocii țariste (Aspectul studiului surselor). În: *Materialele conferinței "Patrimoniul cultural: Cercetare, Valoficare, Promovare".* Ediția a XII-a. Chișinău, 28–29 mai 2020. Vol. I, p. 206–213. ISBN 978-9975-52-216-8.

13. IJBOLDINA I. Imaginea comică a lumii în presa rusă din spațiul românesc în perioada interbelică. În: *Rezumatele comunicărilor Conferința științifică internațională Iatinitate, Romanitate, Românitare* Ediția a IV-a Chișinău, 6-7 noiembrie 2020, p. 67–68.
14. IJBOLDINA I. Aspecte etnoculturale ale dezvoltării populației ruse din Basarabia în secolul al XIX-lea. În: *Programul și Rezumatele comunicărilor Conferința științifică internațională Valorificarea Patrimoniul Etnocultural în Cercetare și Educație*. Ediția a V-a, Chișinău, 24 noiembrie 2020, p. 44. ISBN 978-9975-52-222-9.
15. IJBOLDINA, I. „Boierii ruși” de Gheorghii Bezviconi: Valorile familiei și natura relațiilor intrafamiliale în familia basarbiană. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. XXX., p.141-149. CHIȘINĂU, 2021. ISSN: 1857-2049.
16. IJBOLDINA, I. Problema studierii și clasificării fenomenului patrimoniului literar-științific al lui Gh. Bezviconi în lucrările cercetătorilor din Republica Moldova. În: *Culegerea Simpozionul de etnologie: Tradiții și procese etnice*. Ediția a II-a: Petre Ștefănuță – sociolog, etnograf și folclorist român din Basarabia: 115 ani de la naștere. . Chișinău: Fox Trading SRL, 2021, pp. 75-80. ISBN 978-9975-3337-8-8.
17. IJBOLDINA, I. Universul valorilor familiale în proza feminină din Moldova Sovietică: narațiunea socială și intenția de autorului. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*. Vol. XXXII, pp. 116-125. Chișinău, 2022. ISSN: 1857-2049.
18. IJBOLDINA, I. Valorile, obiceiurile, tradițiile și moravurile de familie ale populației ruse din Basarabia interbelică în romanul lui Gheorge Bezvoconi ”Poslednii lișnii celovec” În: *Materialele Conferința Științifică Internațională „Patrimoniul cultural: Cercetare, Valorificare, Promovare”*: Ediția a XIII-a. Chișinău, 27–28 mai 2021. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău: Notograf Prim, 2021, p. 92. ISBN 978-9975-84-140.
19. IJBOLDINA, I. Elemente ale costumului masculin tradițional rus în fotografiile din an. 1898, de P. M. Kondratsky „Vederile Chișinăului și a împrejurimilor sale”. În: *Rezumatele comunicărilor Conferinței Științifice cu participare internațională Portul popular - expresie a istoriei și culturii neamului*. Ediția I, dedicată Zilei Universale a Iei și Zilei Naționale a Portului Popular. Chișinău, 22 iunie 2021, p. 25. ISBN 978-9975-62-434-3.
20. IJBOLDINA I. Particularitățile modificării spațiului socio-cultural al familiei ruse în Basarabia interbelică. În: *Rezumatele comunicărilor la conferința națională „Patrimoniul etnografic: expresie a spiritualității și a modului tradițional de viață”*, Chișinău, 28 septembrie 2021, Edi. a III-a., p. 36. ISBN 978-9975-3337-7-1.

21. IJBOLDINA I. Evoluția instituției familiei ruse în RSS Moldovenească. Aspecte etnosociale. În: *Materialele Conferinței științifice internațională „Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare”*. Ediția a XIV-a: Studiind patrimoniul cultural, îi asigurăm viitorul, dezvoltăm inteligența și cercetarea științifică. Chișinău, 30–31 mai 2022. Program și teze. Chișinău, 2022, p. 82. ISBN 978-9975-84-158-0.
22. IJBOLDINA I. Portul femeiesc în perioada sovetică (pe baza materialor revistei „Femeia Moldovei. În: *Materialele Conferinței științifice internațională „Portul popular – expresie a istoriei și culturii neamului”*. Ediția a II-a. Chișinău, 23–24 iunie. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, 2022, p. 49. ISBN 978-9975-84-162-7.
23. IJBOLDINA I. Reflectarea literară a valorilor familiale tradiționale ale familiei ruse din Moldova în perspectiva istorică a secolelor XIX–XXI. În: *Revista de Etnologie și Culturologie*. 2023, vol. XXXIV, pp. ISSN: 1857-2049.
24. IJBOLDINA, I. Family values in the fiction of Moldova as an object of ethno-cultural heritage. În: *Program și rezumatele Conferinței științifice internaționale „Patrimoniul de ieri – implicații în dezvoltarea societății durabile de mâine”*. Ediția a VII-a. 9-10 Februarie. Iași-Chișinău, 2023. Chișinău, 2023, p. 114. ISSN 2558 – 894X.

Limba engleză

25. IJBOLDINA, I. La madame Panina: Russian microspace noble family in the cycle of Mihail Sadovianu "Basarabian roads". In: *Materialele conferinței științifice internațională „Patrimoniul cultural de ieri – implicații în dezvoltarea societății durabile de mâine”, desfășurată în contextul ”Zilei Internaționale a femeilor cu activități în domeniul științei” dedicată aniversării, a 75-a de la instituționalizarea primelor institute de cercetare academică și aniversării a 60-a de la formarea Academiei de Științe a Moldovei”*. Program și tezele comunicărilor, Chișinău, 11-12 februarie 2021, ediția a III-a. / International scientific conference "Yesterday's heritage – implications for the development of tomorrow's sustainable society" held in the context of "International Women's Day with activities in the field of science dedicated to the 75th anniversary of the institutionalization of premium academic research institutes and the 60th anniversary of its formation Academy of Sciences of Moldova". Program and theses of communications. Chisinau, February 11-12, 2021, 3rd edition. Iași–Chișinău, 2021, p. 66–67 (engl.), ISSN 2558 – 894 X .

26. IJBOLDINA I. Ethno-evolutionary processes in the development of the institution of the family of the Russian population in Moldova in the XXI century. In: *Program și rezumatele simpozionului internațional de etnologie: Tradiții și procese etnice. Ediția a IV-a. Chișinău, 30 martie, 2023*. Chișinău, 2023, p.61. ISSN 978-9975-84-157-0.
27. IJBOLDINA I. Family values in the contemporary Russian literature in Moldova (the case of T. Voloshina-Orlova's stories). In: *Program și rezumatele Conferinței științifice internaționale Patrimoniul cultural: Cercetare, Valorificare, Promovare. Ediția a XV- Chișinău, 30–31 mai 2023*. Chișinău, 2023, p. 70. ISSN 978-9975-84-158-0

Limba germană

28. IZHBOLDINA, Irina. Russischsprachige Literatur. In: *Die Republik Moldau/Republica Moldova*. Ein Handbuch. K. Bochman, V. Dumbrava, D. Muller, V. Reinhardt (Hg.). Leipziger Universitätsverlag, 2012.,s. 640-647. ISBN 978-3-86583-557-4.

Limba rusă

29. ИЖБОЛДИНА, И. Монография: «Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX – начала XX вв. Исследования и материалы. Кишинев: Civitas, Б. и., 2012. – 284 с. ISBN 978-9975-4337-4-7.
30. ИЖБОЛДИНА, И. Драганов Петр. В: *Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях XIX – начало XXI вв.*, Кишинев, 2003, с. 120.
31. ИЖБОЛДИНА, И. Крушеван Павел. В: *Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях XIX – начало XXI вв.*, Кишинев, 2003, с., 123.
32. ИЖБОЛДИНА, И. Накко Ольга. В: *Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях XIX – начало XXI вв.*, Кишинев, 2003, с. 128.
33. ИЖБОЛДИНА, И. Художественный мир бессарабской прозы, или Что мы знаем о русской литературе Бессарабии? В: *Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice al AȘM*. vol. VI, Chișinău, 2006, p.134-139.
34. ИЖБОЛДИНА, И. «Бессарабское слово» в русской словесности. Некоторые аспекты периодической печати Бессарабии межвоенного периода. В: *Русский язык и литература во времени и пространстве*. China, Shanghai, 2011. V.4., p. 286-293. ISBN 978-7-5446-2256-1.

35. ИЖБОЛДИНА, И. Аркадий Аверченко в русскоязычной периодической печати Румынии (Бессарабское литературно-театральное турне 1923 г.). В: *Universul limbii și literaturii ruse și dialogul culturilor în lumea contemporană*. România, București, 2013, V. II., p. 146-159. ISBN 978-606-93375-0-9.
36. ИЖБОЛДИНА, И. «Бессарабский странник» Александр Вельтман. В: *Русское слово*, № 5 (266), Кишинев, 2010, p. 10.
37. ИЖБОЛДИНА, И. Этнорегиональные особенности молдавской культуры, их роль в мотивации туристских путешествий. В: *Materialele ale Simpozionului Științific Internațional „Economia sectorului agroalimentar – realizări și perspective”*. Chișinău, 2010, p.56-62.
38. ИЖБОЛДИНА, И. Русская литература Бессарабии как источник познания самобытности бессарабской культуры. В: *Promovarea valorilor naționale prin limbă, literatură, și istorie*. Chișinău, 2012, p. 92-97. ISBN 978-9975-4442-1-7.
39. ИЖБОЛДИНА, И. Павел Крушеван в русской литературе Бессарабии. Жанровое многообразие и структурно-стилистические особенности художественной прозы. В: *Revista de etnologie și culturologie*. Chișinău, 2010, vol. VII, 62-65. ISSN 1857-2049.
40. ИЖБОЛДИНА, И. Социальное пространство путевых очерков Леонида Добронравова «Из Петрограда в Бессарабию». В: *Revista de etnologie și culturologie*, vol. XI – XII. Chișinău, 2012, 90-93. ISSN 1875 – 2049.
41. ИЖБОЛДИНА И. Литература русской эмиграции в контексте периодических изданий Румынии межвоенного периода». В: *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor. Rezumatele comunicărilor*. Conferința științifică cu participare internațională. Ediția a VI-a. Chișinău, 22 – 23 mai 2014. Chișinău, 2014, p. 66. ISBN 978-9975-115-35-3.
42. ИЖБОЛДИНА И. «Русская литература Молдовы. Аспекты идентификации и периодизации». В: *Материалы научно-теоретической конференции «Славянские чтения - VI»*, Кишинев, 18-19 октября 2010.
43. ИЖБОЛДИНА И. «К вопросу о культурном наследии русской эмиграции в Бессарабии: Феномен русской литературы». В: *Materialele Conferinței anuale a Centrului de Etnologie al I.P.C.* Chișinău, 28-29 octombrie 2010.
44. ИЖБОЛДИНА И. «Роль периодических изданий на современном этапе развития русской литературы Молдовы». В: *Materialele zilelor culturii și scrisului slavon în Republica Moldova, Masa rotundă Славянские культуры в инациональной молдавской среде*. Chișinău 22–24 mai 2012 г.

45. ИЖБОЛДИНА И. «Русская литература Бессарабии как источник познания самобытности бессарабской культуры». В: *Materialele Conferinței științifică Promovarea valorilor naționale prin limbă, literatură, și istorie*, Chișinău, 13-14 noiembrie 2012.
46. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Молдавские легенды в произведениях Николая Жигарина-Милецкого*. В: *Rezumatelile comunicărilor al Conferința Științifică internațională Patrimoniul etnologic: concepte, tendințe și abordări*, Chișinău, 2017, p. 58. ISBN 978-9975-84-028-6.
47. ИЖБОЛДИНА, И. А. Кишиневская действительность 1920-х гг. в фельетонах газеты «Ракета»: Некоторые аспекты интерпретации культуры повседневности. В: *Славянские чтения*, № 10 (16), Chișinău, 2017, p. 179–197. ISSN 1857– 4580.
48. ИЖБОЛДИНА, И. А. Неизвестные страницы русской литературы Бессарабии: отличительные особенности и тематическое своеобразие. В: *Розвиток основних напрямів соціогуманітарних наук: проблеми та перспективи*. Збірник статей та тез доповідей за матеріалами V Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю: ДДГУ, Дніпровський державний технічний університет, 2018. – 300 р, р. 137–140 Електронне видання. ISBN-e 2408-9257.
49. ИЖБОЛДИНА, И. А. «Некоторые аспекты культуры повседневности межвоенного Кишинева (1920-х гг.) в фельетонах русскоязычных периодических изданий как элемент этического и образно-эмоционального компонента культурного наследия Молдовы» В: *Patrimoniul cultural: cercetare și valoficare*. Culegere de studii, Chișinău, 2018, p. 70–81. ISBN 978-9975-136-87-7.
50. ИЖБОЛДИНА, И. А. «Публицистические эскизы бессарабской культуры повседневности в русскоязычной прессе межвоенного периода» В: *Programul și rezumatelile comunicărilor conferinței științifice internaționale „Viața cotidiană în spațiul est-european din cele mai vechi timpuri pînă în prezent: abordări interdisciplinare*
51. ИЖБОЛДИНА, И. А. «Чужой, но близкий мир: Особенности бессарабских реалий в художественной картине мира А. Т. Аверченко и А. М. Федорова». В: *Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своем и родном. Сборник научных статей по материалам Международной*

- научной конференции (19–21 апреля 2019), Орёл (Российская Федерация), 2019, с. 354–365. ISBN 978-5-905029-60-8.
52. ИЖБОЛДИНА, И. А. Неизвестные страницы русской литературы Бессарабии: отличительные особенности и тематическое своеобразие. В: *Розвиток основних напрямів соціогуманітарних наук: проблеми та перспективи*. Збірник статей та тез доповідей за матеріалами V Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю: ДДТУ, Дніпровський державний технічний університет, 2018. – 300 р., pp. 137–140 Електронне видання. ISBN-e 2408-9257.
53. ИЖБОЛДИНА, И. А. Семейные ценности русского населения Бессарабии в произведениях Ольги Накко. Аксиологический аспект. В: *Materialele Simpozionul de Etnologie: Tradiții și procese etnice*. Ediția I. Chișinău, 6 octombrie 2020, p. 69–76. ISBN.
54. ИЖБОЛДИНА И. А. Аксиологические константы института семьи русского населения Бессарабии в XIX в.. В: *Culegerea de studii "Știință, educație, cultură", conferință științifico-practică internațională 11-12 februarie, Comrat*. Комрат: КГУ, 2021. Tipogr. "A&V Poligraf". Antetit.: Univ. de Stat din Comrat. ISBN 978-9975-3496-1-1. Т. 2: *Филология. Всеобщая история. Археология. Философия. Транзитология. Этнология и региональные исследования. Культура и искусство*, pp. 334-339. ISBN 978-9975-3496-3-5. (publicație electronică).
55. ИЖБОЛДИНА И. А. Семейно-бытовые отношения в литературно-художественном дискурсе социокультурного пространства межвоенной Бессарабии. В: *Culegerea de studii conferință științifico-practică internațională "Știință, educație, cultură"*. Комрат: КГУ, 2022. Tipogr. "A&V Poligraf". Antetit.: Univ. de Stat din Comrat. Т. 3: *Филология. Этнология и региональные исследования. Культура и искусство*. 2022. 580 р., pp. 417–422. ISBN 978-9975-83-179-6. (publicație electronică).
56. ИЖБОЛДИНА И. А. Этнокультурные аспекты семейно-бытовых отношений в новой формации советской семьи 1950–1960-х годов в художественном поле молдавской литературы. В: *Program și rezumatele Simpozionului internațional de etnologie: Tradiții și procese etnice*. Ediția a III-a, Chișinău, 31 martie 2022. Chișinău, 2022, p. 69. ISBN 978-9975-84-157-3.

Comunicări:

Limba română

57. IJBOLDINA, I. *Pressa de expresie rusă din România în perioada interbelică. Noi contribuții*. În: Simpozionului Științific cu participare internațională "Valori bibliofile", Biblioteca Nationala a Republicii Moldova în colaborare cu Ministerul Educației, Culturii și Cercetării al Republicii Moldova, Societatea Științifică de Bibliofilie și Ex-libris "Paul Mihail" din Moldova și Liga Bibliotecarilor din Republica Moldova „Alexe Rău, Societatea Științifică de Bibliofilie și Ex-Libris „Paul Mihail” din Moldova, editie a XXVIII-a, Chișinău, 17-18 Iunie 2019.
58. IJBOLDINA, I. *Problema studierii și clasificării fenomenului patrimoniului literar-științific al lui Gh. Bezuconi în lucrările cercetătorilor din Republica Moldova*". În: Simpozionul internațional de etnologie: "Tradiții și procese etnice". Ediția a II-a: "Petre Ștefănuță – sociolog, etnograf și folclorist român din Basarabia: 115 ani de la naștere". Institutului Patrimoniului Cultural. Chișinău, 30 martie 2021.
59. IJBOLDINA, I. *Valorile, obiceiurile, tradițiile și moravurile de familie ale populației ruse din Basarabia interbelică în romanul lui Gheorge Bezvoconi "Poslednii lișnii celovec"*. În: Conferința științifică internațională „Patrimoniul cultural: Cercetare, Valorificare, Promovare”. Ediția a XIII-a. Institutul Patrimoniului Cultural, Ministerul educației, culturii și cercetării. Chișinău, 27–28 mai 2021.
60. IJBOLDINA, I. *Elemente ale costumului masculin tradițional rus în fotografiile din an. 1898, de P. Kondratsky „Vederile Chișinăului și a împrejurimilor sale*. În: Conferința științifică cu participare internațională "Portul popular - expresie a istoriei și culturii neamului". Ediția I, dedicată Zilei Universale a Iei și Zilei Naționale a Portului Popular. Chișinău, 22 iunie 2021.
61. IJBOLDINA, I. *Particularitățile modificării spațiului socio-cultural al familiei ruse în Basarabia interbelică*. În: Conferința științifică națională „Patrimoniul etnografic: expresie a spiritualității și a modului tradițional de viață. Ediția a III-a. Chișinău, 28 septembrie 2021.
62. IJBOLDINA, I. *Analiza și prelucrarea surselor etno-literare, ca factor de promovare a patrimoniului etno-cultural (în baza textelor scriitorilor români din perioada interbelică)*. În: Conferința științifică națională cu participare internațională: "Valorificarea patrimoniului etnocultural în cercetare și educație". Ediția a VI-a, Conferința se va desfășura la Chișinău, 30 noiembrie 2021.

63. IJBOLDINA, I. *Evoluția instituției familiei ruse în R.S.S. Moldovenească. Aspecte etno- sociale*. În: Conferința științifică internațională ”Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare”. Ediția a XIV-a. IPC, 31 mai 2022.
64. IJBOLDINA, I. *Portul femeiesc în perioada sovetică (pe baza materialor revistei „Femeia Moldovei*. În: Conferința științifică internațională ”Portul popular – expresie a istoriei și culturii neamului”. Ediția a II-lea. IPC, 23 iunie 2022.
65. IJBOLDINA, I. *Necesitatea elaborării unui sistem educațional național de integrare a romilor din Republica Moldova*. În: Masa rotundă „Elaborarea unei strategii educaționale a romilor din Republica Moldova”. Consiliul Europei & Uniunea Tinerilor Romi din Republica Moldova „Tărână Rom”. Chișinău, 04-06 iulie 2003.

Limba engleză

66. IJBOLDINA, I. *The Problem of Studying Scientific Heritage Literary Scientist E. Dvoicenco-Marcova*. În: Conferință Științifică Internațională „Femeile în cercetare: Destine, Contribuții, Perspective” din 8-9 februarie, Chișinău- Iași, 2024.

Limba rusă

67. ИЖБОЛДИНА, И. «Бессарабское слово» в русской словесности (к постановке проблемы эмигрантской периодики в межвоенный период). В: Conferința științifică internațională «Păstrarea patrimoniului cultural în țările europene», Chisinau: 25-26 septembrie 2008.
68. ИЖБОЛДИНА, И. *Бессарабский мечтатель Леон Донич-Добронравов: между стеной и бездной*. В: Conferința Științifico-practică: Молдавия–Россия–славянский мир: выдающиеся деятели, Chișinău, 20 мая 2008.
69. ИЖБОЛДИНА, И. *Павел Крушеван в русской литературе Бессарабии*. В: Conferința științifică internațională «Актуальные проблемы археологии, этнологии и искусствоведения», Chișinău, 14-16 mai 2009.
70. ИЖБОЛДИНА И. А. *Русская литература Молдовы. Аспекты идентификации и периодизации*. В: Научно-теоретическая конференция «Славянские чтения - VI», Кишинев, 18-19 октября 2010.
71. ИЖБОЛДИНА И. А. *К вопросу о культурном наследии русской эмиграции в Бессарабии: Феномен русской литературы*. В: Conferința anuală a Centrului de Etnologie al I.P.C. Chișinău, 28-29 octombrie 2010.

72. ИЖБОЛДИНА И. А. *Этнорегиональные особенности молдавской культуры, их роль в мотивации туристских путешествий*. В: Simpozionul Științific Internațional „Economia sectorului agroalimentar – realizări și perspective”, dedicat aniversării a 45 de ani ai învățământului economic agrar din Republica Moldova, Secția „Turizm Rural”. Chișinău 7-8 octombrie 2010.
73. ИЖБОЛДИНА И. А. *Русская литература Молдовы. Аспекты идентификации и периодизации*. В: Научно-теоретическая конференция «Славянские чтения - VI», Кишинев, 18-19 октября 2010.
74. ИЖБОЛДИНА И. А. *К вопросу о культурном наследии русской эмиграции в Бессарабии: Феномен русской литературы*. В: Conferința anuală a Centrului de Etnologie al I.P.C. Chișinău, 28-29 octombrie 2010.
75. ИЖБОЛДИНА И. А. *«Бессарабское слово» в русской словесности*. В: XII Конгресс МАПРЯЛ.
76. «Русский язык и литература во времени и пространстве». 2011, 10-15 mai, Shanghai, China.
77. ИЖБОЛДИНА И. А. *Литературные образы путешествий как способ освоения нового социального пространства в путевых очерках Леонида Добронравова («Из Петрограда в Кишинев»)*. В: Conferința anuală științifică internațională a Centrului de Etnologie al I.P.C. Chișinău, 28-29 octombrie 2011.
78. ИЖБОЛДИНА И. А. *Литературная деятельность Довида Кнута в контексте русской литературы Бессарабии межвоенного периода*. В: Conferința științifică internațională: «20 лет еврейской этнологии в Молдове», 27–28 martie 2012, Chișinău, A.Ș.M., Centrul evreiesc KEDEM.
79. ИЖБОЛДИНА И. А. *Аркадий Аверченко в Румынии (1923–1924 гг.)*. В: Conferința științifică internațională: «Актуальные проблемы археологии, этнологии и изучения искусства», Chișinău, 31 mai–1 iunie, A.Ș.M.
80. ИЖБОЛДИНА И. А. *Русские писатели в румынской периодической печати межвоенного периода (1918-1940 гг.)*. В: Conferința științifică internațională: «Актуальные проблемы археологии, этнологии и изучения искусства», Chișinău, 22-24 mai, 2013. A.Ș.M.
81. ИЖБОЛДИНА И. А. *Аркадий Аверченко в русскоязычной периодической печати Румынии (Бессарабское литературно-театральное турне 1923 г.* В: Conferința metodic-științifică internațională: «Universul limbii și literaturii ruse și dialogul culturilor în lumea contemporană ». România, București 2-7 octombrie 2013

82. ИЖБОЛДИНА И. А. *Аркадий Аверченко в русскоязычной периодической печати Румынии* (Бессарабское литературно-театральное турне 1923 г. В: Conferința metodico-științifice internațională: «Universul limbii și literaturii ruse și dialogul culturilor în lumea contemporană », România, București 2- 7 octombrie 2013
83. ИЖБОЛДИНА И. А. «*Литература русской эмиграции в периодических изданиях Румынии межвоенного периода*». В: Conferința științifică internațională: «Актуальные проблемы археологии, этнологии и изучения искусства», Chișinău, 22-23 mai 2014, A.Ș.M.
84. ИЖБОЛДИНА И. А. «*Молдавский обряд в контексте русско-украинских литературных связей (На примере рассказов О. Накко и М. Коцюбинского)*». В: Simpozionul Științific cu participare internațională în memoria academicianului Constantin Popovici. Dedicată celei ale a 90-a aniversării din ziua nașterii. Ediția a III-a.; Chișinău, 30 mai 2014.
85. ИЖБОЛДИНА И. А. *Леонид Добронравов – «Забеглый князь обезьяний бессарабский» и метаэтническое общество «Обезвельволпал» Алексея Ремизова*. В: Conferința științifică internațională *Patrimoniul Cultural: Cercetare, Valorificare, Promovare*, Chișinău, ediția a VIII-a, 31 mai – 1 iunie 2016. A fost organizat atelierul «În memoria moștenirii culturale a scriitorului L. Dobronravov (Donici)» în cadrul căruia a fost prezentată o comunicare.
86. ИЖБОЛДИНА И. А. *Этнографические особенности межвоенной Бессарабии в системе художественного мира романов К. Ф. Поповича «Тревожный рассвет» и «Трудные судьбы»*.
87. В: Simpozionul științifică internațional în memoria academicianul Constantin Popovici (Ediția a IV-a): *Cultura etnică din spațiu de frontieră ucrainean și est-romanica în sincronie și diacronie*. Chișinău 3–4 noiembrie 2016.
88. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Этологические и семантические аспекты русского художественного очерка в бессарабском контексте (на примере творчества Ольги Накко* В: Conferință științifică internațională dedicată aniversării a 55 de ani de la fondarea Facultății de Limbi și Literaturi Străine Dincolo de frontiere: rolul limbilor și al literaturilor în crearea unui spațiu valoric comun, Chișinău, 14-15 martie 2019.
89. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Problematika chipurilor-simboluri din „Bâlinele Basarabene” ale Olgăi Nacco. (La problématique des images-symboles dans les „Bylines Bassarabiennes” de Olga Nacco)*. В: Colocviu cu participare internațională în

- colaborare cu Universitatea „Spiru Haret”, București:”Manifestări (inter)culturale prin semantica limbilor-culturi”, Chișinău, ULIM, 15 mai 2019.
90. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Пушкин в русской дореволюционной прессе Бессарабии: Юбилей А. С. Пушкина в газете «Бессарабский вестник» 1897*. В: VII научно-практическая национальная конференция «Бессарабская весна, посвященная 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина.», Кишинев, 31 мая 2019.
91. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Повседневность как предмет художественной литературы: репрезентация феномена «провинции» в литературном дискурсе бессарабских очерков А. Аверченко и А. Федорова*. В: Conferință științifică internațională “Patrimoniul de ieri - implicații în dezvoltarea societății durabile de mine”. Institutul Patrimoniului Cultural din Chișinău în parteneriat cu Centrul de Cercetări T.A.V.O.R. (Iași, România), Secția științe sociale, economice, umanistice și arte a Academiei de Științe a Moldovei, Biblioteca Națională a Republicii Moldova, Complexul Muzeal Național „Moldova” Iași (România), Biblioteca Națională din Lituania, Agenția Națională Arheologică, Universitatea „D. Cantemir” din Chișinău, Universitatea de Stat din Moldova, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Primăria comunei Montereale Valcellina (Italia) ș.a. Chișinău, Biblioteca Națională a Republicii Moldova. Chișinău, Biblioteca Națională a Republicii Moldova 23-25 septembrie 2019.
92. ИЖБОЛДИНА И. А. *Этнорегиональные компоненты русской литературы Бессарабии межвоенного периода: художественные особенности и контекстуальные аспекты*. В: Conferință științifică internațională “Patrimoniul Cultural: Cercetare, Valificare, Promovare”. Ediția a XI-a: De la cunoaștere spre salvagardare și conservare. Ministerul Educației, Culturii și Cercetării, Institutul Patrimoniului Cultural. Chișinău, 29–31 octombrie 2019.
93. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Семейные ценности русского населения Бессарабии в произведениях О особенностях и контекстуальные аспекты*. В: Conferință științifică internațională “Patrimoniul Cultural: Cercetare, Valificare, Promovare”. Ediția a XI-a: De la cunoaștere spre salvagardare și conservare. Ministerul Educației, Culturii și Cercetării, Institutul Patrimoniului
94. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Ольга Накко. Аксиологический аспект*. В: Simpozionul de Etnologie: Tradiții și procese etnice. Ediția I. Comunicare. IPC, Chișinău, 6 octombrie 2020.

95. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Комическая картина мира межвоенной Бессарабии в румынском пространстве*. В: Simpozionul internațional *Latinitate, romanitate și românită la Nord de Balcani*. USM, Chișinău, 6-8 noiembrie 2020.
96. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Этнокультурные аспекты развития русского населения в Бессарабии XIX в.* В: Conferința Științifică Internațională: *Valorificarea patrimoniului etnocultural în cercetare și educație. Ediția a V-a*. UPS „Ion Creangă”. Chișinău, 24 noiembrie 2020.
97. ИЖБОЛДИНА, И. А. «*La madame Panina: микропространство русской дворянской семьи в цикле Михаила Садовяну «Бессарабские дороги»*». В: Conferința științifică internațională „Patrimoniul cultural de ieri – implicații în dezvoltarea societății durabile de mâine”, ediția a III-a, dedicată zilei internaționale a fetelor și femeilor din domeniul științe. Chișinău, AȘM, 11 februarie 2021.
98. ИЖБОЛДИНА, И. А. «*Аксиологические константы института семьи русского населения Бессарабии* В: Conferința națională ”Știință. Educație. Cultură”, Universitatea de Stat din Comrat, 12 februarie 2021.
99. ИЖБОЛДИНА, И. А. «Семейные ценности и традиции в художественной прозе К. Поповича». В: Simpozionului științific în memoriam academicianului С. F. Popovici „Relațiile etnoculturale moldov XIX в.». Conferința științifico-practică internațională, dedicată aniversării de 30 ani de la fondarea Universității
100. -ucrainene în aspect sincronic și diacronic”, Ediția a VI-a, dedicată jubileului a 30 de ani de la fondarea sectorului „Etnologia ucrainenilor” al Centrul al de Etnologie al IPС. Chișinău, 10 noiembrie 2021.
101. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Семейные ценности в художественной литературе Молдовы как объект этнокультурного наследия*. В: Conferința științifică internațională: „Patrimoniul de ieri – implicații în dezvoltarea societății durabile de mâine”. Ediția A VII-a. Iași-Chișinău, 9–10 februarie 2023.
102. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Научное наследие Е. Двойченко-Марковой как историко-культурный феномен*. В: Conferința științifică națională cu participare internațională: „Cercetarea istorică și culturologică în spațiul unitar European: Paradigme, Realități, Perspective”. Chișinău, 24–25 februarie 2023.
103. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Этно-эволюционные процессы в развитии института семьи русского населения Молдовы в XXI веке*. В: Simpozionul internațional de etnologie: „Tradiții și procese etnice”. Ediția a VI-a. Chișinău, 31 martie 2023.
104. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Семейные ценности в современной русской литературе Молдовы (на примере рассказов Т. Волошиной-Орловой)*. В: Conferința științifică

internațională: „Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare”. Ediția a V-a: Studiind patrimoniul cultural, îi asigurăm viitorul, dezvoltăm inteligența și cercetarea științifică. Chișinău, 30–31 mai 2023.

105. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Изучение и классификация народного костюма староверов Республики Молдова как способ сохранения традиционной культуры и репрезентация современных этнокультурных реалий. К постановке проблемы*. В: Conferința științifică internațională „Portul popular – expresie a istoriei și culturii neamului”. Ediția a III-lea, Chișinău, 23 iunie 2023.
106. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Литературные портреты Константина Шишкана как художественная репрезентация советской эпохи*. В: *Simpozionul national: „Studii Culturale*. Ediția a V-a, dedicat Zilelor Europene ale Patrimoniului,, Chișinău, 26 septembrie 2023.
107. ИЖБОЛДИНА, И. А. *Культура повседневности» Кишинева 1920-х годов в русскоязычной прессе межвоенного периода*. В: Conferinței științifice naționale: „Identitățile Chișinăului: comunități istorice”. Ediția a VIII-a. Chișinău, 17–18 octombrie 2023.

Participant

Masa rotundă «Славянские культуры в инациональной молдавской среде». În cadrul zilelor culturii și scrisului slavon în Republica Moldova, 22–24 mai 2012 г.. Tema *Роль периодических изданий на современном этапе развития русской литературы Молдовы*.

Masa rotundă «Проблемы сохранения пушкинских традиций в современной русской литературе» Primul Festival Internațional de literatură rusă în Republica Moldova «Пушкинская горка», Chișinău, 5-8 iunie 2014: Tema comunicării: «*Преемственность пушкинских традиций в русской литературе Молдавии*».

Masa rotundă „Valorificarea Patrimoniului prin Dialogul Intercultural”, Chișinău, UPSIC, 15 martie 2019.